

Пермский государственный национальный
исследовательский университет
Кафедра политических наук
Историко-политологического факультета
Российская ассоциация политической науки
Пермское региональное отделение МО РАПН
Департамент внутренней политики
Администрации губернатора Пермского края

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ПО ИТОГАМ
V ВСЕРОССИЙСКОЙ
АССАМБЛЕИ
МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ
(23-24 апреля 2012 года, Пермь)

ООО «Издательский дом
«Гипография купца Тарасова»
2013 г.

УДК 32.001(063)
ББК 66.0
В85

**В85 Сборник материалов по итогам V Всероссийской Ассамблеи
молодых политологов (23-24 апреля 2012 года, Пермь) / Пермь:
ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2013. – 192 с.
ISBN 978-5-91437-070-8**

УДК
32.001(063)
ББК 66.0

ISBN 978-5-91437-070-8

- © Коллектив авторов, 2013
- © Администрация губернатора Пермского края, 2013
- © Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2013
- © ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова», оформление, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. Политические институты в сравнительной перспективе...	7
<i>Семенов А.В.</i> Концептуальные основы сравнительного институционального анализа публичной сферы.....	7
<i>Окунева Е.С.</i> Интерпретация внешней политики государства через структурный анализ его политического режима.....	9
<i>Платонова Е.С.</i> Эволюция Государственной Думы Федерального Собрания РФ в 1992 – 1999 г.	11
<i>Григорьев Н.А.</i> Эволюция российских политических институтов в контексте демократического транзита.....	13
<i>Лукашкина А.А.</i> Проблемы и перспективы лоббизма в современной России.....	16
<i>Косович С.Б., Теплоухов О.Г.</i> Практики самоорганизации студентов как форма гражданского участия (на примере г. Тюмени).....	18
<i>Крылов Д.С.</i> Политика бездействия политических акторов.....	20
<i>Краева С.А.</i> Влияние национального контекста на эффективность работы международных молодежных общественных организаций ..	24
Секция 2. Политическая дискурсология и мифология	26
<i>Мозжегоров С.В.</i> Нарратив о «пропаганде гомосексуализма» и дискриминация ЛГБТ-сообщества в современной России	26
<i>Герасимов В.К.</i> «Национальный вопрос» в дискурсе Алексея Навального: угроза территориальной целостности РФ или возможность конструктивного решения межэтнических проблем?	27
<i>Лобанова О.В.</i> Дискурсивные особенности русских националистов Тюмени.....	30
<i>Гранатова Ю.В., Фахразеева С.Р.</i> Национальное самосознание в дискурсе о Великой Отечественной войне: на примере блогосферы.....	32
<i>Артемов А.В.</i> Некоторые аспекты формирования политических образов в Челябинске и Челябинской области	34
Секция 3. Региональные политические исследования.....	38
<i>Солдатова А.С.</i> Российские регионы в условиях инновационного развития страны.....	38

<i>Кулеш Е.А.</i> Региональное лидерство и репрезентация региона: сравнительный анализ Омской и Томской областей	40
<i>Постникова К.А.</i> Управление социально-экономическим развитием территорий с особым статусом в составе субъектов Российской Федерации, прошедших процесс объединения.....	43
<i>Сонина В.В.</i> Деволуция государственной власти в федеративных государствах как попытка преодолеть этнополитический конфликт	46
<i>Гуляева А.Г.</i> Институт преемника в современной России: региональные кейсы	49
<i>Шакирова П.Н.</i> Проблемы регионального субсидирования территорий в Пермском крае.....	51
Секция 4. Международные отношения и мировая политика	54
<i>Сизикова Е.С.</i> ДНЯО в режиме нераспространения ядерного оружия	54
<i>Залевина А.Р.</i> Вопрос соблюдения прав венгерского национального меньшинства во внешней политике Венгрии.....	56
<i>Сирюкова Я.А.</i> Международные институты в постконфликтном восстановлении Боснии и Герцеговины: реалии и вызовы современности.....	58
<i>Церетели Л.А.</i> Территориальные конфликты и практика их решения.....	61
Секция 5. Европейские исследования	63
<i>Стеблинская А.О.</i> Политика интеграции в Германии и её результаты...	63
<i>Мамаева П.А.</i> Болонский процесс: проблемы реформирования ЕС в сфере образования.....	65
<i>Лаврентьева Н.С.</i> От стремления в единую Европу к «евроскептицизму» два шага.....	66
<i>Егошина Е.Г.</i> Роль международных межправительственных организаций в развитии социально-политической активности молодежи ...	68
Секция 6. Вопросы государственной политики и управления	71
<i>Вагизов Р.Р.</i> Формирование и развитие профессиональной карьеры государственного служащего при получении им профильного образования.....	71
<i>Плотников А.Н.</i> Повторная преступность: факторы влияния и способы минимизации	74
<i>Семериков М.А.</i> Государственная программа содействия добровольному переселению соотечественников: ход реализации и перспективы	75
<i>Якимова М.Н.</i> Об уровне развития проектного управления в исполнительных органах государственной власти Пермского края.....	79
<i>Кашапова Д.Р.</i> Формирование гражданского сознания у российской молодежи	82

<i>Падерина Д.С.</i> Женские организации: электоральная поддержка власти или новый политический игрок?	84
<i>Михайлов А.Ю.</i> Теория рационального выбора в объяснении коррумпированности гражданских служащих. Синтез подходов Роберта Клитгаарда и Джеймса Марша	87
Секция 7. Политическая идентичность	91
<i>Гончарик А.А.</i> Конструирование региональной идентичности относительно пространственной организации российских регионов	91
<i>Новикова С.А.</i> Палитра политических идентичностей в современных социальных сетях и игровых средах	93
<i>Андреев Р.В.</i> Антиамериканизм в Великобритании в 2000–2010-е годы	97
<i>Цумарова Е.Ю.</i> Политика идентичности: politics или policy?	98
<i>Сивинцева О.В.</i> Трансформация китайской идентичности в условиях импортирования рыночных механизмов	101
<i>Давыдов Д.А.</i> Проблемы политической идентичности в контексте теории рационального выбора	104
<i>Черкасов А.А.</i> Государство регионов. Современная Украина, как полицентрическое и полимифологическое государство (случай Донбасса)	107
<i>Бедерсон В.Д.</i> Герои-«первооткрыватели» в региональной идентичности регионов Дальнего Востока	110
<i>Григорян А.М.</i> Теоретико-методологические обоснования исследования института гражданской идентичности молодежи	114
Секция 8. Политические коммуникации	117
<i>Демин Е.Н.</i> Особенности развития политической коммуникации в современной России	117
<i>Титерин О.О.</i> Российско-Грузинский информационный конфликт августа 2008 года в контексте современных исследований международных отношений	119
<i>Гонцов К.В.</i> Сравнительный анализ политических коммуникаций КПРФ и ЛДПР в период избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы VI созыва (на примере теледебатов)	121
<i>Хаустов О.О.</i> Конкурентность коммуникаций и демократия	124
Секция 9. Локальная политика	126
<i>Тырина Е.И.</i> Эволюция института публичных слушаний в России	126
<i>Зуйкина А.С.</i> Динамика институциональной политики Пермского края по вопросам межбюджетных отношений в 2005 – 2011 гг.	127
<i>Филиппова М.В.</i> Эффективность деятельности органов местного самоуправления на примере анализа деятельности представительного органа г. Ярославля за 2006–2011 гг.	131
<i>Каплина Ю.С.</i> Условия формирования локальных режимов в постсоветской России: историческая ретроспектива	134

Секция 10. Электоральные исследования	137
<i>Булатова Д.К.</i> Итоги парламентских выборов 2011 года: региональный аспект	137
<i>Петрова Р.И.</i> Российские праймериз в зеркале американской электоральной политики	141
<i>Шарова Е.А.</i> Географические особенности поведения электората Пермского края	144
<i>Копысова Е.А.</i> Европейское видение российских выборов 2011–2012	148
Секция 11. Символическая политика	150
<i>Ефремова В.Н.</i> Этапы трансформации символической политики государственных праздников в современной России	150
<i>Машинина М.В.</i> «Четыре И» (институты, инфраструктура, инновации, инвестиции) по-тюменски: символическая политика региона в период президентства Дмитрия Медведева	153
Панель: «Гражданское участие на местном уровне: grassroots democracy»	157
<i>Бабинцева Е.В.</i> Местное сообщество и местное самоуправление: к чему движемся?	157
<i>Сониц А.М.</i> Проблемы непосредственного участия граждан в осуществлении местного самоуправления на примере работы территориальных общественных самоуправлений г. Тюмени	159
<i>Мухин М.А.</i> Поддержка и развитие непосредственной демократии. Опыт Перми, сравнение с другими муниципальными образованиями Российской Федерации	163
Панель: Итоги избирательного цикла 2011–2012 гг.	165
<i>Кайгородова А.Ф.</i> Выборы 4 декабря 2011 года: электоральная активность и политические предпочтения избирателей юга Тюменской области	165
<i>Кулапина А.В.</i> Институт обращений граждан в органы государственной власти в период избирательного процесса: уровень развития в Республике Татарстан	167
<i>Руденкин Д.В.</i> Участие российской молодежи в выборах органов государственной власти: основные тенденции	170
<i>Щанкина Т.М.</i> Представления и стратегии действий тюменской оппозиции	173
Панель: Возможна ли революция креативного класса России?	
Правящий класс vs креативный класс	176
<i>Калабина Е.В.</i> Креативный класс: теория и реальность	176
<i>Беляев А.Ю.</i> Факторы деятельности «технических» фабрик мысли в Санкт-Петербурге	178
V Всероссийская Ассамблея молодых политологов: как это было	181
Сведения об авторах	188

Секция 1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Семенов А.В.

Концептуальные основы сравнительного институционального анализа публичной сферы

В российских общественных науках концепт «публичная сфера» на фоне других терминов занимает, скорее, маргинальное положение, однако время от времени интерес к нему проявляют представители самых различных дисциплин. Большинство работ так или иначе связано с анализом классических западных теорий Ю. Хабермаса, Х. Арндт, Р. Сеннета и др. Существуют попытки разработать собственную «нормативно-функциональную модель» публичной сферы¹, исследуется связь идеологий, символической политики и публичной сферы², осуществляются попытки концептуального осмысления с привлечением аппарата философии и лингвистики³. Немногие работы ориентируются на прикладные исследования⁴. В целом же публичная сфера рассматривается в перспективе широкой дихотомии «публичное» – «частное», а ее концептуализация не выводится за рамки данного противопоставления для целей прикладного анализа. Отсутствие масштабных эмпирических исследований по проблеме создает ситуацию, при которой под публичной

¹ Красин Ю.А. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты. – М.: Институт социологии РАН, 2009. (Раздел 5. Публичная сфера и публичная политика).

² См. работы О.Ю.Малиновой и других членов Исследовательского комитета по изучению идеологий в публичной сфере РАПН, особенно коллективную монографию «Идейно-символическое пространство постсоветской России : динамика, институциональная среда, акторы» / под. ред. О. Ю. Малиновой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

³ От общественного к публичному / Науч. ред. О. Хархордин. – СПб: Изд-во ЕУСПб, 2011.

⁴ Никовская Л., Якимец В. Особенности публичной политики в России // Полития. 2007. № 1. – С. 30–51.

сферой подразумевается ряд смежных категорий («публичная политика», «публичное пространство» и т. д.), методологически этот феномен обычно рассматривается через призму дискурс-анализа. За границами внимания остаются условия производства высказываний и позиций, политические эффекты институтов и практик, причины распространения одних и упадка других арен взаимодействия (площадок обсуждения). Особенно обостряются эти вопросы в связи с массовыми протестами конца 2011 года, когда стало очевидно, что российские регионы абсолютно по-разному отреагировали на итоги думской избирательной кампании.

В этом свете, основная задача, которая сейчас стоит в повестке дня исследований публичной сферы, это адаптация данного концепта ко множественности исторических и культурных контекстов, в том числе — для проведения сравнительных исследований на субнациональном уровне. Как указывает Ю. Хабермас в предисловии к «Структурной трансформации публичной сферы», этот феномен укоренен в специфической исторической ситуации возникновения раннелиберальных обществ в западно-европейских политиях. В то же время, В. Шлюхтер, Ш. Эйзенштадт и Б. Виттрок демонстрируют, что феномен публичной сферы может быть использован для анализа незападных политических образований⁵. Следуя этому тезису, мы предлагаем модель сравнительного анализа публичной сферы на основе методологии социологического институционализма. Исходным пунктом предлагаемой нами модели является разработанное П. Пановым представление о политическом порядке, где публичная сфера выступает одним из содержательных измерений политических взаимодействий⁶, смысл которого в обсуждении общественно-значимых проблем с выходом на институты принятия решений. Коммуникации по поводу вопросов общей значимости (публичные коммуникации) проходят в уже организованной среде, но эта среда может быть организована по-разному.

Для сравнительного анализа публичных сфер различных политий предлагается использовать социологическую версию нового институционализма. В этой перспективе анализ публичных сфер субнациональных единиц в России будет включать: динамику институционального изоморфизма (проникновение новых образцов обсуждения и последствия их «пересадки»), общий институциональный дизайн публичной сферы (кто допущен к определению повестки дня, кто участвует в обсуждении, каковы «конституционные правила» взаимодействия между ключевыми участниками процесса обсуждения — масс-медиа, политическими партиями, органами государственной власти, общественными организациями и движениями), а также анализ институциональных практик. Кроме того, важным представляется

⁵ Public Spheres and Collective Identities / Ed. by S.Eisenstadt, W.Sluchter, B.Wittröck. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2001.

⁶ Панов П.В. Институты, идентичности, практики. — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 130–131.

сравнительный анализ «участия» и «действия», то есть, степени распространенности воспроизводства или новаций в практиках обсуждения⁷.

Список источников и литературы:

1. Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. – М.: РОССПЭН, 2011.
2. Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О.Ю. Малиновой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
3. Красин Ю.А. Метаморфозы российской реформации. Политологические сюжеты. – М.: Институт социологии РАН, 2009. (Раздел 5. Публичная сфера и публичная политика).
4. Никовская Л., Якимец В. Особенности публичной политики в России // Политика. 2007. № 1. – С. 30–51.
5. От общественного к публичному / Науч. ред. О. Хархордин. – СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2011.
6. Панов П.В. Институты, идентичности, практики. – М.: РОССПЭН, 2011.
7. Public Spheres and Collective Identities / Ed. by S.Eisenstadt, W.Sluchter, B.Wittrock. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2001.

Окунева Е.С.

Интерпретация внешней политики государства через структурный анализ его политического режима

В исследовании анализируется вопрос влияния типа политического режима на внешнюю политику государства через структурный анализ характеристик самого режима (так называемая «распаковка» политического режима), а именно, через различия в политической системе, институтах и нормах демократических и авторитарных государств. Данная концепция обнаруживает различия во влиянии подтипов демократического и авторитарного режимов на внешнеполитическое поведение государств.

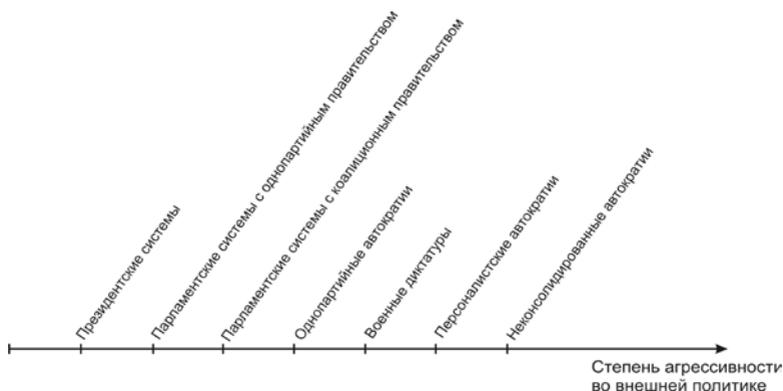
Можно выделить три типа институциональных устройств демократий, которые по-разному влияют на внешнюю политику государства: 1) парламентские системы с коалиционным правительством; 2) парламентские сис-

⁷ Подробнее о концептуальном и эмпирическом разграничении данных понятий см. в Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. – М.: РОССПЭН, 2011.

темы с однопартийным правительством; 3) президентские системы. Так, коалиционные правительства более склонны вступать в вооруженные конфликты, чем однопартийные. Наличие контроля над кабинетом министров со стороны парламента также оказывает влияние на вовлеченность в международные конфликты. Высокий уровень электоральной поддержки того или иного внешнеполитического решения, в свою очередь, может привести к инициированию конфликтов (например, последняя американо-иракская война). Следует обратить внимание и на влияние неструктурных факторов демократического режима, в частности, идеологию правящих партий или убеждения и психологические установки лидера.

Анализируя авторитарные государства, можно выделить три типа автократий, в которых, так же как и в демократиях, по-разному строится процесс принятия внешнеполитических решений: 1) персоналистский тип; 2) тип военной диктатуры; 3) однопартийный тип. Первые два типа менее всего склонны к конфронтационности друг с другом. Персоналистские автократии чаще других типов инициируют войны с демократиями, но они более агрессивны по отношению как к демократиям, так и к авторитарным государствам. Военные диктатуры также являются более конфликтными, чем однопартийные автократии. Несмотря на описанную системную склонность к агрессивному внешнеполитическому поведению, данная агрессивность зависит, в первую очередь, от лидерских установок, умения выбрать более осторожную стратегию, восприимчивости элит к конфликтам или народного недовольства. Как и в демократиях, сохраняется сильное влияние персоны лидера или идеологических ориентаций правящей партии. В рамках исследования внешней политики автократий было выявлено, что неконсолидированные автократии более агрессивны, чем стабильные авторитарные государства.

В общем виде, подтипы демократических и авторитарных режимов можно расположить в следующей последовательности по степени их агрессивности во внешней политике:

Структурный анализ политического режима является еще одним методом анализа внешней политики государства и может служить дополнительным инструментом прогнозирования ситуации на международной арене и оценки риска угрозы со стороны отдельных акторов мировой политики.

Список источников и литературы:

1. Elman, M.F. (2000) Unpacking Democracy Presidentialism, Parliamentarism, and Theories of Democratic Peace. // Security Studies. – № 9 (4). – Pp. 91–126.
2. Hagan J.D. Regime Type, Foreign Policy, and International Relations // The International Studies Encyclopedia – NY: Blackwell Publishing, 2010.
3. Reiter, D., Tillman, E.R. (2002) Legislative and Executive Constraints on the Democratic Initiation of Conflict. // Journal of Politics – № 64 (3). – Pp. 810 – 826.

Платонова Е.С.

Эволюция Государственной Думы Федерального Собрания РФ в 1992 – 1999 гг.

Декабрь 1991 года запомнился нам своими событиями, в частности, подписанием Беловежских соглашений. С заключением этого договора перестал существовать Союз Советских Социалистических Республик, и ряд государств обрели независимость. В их числе оказалась и Российская Федерация (тогда еще РСФСР). В постсоветской России образовались новые политические институты, в том числе и институты государственной власти, к которым относится Федеральное Собрание Российской Федерации, его палаты. Но эти органы государственной власти образовались не сразу после распада СССР, а лишь после конституционного кризиса 1993 года, когда 21 сентября Президент РФ указом № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» распустил Верховный Совет РСФСР, назначил референдум по принятию новой Конституции, выборы в Государственную Думу и Совет Федерации. При этом Б.Н. Ельцин нарушил Конституцию РСФСР 1978 года и закон «О Президенте РСФСР», поскольку роспуск каких-либо государственных органов не относился к его прерогативе (ст. 1216 Конституции РСФСР и ст. 6 закона «О Президенте РСФСР»).

Целью нашего исследования является рассмотрение эволюции, говоря по-другому, – институционализации одной из палат Федерального Собрания РФ, а именно – Государственной Думы. Под институционализацией мы понимаем процесс становления, изменения правовых основ, принципов, норм, которые регулируют деятельность парламента, выборы в данный

политический институт, устанавливают полномочия парламента. Другими словами, при исследовании институционализации мы рассматриваем нормативно-правовые акты, их содержание и влияние на Высший представительный и законодательный орган, изменения в его формировании, роспуске, его функциях и деятельности.

В нашем исследовании мы рассматриваем эволюцию Государственной Думы и ее связь с парламентом РСФСР: какие полномочия российский парламент сохранил, а какие утратил, какие изменения произошли в избирательной системе России в 1990-е годы. Проанализировав выборы в Государственную Думу, её полномочия, избирательную систему РФ и ее изменение, а также основные нормативно-правовые документы, которые закрепляют и регулируют деятельность данного государственного института, можно сделать вывод о том, что в институционализации российского парламента были как положительные, так и отрицательные моменты. К положительным моментам, на наш взгляд, относится усовершенствование избирательной системы. Мажоритарную систему относительного большинства сменила смешанная избирательная система. Теперь выборы проходили не только по одномандатным избирательным округам, но и по общефедеральному избирательному округу, а соотношение кандидатов из общефедерального и одномандатных избирательных округов было 50/50. Переход на новую избирательную систему, осуществленный в 1993 году, способствовал более справедливому распределению мандатов в Государственной Думе, а значит, улучшил политическое представительство. Во второй половине 90-х годов продолжалась эволюция избирательной системы РФ, а вместе с ней и эволюция Государственной Думы. Шел процесс совершенствования, уточнения, изменения закона «О выборах...», изменялись субъекты выдвижения кандидатов, сроки выдвижения и т. д. Эти моменты подробно рассматриваются в нашей работе. К положительным моментам можно отнести и изменение количественного состава Государственной Думы (ранее Съезд народных депутатов состоял из 1 068 депутатов, а численность Верховного Совета в 1993 году составляла 252 депутата), что способствовало установлению оптимальной численности депутатов парламента. Государственная Дума перестала быть «громоздким, неработоспособным и легко манипулируемым»⁸ законодательным органом, у депутатов появилось больше возможностей для выражения своей точки зрения, обсуждения законопроектов, кандидатур и т. д. К положительным моментам можно отнести также то, что процесс выдвижения кандидатов стал единым для всех субъектов выдвижения, более демократичным и справедливым.

⁸ Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии/ А.В.Иванченко, А.Е. Любарев. – М.: Аспект Пресс, 2006. – С. 31.

С другой стороны, российский парламент стал более слабым и уязвимым, уменьшился его политический вес. На него могут оказывать влияние Президент и Правительство РФ, его могут распускать (ст. 111, 117 Конституции РФ), манипулировать им (при предложении кандидатур на должность Председателя Правительства – ст. 111 Конституции РФ). Российский парламент утратил часть полномочий, которые были у парламента РСФСР, и имеет недостаточно полномочий для контроля над исполнительной властью (не может даже отменить Указы Президента РФ или Постановления Правительства, не говоря уже об отрешении от должности главы государства и отставки правительства – формально это возможно, но де-факто почти нет). Анализ рассмотренных в работе нормативно-правовых актов (Основной закон РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы и подзаконные акты), призванных регулировать деятельность Государственной Думы, выявил множество недостатков, делающих Государственную Думу слабой и уязвимой, в то время как парламент «должен быть независимым и являться самостоятельным политическим институтом, который оказывает реальное влияние на политику и другие политические институты и организации»⁹.

Список источников и литературы:

1. Булаков О.Н. Парламентское право РФ. Серия «Высшее образование». – М.: Финансовый контроль, Национальный институт бизнеса. – Ростов-н /Д., 2004. – 731 с.
2. Иванченко А.В., Любарев А.Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии/ А.В.Иванченко, А.Е. Любарев. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 222 с.

Григорьев Н.А.

Эволюция российских политических институтов в контексте демократического транзита

Начиная с 1974 г., под влиянием крушения авторитарных режимов и начала демократизации в странах Южной Европы, Южной Америки, Азии и Африки, а также в странах бывшего социализма, возникла необходимость научной интерпретации этих процессов. Первоначально процессы демократизации изучала теория модернизации. Однако она подвергалась

⁹ Булаков О.Н. Парламентское право РФ. Серия «Высшее образование». – М.: Финансовый контроль, Национальный институт бизнеса. – Ростов-н /Д., 2004. – С. 18.

критике за ее детерминированность, «вестернизированность», которая не учитывала социокультурные особенности модернизирующихся обществ, т.е. представлялась попытка применения тех схем развития, по которым прошли страны Запада, развивавшиеся в иных условиях. Также следует добавить, что теория модернизации предполагала реформирование традиционных обществ, в то время как страны, начавшие процесс обновления, в большинстве не являлись традиционными. К тому же в данной теории отсутствовали конкретные описания институционального дизайна переходных обществ, оптимальной конфигурации политических институтов.

Альтернативой теории модернизации возникло направление в политологии – транзитология, изучающая процессы и условия перехода от авторитарных к демократическим режимам (демократический транзит). При этом допускалось необязательным итогом становление демократического режима, допускались откаты назад, к авторитаризму. Важно подчеркнуть, что данная теория делала упор на развитие демократических институтов – процесс институционализации. Результат же зависит от условия протекания процесса, от характеристики сил, которые будут на него влиять, от их способностей решать проблемы, от внешних обстоятельств, влияющих на внутреннюю политику. Существенный вклад в теорию транзитологии внесли исследователи С. Хантингтон, Д. Растоу, А. Пшеворский, А.Ю. Мельвиль, О.Г. Харитонов¹⁰.

Итоги процессов «третьей» волны демократизации подтвердили гипотезу о том, что в результате демократического транзита не всегда устанавливаются консолидированные демократии. Особенно это характерно для России. Режим, установившийся в 1990-е гг., можно охарактеризовать такими понятиями как «гибридный», «демократура». Для поставторитарных стран в процессе демократизации актуальной является проблема эффективности политических институтов. В посткоммунистической России так и не удалось построить устойчивые и сильные политические институты, что сдерживало процесс демократизации.

События, которые развернулись в начале 2011 г. на Ближнем Востоке (революции в Тунисе, Египте, Ливии), можно охарактеризовать как начало «четвертой» волны демократизации, что делает теории транзитологии актуальными.

¹⁰ Хантингтон С. Третья волна. Демократия в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003; Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). – М.: 1999; Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели. // Полис. 1996 г. № 5. стр. 5–15.; Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М.: РОССПЭН, 1999.

Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). – М.: 1999.; Харитонов О.Г. Генезис демократии (попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // Полис. 1996 г. № 5. – С. 70–78.

Цель исследования: проанализировать процесс эволюции двух демократических институтов в 2000-е гг. – разделение властей по вертикали (власти «центра и регионов») и избирательную систему формирования парламента.

В качестве результатов исследования можно выделить:

- реформы взаимоотношений власти «центра-регионов» (изменения порядка формирования Совета Федерации, право президента на роспуск законодательных органов власти субъектов, отмена выборов губернаторов) укрепили т.н. «вертикаль власти» и выполнили функции общей стабилизации положения в стране. Однако данные меры рассматривались как временные, так как они противоречат принципам федерализма.

- реформирование избирательной системы в 2000-е гг. в целом привело к неконкурентной партийной системе, выразившись в таких нововведениях, как установление 7% барьера для прохождения политической партии в парламент, повышение минимального количества региональных групп. Эти акты тормозили развитие многопартийности, ведь согласно законам М. Дюверже пропорциональная система должна привести к многопартийности.

- мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 г., который также затронул Россию, потребовал от политической элиты и всего российского общества усилий по реформированию политической системы в сторону дальнейшей демократизации. Прежде всего, реформы коснулись избирательного законодательства (снижение процентного барьера для прохождения в Госдуму до 5%). После думских выборов декабря 2011г., резкой активизации гражданского общества (которые вылились в массовые митинги по всей стране) представители политической элиты заговорили о радикальном реформировании политической системы: возвращении выборности губернаторов, облегчении правил регистрации политических партий, возвращении смешанной избирательной системы.

Можно сделать общий вывод о том, что процесс демократизации в России идет эволюционным путем, без резких преобразований. Это подтверждают данные процесса изменений политических институтов, в частности, разделение властей по вертикали («центр-регионы»), как важного элемента федерализма, и избирательной системы, одного из ключевых институтов демократии, обеспечивающих каналы связи общества со структурами государственной власти.

Список источников и литературы:

1. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). – М.: 1999.

2. Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М.: РОССПЭН, 1999.

3. Растоу Д.А. Переходы к демократии: попытка динамической модели. // Полис. 1996 г. № 5. – С. 5–15.

4. Хантингтон С. Третья волна. Демократия в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003.

5. Харитоновна О.Г. Генезис демократии (попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // Полис. 1996 г. № 5. – С. 70–78.

Лукашкина А.А.

Проблемы и перспективы лоббизма в современной России

В современной России остро встал вопрос о перспективах развития гражданского общества. Гражданская активность может проявляться в различных формах: митинги, демонстрации, участие в электоральном процессе или в различных общественных организациях. Одной из форм политического участия, по мнению автора, можно считать лоббизм.

Во всем мире лоббизм признается естественным явлением, неотъемлемой частью политической системы общества. В ряде стран он законодательно закреплён, регламентируются его правовые и неправовые формы.

В России лоббизма юридически не существует, все попытки разработать соответствующее законодательство не увенчались успехом.

Несмотря на это, можно с уверенностью утверждать, что лоббизм в России существует. Ключевая проблема данного исследования – как функционирует лоббизм в условиях отсутствия его законодательного закрепления в современной России.

Лоббизм (то же что и “лоббирование”) – институт политической системы, представляющий собой процесс по продвижению интересов частных лиц, корпоративных структур (а также представляющих их профессиональных лоббистских фирм и общественных организаций) в органах государственной власти, с целью добиться принятия выгодного для них политического решения¹¹. Методологическая база для изучения лоббизма была заложена в начале XX века основоположниками теорий групп интересов и плюралистической демократии.

Данное явление распространено во всех сферах общественной жизни: в политике, экономике, международных отношениях, взаимодействии между центральной властью и регионами государств. Субъектами лоббизма выступают общественные организации, политические движения, профсоюзы, бизнес-структуры, предпринимательские организации, производственные корпорации разного уровня, а также различные “национальные” объединения, защищающие интересы зарубежных стран.

¹¹ См.: Профессиональный словарь лоббистской деятельности (составитель П.А. Толстых) // Центр по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти. – Москва, 2009. – www.lobbying.ru

*Под объектами лоббизма понимаются органы государственной и муниципальной власти, способные принимать политические решения, в которых заинтересован лоббист. К ним относятся органы исполнительной и законодательной власти*¹².

Лоббизм в России – явление не новое, он существовал еще в дореволюционное время, причем в относительно цивилизованной форме. Этапы эволюции лоббизма связаны с этапами становления современной политической системы России: периодом правления Ельцина, Путина и Медведева.

На сегодняшний день в нашей стране преобладает корпоративистская модель лоббизма, что определяет выбор лоббистами определенных методов работы.

Коррупционный характер взаимоотношений власти, общества и предпринимательства – основополагающее условие существования лоббизма в России. Именно эта особенность не позволяет российскому законодательству принять лоббирование, как метод цивилизованного сотрудничества бизнеса и государства.

Несмотря на отсутствие благоприятных условий, соответствующей законодательной базы, субъекты лоббизма в России многочисленны и успешно функционируют. Лоббизм в России набирает силу, становится более профессиональным и практически незаметно для власти выходит на новый уровень. Об этом говорит наличие как минимум 9 профессиональных лоббистских фирм общего профиля, использующих в своем арсенале вполне легитимные методы воздействия на власть, и отраслевых специалистов по взаимодействию с государственными органами практически на каждом крупном предприятии.

Законодательство же о регулировании лоббизма позволило бы заложить в основу деятельности лоббистских организаций определенные этические принципы, нормы, правила и традиции. Целями его является, с одной стороны, регламентация деятельности лоббистских структур, представляющих интересы корпораций, коммерческих предприятий, фирм, с другой – поддержка групп граждан, обеспечение их взаимодействия с властью и влияние общества на процесс принятия решений.

Список источников и литературы:

1. Смирнов В., Зотов С. Лоббизм в России: Политико-правовые проблемы // Государство и право. 1996. № 1. – С. 118.

2. Профессиональный словарь лоббистской деятельности (составитель П.А. Толстых) // Центр по изучению проблем взаимодействия бизнеса и власти. – Москва, 2009. – www.lobbying.ru

¹² См.: Смирнов В., Зотов С. Лоббизм в России: Политико-правовые проблемы // Государство и право. 1996. № 1. – С. 118

Практики самоорганизации студентов как форма гражданского участия (на примере г. Тюмени)

В свое время Карл фон Гумбольдт отмечал, что университет является совокупностью трёх субъектов: чиновников, профессоров и студентов¹³. То, что было характерно для Германии начала XIX в., справедливо и для современного российского университета.

Очевидно, что высшие учебные заведения не существуют в вакууме, а в определённом макросоциальном контексте. Нам представляется, что высшая школа органично вписана в существующий политический порядок тюменского региона, который отличается монополизацией ресурсного поля политики исполнительной властью¹⁴. В регионе господствует «официальная публичная арена», а другие формы гражданской активности вытесняются властью на периферию публичного пространства¹⁵.

Мы следуем той интеллектуальной традиции, которая считает цивилизационный проект модерна незавершённым¹⁶, а его потенциал – исчерпанным не полностью. В этой традиции гражданское общество понимается как тип социетальной интеграции общества позднего модерна¹⁷, комплекс определенных идей и представлений (доверие, уважение к другому, равенство, справедливость), а также социальных действий, направленных на их реализацию, – гражданских практик.

Столь значимый публичный институт, как вуз, не может в условиях существующего институционального порядка иметь независимые стратегии собственного развития, а также служить ареной для артикуляции альтернативного политического дискурса и быть школой гражданского участия.

Под гражданским участием (действием) мы подразумеваем публичную активность индивидов, связанную с защитой и реализацией основных гражданских прав и свобод. Гражданское участие – показатель зрелости гражданского общества.

¹³ Гумбольдт. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/gumb.html>

¹⁴ Семенов А.В. Институционализация публичной сферы в политическом пространстве региона. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата политических наук. – С. 24–26.

¹⁵ Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка // Институциональные практики и институциональный порядок публичной сферы региона (Семенов А.В.) – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 94–114.

¹⁶ Хабермас Ю. Модерн – незавершённый проект // *Вопр. философии*, 1992. № 4. – С. 40–52.

¹⁷ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. – М.: Академический проект, 2005.

На наш взгляд, студенческую самоорганизацию в условиях доминирования типичных институциональных практик вуза можно рассматривать как форму гражданского участия.

Целесообразно выделить следующие институциональные практики студентов: непосредственно учебная деятельность; творческая активность; научная деятельность; участие в общественной жизни университета (студенческие советы и профсоюзы). Все эти виды активности в разных пропорциях являются примерами студенческой самоорганизации, однако мы концентрируем внимание на двух последних, так как считаем их наиболее значимыми для развития гражданского участия студентов. Кроме того, следует отметить, что эти виды институциональных практик не являются типичными для тюменских вузов.

Для выявления связи между практиками студенческой самоорганизации и гражданским участием студентов необходимо провести эмпирическое исследование, базирующееся на анкетных опросах, интервью студентов, принимающих участие в работе студенческих объединений, а также case-study широко освещавшегося в региональных СМИ студенческого митинга 15 мая 2010 года («За транспортные льготы студентам»).

В тюменском студенческом сообществе появляются зачатки гражданских инициатив, что в перспективе позволит занять ему достойное место в гумбольтовской триаде.

Список источников и литературы:

1. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академический проект, 2005.

2. Гумбольдт К. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/gumb.html>.

3. Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка // Институциональные практики и институциональный порядок публичной сферы региона (Семенов А.В.) – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 94–114.

4. Семенов А.В. Институционализация публичной сферы в политическом пространстве региона. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата политических наук. – С. 24–26.

5. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопр. философ., 1992. № 4. – С. 40–52.

Политика бездействия политических акторов

В любом обществе принятие решений выступает универсальным механизмом и формой целенаправленной деятельности любых общественных акторов. Само понятие актор происходит от латинского «*actor*», которое переводится как «деятель». Так, согласно Краснову Б.И., политический актор – это субъект, активно осуществляющий какую-либо из форм политической деятельности¹⁸. Следовательно, основная функция актора – это политическая деятельность. Политическая деятельность подразумевает принятие различных общественно-значимых решений. Таким образом, главная характеристика «актора» – это право на решение, поэтому актор – тот, кто решение принимает. Основные решения актора направлены на разрешение общественно значимых проблем. Однако существуют ситуации, когда актор сознательно отказывается от принятия решения, т. е. он бездействует.

Можно выделить три основания, в соответствии с которыми актор обязан принимать решение по стоящей перед ним проблеме. Первое основание – это норма, действия актора регламентированы правом, определяющим сам алгоритм действий, субъект, объект, критерии эффективности и т. д. Второе основание – это публичное принуждение актора. По сути, публичные силы обязывают определенную социальную силу выступить в качестве центра принятия решений. И третьим основанием является собственный интерес актора, т. е. распределение благ, где актор является бенефициаром, так или иначе зависит от решения/нерешения проблемы. Именно в соответствии с третьим основанием актор и выбирает политику бездействия в качестве средства воздействия на проблему. Он должен иметь собственный интерес от нерешения проблемы.

Проблемы, стоящие перед конкретным актором, можно дифференцировать по их месту в повестке дня, или, более конкретно, по двум основаниям: количеству заинтересованных и степени публичности проблемы.

Собственный интерес актора связан с тем, что от нерешения проблемы он получит больше благ, чем от решения. Существуют два типа случаев, приводящих к подобной ситуации.

Первый тип. В данном случае актор бездействует, чтобы минимизировать убытки. В шахматах существует понятие «цугцванга», т. е. любое последующее решение заведомо принесет больше вреда, издержек, чем отсутствие решения. Безусловно, политический актор может попасть в по-

¹⁸ Краснов Б.И. Актор политический. // Политическая энциклопедия: В 2 т. / Национальный общественно-научный фонд; Рук.проекта Г.Ю. Семигин; Науч.-ред. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин. – Т. 1. – М.: Мысль, 1999. – С. 35.

добную ситуацию, ситуацию, где, что бы актер не предпринимал, любое его действие принесет одни убытки.

Попытаемся смоделировать подобную ситуацию. Существует острая проблема, имеющая двух заинтересованных, которые, в свою очередь, имеют мощные механизмы воздействия на актора. У актора есть два решения данной проблемы, но каждое решение затрагивает интересы одного из заинтересованных, что крайне опасно для актора, вполне логично, что наиболее разумный ход для актора – это отказ от решений. Так, для каждого из заинтересованных последствия от нерешения проблемы будут меньше, чем последствия от решения проблемы в пользу другого. Следовательно, воздействие на актора со стороны двух заинтересованных в случае нерешения проблемы меньше воздействия на актора со стороны одного заинтересованного в случае решения проблемы не в его пользу.

В современной политической ситуации существует масса примеров подобных случаев. Например, ситуация вокруг повышения пенсионного возраста в России. Перед актором в лице государства стоит четкий вопрос: предполагает ли пенсионная реформа повышение пенсионного возраста? При современной системе пенсионного страхования, очевидно, что иных источников финансового наполнения пенсионного фонда, кроме как повышение пенсионного возраста, нет. Однако «легкие» деньги, полученные благодаря высоким ценам на нефть и газ, позволяют отложить решение данного вопроса. Ведь окончательное решение в пользу либо повышения возраста, либо явного дефицита пенсионного фонда несет слишком большие издержки (в том числе электоральные) для власти. Издержки же от нерешения проблемы меньше, поэтому государство выбрало стратегию «ожидания»¹⁹.

Второй тип. В другом случае бездействия, актер надеется нерешением проблемы максимизировать свою прибыль. Ярким примером подобных ситуаций является древнекитайская мудрость про обезьяну, согласно которой по-настоящему мудрая обезьяна не участвует в битве между тигром и драконом, а ждет, пока они не перебьют друг друга. Понятно, что помощи обезьяна либо тигру, либо дракону победить, она получит соответствующую награду от победителя, предположим, 40% от выигрыша, однако, не помогая никому, впоследствии она получит большую прибыль – весь выигрыш. В данном примере актер ждет, пока ситуация разрешится сама собой, его никто не принуждает принимать решение, однако собственный интерес не позволяет ему оставаться в стороне. При этом актер не тратит собственных ресурсов и, при решении проблемы другим актором, получает соответствующую прибыль.

Ситуации подобного рода не редки в современной политике, причем в различных ее сферах, в частности, в международных отношениях. Так, ситуация

¹⁹ Копить или делить: по какому пути развивать пенсионную систему? // Российская газета – 01.11.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2011/11/01/pens-poln.html>.

вокруг Нагорного Карабаха является яркой иллюстрацией. Суть проблемы – в территориальном конфликте между Арменией и Азербайджаном. После войны 1991-1994 гг., в которой победу одержала Армения, Нагорный Карабах фактически стал ее частью, однако данная ситуация не получила должного юридического оформления и международного признания. В 2000-е гг. неоднократно поднимались попытки разрешения данного спора, однако они срывались благодаря действиям Армении или Азербайджана. Например, ряд переговоров, инициируемых Россией в конце 2000-х годов в Подмоскowie, Казани и Душанбе. Обе стороны, на наш взгляд, принимают стратегию бездействия, по сути, ждут более благоприятного момента для разрешения конфликта, которое возможно только силовым путем. Армения демонстрирует уверенность в своих силах, а Азербайджан накапливает финансовые ресурсы, благодаря высоким ценам на энергоносители²⁰.

Очевидно, что, если политика бездействия – это комплекс мер, то существует несколько форм этих мер. В соответствии с каждым типом ситуации можно выделить две формы политики бездействия.

Если актер находится в ситуации «цугцванга», то политика бездействия приобретает форму купирования проблемы, вытеснения ее из повестки дня. Так, жених, страдающий от необходимости выбора между мамой и женой, в период «раздумья» постарается убедить маму, что невеста не так уж и плоха, а невесту – в том, что его мама просто ангел. Он не будет решать проблему, он не будет выбирать одну из сторон, жених попытается снять остроту, снизить накал, чтобы проблема разрешилась сама собой: либо две стороны помирятся, либо одна из них уйдет из дома, что все равно будет более выгодно жениху, нежели разрыв отношений. Подобную форму разрабатывали американские исследователи Питер Бачрач и Мортон Барац. В их интерпретации «непринятие решений» – практика ограничения области принятия решений «безопасными» вопросами, управление политическими мифами, ценностями и процедурами. Процесс непринятия решения основывается на сознательном замалчивании проблем на основе собственных интересов²¹.

Если актер в ситуации «ожидания», его действия, наоборот, будут направлены на повышение остроты проблемы, на повышение ее социальной значимости. Воспроизведем логику обезьяны: обезьяна наблюдает за боем абсолютно равных соперников. Раз соперники абсолютно равны, значит, существует два варианта исхода поединка: либо оба умрут, либо ничья. Для обезьяны ничья является самым нежеланным результатом, т. к. в этом случае она получит нулевую прибыль, а если умрут оба, ее выигрыш станет максимальным. Ничья возможна лишь в том случае, если и тигр, и дракон

²⁰ Саркисян М., Нагорный Карабах: международные условия вокруг конфликтной зоны меняются. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/201361> (Дата обращения 01.02.2012).

²¹ Peter Bachrach, Morton S. Baratz. Decisions and nondecisions: an analytical framework. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/pss/1952568>. (Дата обращения 01.02.2012).

заклучают мирный договор, убедившись в бесперспективности своего поединка, т. к. их силы равны, то бой может продолжаться вечно. Поэтому для обезьяны необходимо, как можно больше увеличить накал конфликта, его остроту, для этого она, наверняка, будет стравливать между собой соперников, оговаривать каждого из них и т. д.

Однако существуют ситуации, когда, наоборот, актер «разогревает» проблему для повышения интереса к ней. Так в ситуациях, когда существует потенциальный актер. Действующему актору, обязанному, но не имеющему возможности решить проблему, необходимо повысить общественный интерес, повысить публичность проблемы, чтобы привлечь тех, кто сможет ее решить.

Политика бездействия – это сознательный выбор действий актора, следовательно, она рассчитана на определенный результат. Для определения результатов политики бездействия необходимо определить ее место в политико-управленческом цикле. Обратимся к фазам, выделенным Дяттеревым:

Первая фаза – *построение политической повестки дня*. В данный период происходит определение наиболее актуальных и важных проблем, стоящих перед всем обществом, и включение их в публичную повестку дня.

Вторая фаза – *формулирование проектов решения*. На данном этапе акторы принятия решения определяют ряд различных решений для разрешения проблемы, которые проходят отбор и обсуждение.

Третья фаза – *утверждение публичного решения*. В этой фазе происходит утверждение и последующее обоснование, легитимация и/или легализация решения, на основе формальных и неформальных общественных норм.

Четвертая фаза – *реализация публичного решения*. В этот период осуществляется непосредственное исполнение решения самим актором или специально уполномоченным агентом при определенном контроле общественных сил.

И, наконец, пятая фаза – *оценка результатов осуществления публичного решения*. Оценивание итогов, результатов и последствий исполненного решения с точки зрения достижения целей, уровня издержек и адекватности средств²².

Политика бездействия накладывается на четыре фазы ПУЦ, т. е. на вторую, третью, четвертую и пятую. Во время обсуждения проектов решений проблемы (разумеется, имеющей большое количество интересантов и публично обсуждаемой) возникает вариант «бездействовать», далее, по определенным причинам этот вариант публично утверждается и, впоследствии, реализуется, после чего происходит оценка результатов выбранного решения.

Критерием оценки результативности политики бездействия первого типа (когда происходит купирование проблемы) является место проблемы в публичной повестке дня после мер политики бездействия. Критерием оценки второго типа является количество акторов и интересантов, заинтересованных в решении проблемы.

²² Дяттерев А. Принятие политических решений. – М.: КДУ, 2004. – С. 154–180

Наиболее эффективное применение политики бездействия ведет либо к вымыванию проблемы из публичной повести дня, как в ситуациях первого типа, либо к уменьшению количества заинтересованных, что также исключает проблему из повестки дня, или, наконец, к повышению уровня значимости проблемы путем включения новых заинтересованных, что выводит проблему из локальной политической повестки на более высокий уровень. Следовательно, эффективное применение политики бездействия приводит к разрыву политико-управленческого цикла путем исключения проблемы из повестки дня.

Таким образом, политика бездействия представляется сложным политико-управленческим феноменом, сознательной стратегией политического актора, направленной на нерешение конкретных общественно-значимых проблем ввиду его собственных интересов и приводящей к разрыву политико-управленческого цикла.

Список источников и литературы:

1. Дегтярев А. Принятие политических решений. – М.: КДУ, 2004. – С. 154–180.
2. Копить или делить: по какому пути развивать пенсионную систему? // Российская газета – 01.11.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2011/11/01/pens-poln.html>
3. Краснов Б.И. Актор политический. // Политическая энциклопедия: В 2-х т. / Национальный общественно-научный фонд; Рук. проекта Г.Ю. Семигин; Науч.-ред. совет: пред. совета Г.Ю. Семигин. – Т. 1. – М.: Мысль, 1999. – С. 35.
4. Саркисян М., Нагорный Карабах: международные условия вокруг конфликтной зоны меняются. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/201361>
5. Peter Bachrach, Morton S. Baratz. Decisions and nondecisions: an analytical framework. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/pss/1952568>.

Краева С.А.

Влияние национального контекста на эффективность работы международных молодежных общественных организаций

С конца 1990-х годов молодежь, ее интересы и голос приобретают все большее значение как в Европейском союзе, так и в России. Это выражается в очевидном повышении профессионализма в молодежной сфере на европейском уровне, в росте числа общественных молодежных объединений и в целом в повышении политической и социальной активности молодых людей в государствах²³.

²³ Lonnie R. Sherrod Youth activism: an international encyclopedia // Greenwood Publishing Group, 2006.

Сегодня существует два пути формирования политики – так называемые «снизу» и «сверху» (bottom up and top down). Молодежная политика здесь не является исключением. Исследование данной темы позволит понять, по какому пути формирования на самом деле движется эта сфера, кто является ее истинным двигателем – государственные деятели, или молодежь, о важности голоса которой в последнее время слышится все больше заявлений.

Предметом исследования выбрана деятельность двух молодежных организаций: Молодежное отделение Российской Ассоциации содействия Организации Объединенных Наций (Россия) и Организация молодых федералистов Европы (Young European Federalist Organization) (Европейский союз). Первая является одним из крупнейших сетевых молодежных движений в России, по оценкам МГИМО (У) МИД РФ. МО РАС ООН аккумулирует значительные человеческие ресурсы: в ее составе более 50 организаций-членов, среди которых учреждения Академии наук России, вузы и другие учебные заведения, ряд неправительственных общественных организаций²⁴.

Организация молодых федералистов Европы состоит из более чем 30 тыс. членов, проживающих в 30 европейских странах. В каждой из них есть представительство организации²⁵.

Национальный контекст сегодня зачастую оказывает влияние на работу организаций и их эффективность. Выявить это влияние планируется путем сравнения моделей этих организаций, внешних и внутренних форм работы, источников финансирования, практик включенности в международную деятельность.

Список источников и литературы:

1. JEF-Europe's Political Platform: For European integration and democracy // URL: <http://jef.communicate-europe.co.uk/about-jef/political-platform/>
2. Интервью автора с Президентом Организации молодых федералистов Европы Паулиной Гессент. 21.12.2011.
3. Интервью автора с председателем Тюменского молодежного отделения Российской Ассоциации содействия ООН Павлом Кузнецовым. 20.02.2012.
4. РАС ООН / События и анонсы // URL: <http://www.una.ru/>
5. Lonnie R. Sherrod Youth activism: an international encyclopedia // Greenwood Publishing Group, 2006. – 759 p.
6. Joachim J., Locher B. Transnational Activism in the UN and the EU // Routledge? 2008. – 208 p.

²⁴ Российская Ассоциация содействия ООН. Информация об организации // <http://www.una.ru/index.php?id=48>.

²⁵ JEF-Europe's Political Platform: For European integration and democracy // <http://jef.communicate-europe.co.uk/about-jef/political-platform/>.

Секция 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИСКУРСОЛОГИЯ И МИФОЛОГИЯ

Мозжегоров С.В.

Нарратив о «пропаганде гомосексуализма» и дискриминация ЛГБТ-сообщества²⁶ в современной России

В четырех российских регионах в период с 2006 по 2012 года местными законодательными собраниями иницируются и принимаются так называемые законы «о пропаганде гомосексуализма». Первый такой закон принимается в 2006 году в Рязанской области, но не получает широкую известность в обществе. Позже в 2011 году гомофобная инициатива законодательно реализуется в Архангельской, Костромской областях и Санкт-Петербурге. Данные обстоятельства и актуализируют проблему дискриминации и дискриминационных практик в отношении российского ЛГБТ-сообщества.

Согласно инициативе петербургских законодателей, под «пропагандой гомосексуализма» понимаются *«публичные действия, направленные на пропаганду мужеложства, лесбиянства, бисексуализма, трансгендерности среди несовершеннолетних»*. Обозначенные категории в законе имеют контекст «сексуальных девиаций». Под мужеложством и лесбиянством понимают действия сексуального характера. Под однозначно-неопределенным в юридическом смысле понятием «пропаганда» подразумевается *«деятельность по целенаправленному и бесконтрольному распространению общедоступным способом информации, способной нанести вред здоровью, нравственному и духовному развитию несовершеннолетних, в том числе сформировать у них искаженные представления о социальной равно-*

²⁶ ЛГБТ (от англ. LGBT) – сообщество лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров.

ценности традиционных и нетрадиционных брачных отношений». Как отмечает юрист И. Новиков, понятие «пропаганда не имеет состава преступления»; говоря о «пропаганде гомосексуализма» в том виде, в котором это обозначено законом, мы не можем точно понять, о чем идет речь. «Право заключается в том, что мы заранее знаем, за что мы можем понести наказание, а в данном случае мы этого не знаем». Кроме того, властный нарратив «о пропаганде гомосексуализма» в своем обосновании апеллирует к социально-оценочным категориям – норма и извращение, традиционные и нетрадиционные отношения. Такая дихотомия определяется проникновением и артикуляцией моральной проблематики в юридический дискурс, что противоречит нейтрально-светским ценностным установкам норм российского права.

С точки зрения юридического дискурса, нарратив о “пропаганде гомосексуализма” является не просто спекулятивным в политическом смысле, но, что гораздо опаснее, такой нарратив легитимирует дискриминационные практики в отношении конкретной социальной группы – российского ЛГБТ-сообщества. Гомосексуальные индивиды, не скрывающие свою ориентацию, изначально определяются «презумпцией виновности», становясь объектами дисциплинарной власти. Такая ситуация отображается в известной метафоре «паноптикума», некогда воспроизведенной М. Фуко, где механизмы властного контроля над индивидами абсолютизируются, принимая биополитический контекст.

Дискриминационные практики в отношении ЛГБТ-сообщества могут быть реализованы в различных контекстах. Говоря о практике правоприменения закона «о пропаганде гомосексуализма», заметим, что на сегодняшний день существует лишь один такой пример. Российские ЛГБТ-активисты Н. Баев и И. Федотова 30 марта 2009 года попытались провести одиночные пикеты в Рязани с плакатами *«Гомосексуальность – это нормально»* и *«Я горжусь своей гомосексуальностью. Спроси меня об этом»*, но были задержаны и получили обвинения в нарушении антигомосексуальной статьи. Пример показателен, поскольку по умолчанию вводит и легитимирует в нормативно-правовую процессуальность негативистский нарратив «гомосексуальности», определяя её в категориях, во-первых, патологии (*гомосексуальность – это ненормально*), во-вторых, моральной неполноценности (*гомосексуальность – аморальна, потому не является предметом гордости*).

Таким образом, нарратив о «пропаганде гомосексуализма» юридически неконкретен и спекулятивен, именно поэтому его смысловое содержание артикулируется не напрямую, не в фокусе публично-правовой конвенции, но контекстуально в правоприменительной практике. В рамках юридического дискурса принцип *«подразумевать, но не говорить»* понимается как

намеренное нормативно-правовое замалчивание. В этом и состоит латентная властная дискриминационная стратегия в отношении представителей гомосексуального сообщества в России.

Список источников и литературы:

1. Акция активистов GayRussia.Ru против закона о запрете пропаганды гомосексуализма в Рязани [текст] // GayRussia: равные права без компромиссов. Доступ: http://www.gayrussia.eu/day_in_history/729.

2. Обзор ситуации с законодательством о «пропаганде гомосексуализма несовершеннолетним» в Российской Федерации [текст] // Российская ЛГБТ-сеть. Доступ: <http://stopzakon.wordpress.com/2011/12/22/review-1>.

3. О «пропаганде гомосексуализма» за круглым столом [текст] // Эпистемология нарративного субъекта (запись от 18.02.2012). Доступ: <http://mozghegor.livejournal.com/116136.html>.

Герасимов В.К.

«Национальный вопрос» в дискурсе Алексея Навального: угроза территориальной целостности РФ или возможность конструктивного решения межэтнических проблем?

В развернувшемся зимой 2011-2012 гг. политическом процессе одним из наиболее ярких политических акторов проявил себя блогер и общественный деятель Алексей Навальный. В результате митингов 5 и 24 декабря, зажигательной речи на проспекте Сахарова²⁷, он окончательно стал восприниматься протестным движением как один из наиболее перспективных политиков (если не самый перспективный). Данное положение дел было зафиксировано как опросом ВЦИОМ²⁸, так и интервью, которое Навальный дал Леониду Парфенову на Ъ-ТВ (– Политик Алексей Навальный, я правильно представляю? – Политик Алексей Навальный. Да, так будет правильно²⁹).

Как известно, определенной частью общественности Алексей Навальный воспринимается неоднозначно и с определенным недоверием в силу своего «национализма», которое, в частности, нашло отражение в его участии в «Русских маршах». Более того, по обвинению в национализме он был в июле 2007 г. исключен из партии «Яблоко», и, по мнению нынешнего

²⁷ http://www.youtube.com/watch?v=gUD2z7_LGVM

²⁸ <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112492>

²⁹ <http://www.youtube.com/watch?v=Y2ZdqkGkpU>

главы партии, Сергея Митрохина, «приход Навального к власти с его нынешними убеждениями опасен. Национализм – это смерть для России»³⁰.

В качестве основного тезиса я выдвигаю следующее утверждение: национал-демократические взгляды Алексея Навального, в случае рекрутации их носителя тем или иным образом в правящую политическую элиту РФ и попытки воплощения их в жизнь, не несут угрозы территориальной целостности РФ. Напротив, в случае их реализации они способны в значительной мере снизить межэтническую напряженность в российском обществе, в первую очередь, за счет нормализации ситуации с дотационной поддержкой федеральным центром северокавказских республик и последующим улучшением условий жизни их жителей, которое, в свою очередь, будет способно снизить как террористическую активность, так и миграцию кавказской молодежи в другие регионы РФ.

Для доказательства своей позиции я считаю целесообразным рассмотреть следующие тексты/публичные выступления А. Навального:

1) Манифест движения «Народ»³¹ (Национального Русского Освободительного Движения), одним из соучредителей которого он стал в июне 2007 г.;

2) Выступление Алексея Навального на митинге «Хватит кормить Кавказ!» 22.10.2011 в Москве³²;

3) Его интервью порталу «Lenta.ru» по поводу участия в «Русском марше»³³;

4) Беседу Алексея Навального с Борисом Акуниным³⁴ (где, в частности, объект моего исследования дает следующую трактовку «русского национального государства»: «Это альтернатива попыткам построить из России империю формата 19 века... Источник власти в национальном государстве – нация, граждане страны, а не сословная элита, выдвигающая лозунги захвата полмира и глобального доминирования... Национальное государство – это европейский путь развития России»);

5) Уже вышеупомянутое интервью Парфенову³⁵;

6) Первый выпуск передачи «Госдеп-2 с Ксенией Собчак»³⁶;

7) Передачу «Hard Day's Night» телеканала «Дождь» от 27.02.2012, в которой Алексей Навальный подробно осветил свое видение того, почему «мы должны прекратить эту систему финансирования Кавказа, которая приводит к тому, что мы кормим вот эти обнаглевшие элиты жирующие, а

³⁰ Кто такой Навальный?//Афиша, №3(216), 27.02.2012. – С. 33.

³¹ <http://www.kasparov.ru/note.php?id=467FC4AE350E0>

³² <http://www.youtube.com/watch?v=dI3PIZ5bWrw&feature=related>

³³ <http://www.lenta.ru/articles/2011/11/04/navalny/>

³⁴ <http://borisakunin.livejournal.com/49763.html>

³⁵ <http://www.youtube.com/watch?v=Y2ZdqkGkpU>

³⁶ <http://www.snob.ru/selected/entry/46446>

местное население, нищее абсолютное смотрит на эти элиты и понимает, что нужно уходить в лес с автоматом и с этими элитами бороться³⁷».

Список источников и литературы:

1. Журнал «Афиша».
2. <http://www.kasparov.ru>
3. <http://www.youtube.com>
4. <http://borisakunin.livejournal.com>
5. <http://www.snob.ru>
6. <http://www.lenta.ru>

Лобанова О.В.

Дискурсивные особенности русских националистов Тюмени

Ресурс этничности играет важную роль в политической мобилизации групп и отдельных граждан. Мобилизация этничности предполагает смену нормальной этнической идентичности на этноцентристскую, использование мифов и символов для обоснования автономии и границ группы.

За последние несколько лет в Тюмени активизировалась деятельность русских националистов. События на Манежной площади послужили катализатором возникновения новой волны «русских патриотов» и способствовали подъему прежних националистических отделений.

Для тюменских националистических групп характерно общее дискурсивное пространство. Несмотря на разные политические программы, участники оперируют похожими мировоззренческими схемами и воспроизводят примерно одинаковый способ интерпретации социальной действительности.

Национальная принадлежность служит исключительным основанием для принятия новых членов в группы. Участники сообществ чаще всего ассоциируют себя с «русскими», «славянами», «русскими патриотами», «русской элитой». Национализм для них имеет эмоционально заряженное, позитивное значение и используется при самоописании. Чтобы стать русским националистом необходимо соответствовать нескольким критериям. Во-первых, называть себя националистом является правом, которое надо заслужить и постоянно поддерживать практиками. Во-вторых, националистом можно стать «по духу и телу», то есть в некоторых случаях это открывает доступ участникам не славянского происхождения.

³⁷ <http://www.youtube.com/watch?v=m3p7jU3kh0M>.

Выражение национальных, этнических предубеждений и конструирование образа врага составляет важную часть дискурса националистов. По мнению социологов, ксенофобия в обществе практически неустранима, поскольку играет важную роль в поддержке социального порядка. На основе отталкивания, отрицания, враждебности формируются собственный позитивный образ, происходит консолидация сообщества и отчасти контрируются аморфные страхи и угрозы.

Для тюменских националистов основными объектами вражды выступают этнические меньшинства и стигматизированные группы. Чаще всего этнические меньшинства рассматриваются в категориях проблем, конфликтов, девиации, криминала и насилия. Язык вражды направлен против чеченцев, цыган, азербайджанцев, евреев. Для их определения используются оскорбительные и уничижающие выражения: «черномазые», «черные оккупанты», «жиды», «нерусь», «абреки», «джамшуты» и проч.

Наиболее обсуждаемыми вопросами являются этническая преступность и отношение мигрантов к местному населению, при их описании используются слова: убийства, изнасилования, грабеж, нарушения правопорядка со стороны приезжих.

Убийство русского населения мигрантами является самой распространенной темой по количеству упоминаний. Мигранты, как правило, в подобных случаях выступают агрессорами, обладают количественным и силовым превосходством, а представители русского населения выступают жертвами. На втором месте следуют изнасилование или насилие по отношению к женщинам. И наконец, националистами проблематизируются культурные традиции и особенности разных этнических групп. Приводятся примеры нарушения социальных норм последними, что интерпретируется как их культурная отсталость или намеренное ущемление достоинства русского населения.

Решение национального вопроса «русскими патриотами» видится в установлении социального неравенства на основе этнического происхождения. Радикальный вариант событий предполагает убийства, депортацию или резервацию. В умеренном варианте предусмотрены ограничения в гражданских правах и свободах: право на труд, свободу совести.

К стигматизированной группе могут быть отнесены алкогольно- и наркозависимые, а также гомосексуалы. Стигма определяется как наличие качества, обосновывающего физическую или социальную неполноценность человека. Стигматизированные группы являются социально уязвимой категорией, подверженной повседневному дискриминационным практикам. В риторике националистов они определяются как «позор нации».

В политических сценариях будущего страны имперский дискурс занимает центральное место. Его главной несущей конструкцией является идея

о восстановлении «великой империи» при главенстве титульной нации. Романтизации империи основана на идеях социального порядка, внешней экспансии и консервативной морали.

Идеологические основания имеет дискурс здорового образа жизни (ЗОЖ), который направлен на формирование физически сильного уличного бойца, способного защитить собственную нацию. Желаемый образ здорового тела достигается путем физических упражнений и отказа от любых наркотических средств. В описаниях мужское тело всегда активно, оно наносит и отражает удары, тренируется и сопротивляется. Женское тело пассивно, связано с материнством, нравственностью и поддержанием традиций.

Список источников и литературы:

1. Гудков Л., Дубин Б. Своеобразие русского национализма / Л. Гудков, Б. Дубин // Pro et Contra. – 2005 – № 9. – С. 6–25.
2. Язык вражды против общества: www.sova-center.ru/files/books/hs07-text.pdf.
3. Гофман И. Стигма: заметки об управлении испорченной идентичности: <http://club.fom.ru/182/178/79/library.html>.

Гранатова Ю.В., Фахразеева С.Р.

Национальное самосознание в дискурсе о Великой Отечественной войне: на примере блогосферы

Память о Победе до сих пор один из ключевых элементов, сохраняющих единство национального самосознания. По мощи с ним может сравниться только первый полет человека в космос.

Однако по мере удаления во времени от современников Великая Отечественная война постепенно «десакрализируется». Подтверждение этому тренду мы видим и в том, что события Второй мировой войны снова стали подлежать обсуждению. Об этом свидетельствует появление в современной повестке дня таких вопросов: «Были ли советские солдаты героями или оккупантами?», «Можно ли рассматривать участников бригад ”СС“ как ветеранов?», «Шли ли солдаты в бой с лозунгом ”За Родину, за Сталина!“ или ”За веру и Отечество!“?». И многих других.

Появление таких вопросов делает актуальным исследование содержания образа войны в представлении россиян. Для ответа на этот вопрос исследователи обратились к русскоязычным блогам. Источником стали популярные блоги по версии blogs.yandex.ru. Была проведена выборка за

неделю 15–23 февраля 2012 года. Выбор даты обусловлен допущениями, что 23 февраля как День защитника Отечества обычно способствует актуализации патриотической тематики, а Великая Отечественная война – квинтэссенция патриотизма.

Блоги анализируются как рассказы о войне, содержащие определенные параметры, отражающие восприятие войны автором текста. Список параметров был сокращен до 4:

- *Сталин (С)*. Миф о Сталине – творце Победы – рожденный лозунгом «За Родину! За Сталина!» и советскими историографами первых послевоенных лет;

- *тоталитаризм (Т)*. Для либеральных авторов характерно отношение к Победе как к результату бесчеловечной тоталитарной политики. Поддерживается в бывших странах-участницах антифашистской коалиции и в ряде постсоветских республик;

- *православие (П)*. Выступления Патриарха Кирилла и нескольких православных интеллектуалов инспирировали появление ещё одного понимания войны – сакрального, не между двумя государствами или социальными системами, а между добром и злом;

- *русскость (Р)*. Победа как символ величия русского народа. Начало подобной символизации положено тостом Сталина на торжественном приёме в Кремле 24 июня 1945 года: «Доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!»

Неотъемлемым элементом дискурса о войне является героизм. Поскольку этот параметр присущ всем рассказам о войне, он выносится нами за скобки.

После применения метода булевой алгебры к результатам дискурс-анализа блогов нам удалось вычленить два варианта образа Великой Отечественной войны в современном дискурсе:

$G \text{ тп}(CP+C)+Gr(p+c)$.

Это выражение может быть интерпретировано следующим образом.

Вопреки упорно конструируемой через медиа связи войны с православием, оно отсутствует в большей части блогов; этот параметр встречается только на специализированных ресурсах. То же самое можно сказать и о либеральной идеологии, выраженной параметром «тоталитаризм». Между тем, православие и либеральная демократия – это крупные мировоззренческие комплексы, которые не просто затрагивают вопрос памяти о войне, но представляют собой самодостаточные варианты построения национального самосознания, а значит, политические альтернативы развития страны. Тем не менее, их место на периферии национального самосознания.

В сильной позиции в выражении находятся параметры «Сталин» и «русскость». Можно было бы ожидать, что этнический по природе параметр «русскость» выступит в связке с параметром «православие», но мы получили другой результат: «русскости» сопутствует «Сталин», сам, между прочим, грузин. Отсюда можно сделать вывод, что в интерпретации блогеров «русскость» носит не этнический, а скорее исторический или цивилизационный характер.

Анализ методом булевой алгебры показывает, что конструируемые в современной России идеологии неэффективны, и в рассказах о войне до сих пор преобладают мифы о героическом русском народе, возглавленном сильным и мудрым правителем, – мифы, пришедшие из имперской России и успешно подхваченные в России советской.

Артемов А.В.

Некоторые аспекты формирования политических образов в Челябинске и Челябинской области

В начале XXI века происходят существенные трансформации социальной реальности, обусловленные активным проникновением в общественные процессы новых информационных технологий. Происходит глобальная информатизация социально-политических отношений и медиатизация политических процессов и событий. Следовательно, образные коммуникации и транслируемые ими «смыслы» приобретают онтологическую и инструментальную значимость в современном обществе. В преддверии предстоящих политических выборов данная проблематика привлекает еще более внимания как со стороны научного сообщества, так и общественности в целом, что подтверждает ее актуальность.

«Образы» можно встретить в языческих культурах множества древних цивилизаций, государств, этносов. Примером могут служить как египетские, так и греческие верования – образы природных явлений в человеческом (для греческой культуры) или животном облики (для египетской культуры), глубоко вошедшие в сознание представителей данных культур. Кроме того «образы» можно встретить в фольклоре: сказках, баснях, песнях и прочее. Примером является миф о мудром и справедливом монархе (самодержце), окружение которого не рассказывает ему всей правды о подданных и истинном положении дел в государстве, – не раз, спасавший как русских правителей, так и западных.

Общественная жизнь наполнена образами: мы их видим на рекламных щитах, в газетах и журналах, на кино- и телеэкранах, на фотографиях дру-

зей и близких, на картинах, которыми увешаны наши стены³⁸. Картины на стенах, например, не только служат украшением жилища, но и сообщают окружающим об эстетических предпочтениях, социально-экономическом статусе и вкусе хозяина.

«Образ»³⁹, включает в себя множество понятий, таких как имидж, субимидж, стереотип, миф, знак, символ, а так же, вбирая в себя их основное содержание⁴⁰. Подобную гибкость проявляют слова «image» в английском и французском языках, а также слово «bild» в немецком.

В самом широком смысле образ можно определить как совокупность характеристик, отраженных в сознании людей. В общественном сознании, мы достаточно часто встречаемся с устоявшимися словосочетаниями, которым не предаем их исходного значения, таким, как образ жизни. Образ жизни – устоявшиеся, типичные для исторически-конкретных социальных отношений формы индивидуальной, групповой жизни и деятельности людей, характеризующие особенности их общения, поведения и склада мышления в различных сферах жизни общества.

Наука об общих закономерностях процессов управления и передачи информации в различных системах, – кибернетика трактует понятие образ, как воспроизведение объекта, информации о нём или его описание, структурно сходное, но не совпадающее с ним.

Другие авторы (К. Юнг) видят природу образов с точки зрения психо-нейрофизиологии. Лучший пример – сновидения, возникающие в сознании человека. Кроме того, образы, рождающиеся в индивидуальном сознании, так или иначе, оказываются конвенциональными, заданными «извне» общими установками культуры⁴¹ (политической и медиакультуры включительно).

Философская трактовка понятия образа включает в себя следующее видение. Образ необходимо и неизбежно предполагает объективно реальность того, что отображается⁴². Образ выражает идеальный характер наших знаний, их объективную детерминированность⁴³.

Имагология, – сфера исследований в гуманитарных дисциплинах, занимающаяся изучением образа «чужого», – трактует понятие образа как

³⁸ Артур Аса Бергер. Видеть – значит верить. Введение в зрительную коммуникацию. – <http://www.williamspublishing.com/PDF/5-8459-0539-7/intro.pdf>.

³⁹ Ольшанский Д.В., Пеньков В.Ф. Политический консалтинг. – СПб.: Питер, 2005. – С. 277.

⁴⁰ Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 15.

⁴¹ Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 14.

⁴² Мантатов В.В. Образ, знак, условность / В.В. Мантатов. — М.: Высш. Школа, 1980. – С. 134–135.

⁴³ Там же. – С. 134–135.

феномен психо-нейрофизиологической природы, возникающий в сознании человека, но имеющий обыкновение в той или иной форме объективироваться, находить выражение в объектовой реальности⁴⁴.

Политический образ – категория, являющая предметы, процессы и бытие окружающего политического мира, обусловленная как чувственно воспринимаемыми признаками, так и гипотетическими конструктами. Являясь основой для реализации практических действий по овладению политического бытия, образ также определяется характером этих действий, в процессе которых исходный образ видоизменяется, все более удовлетворяя практическим нуждам.

Для более детального изучения путей и средств воздействия политических образов на общественное сознание было проведено пилотажное исследование. Под пилотажным исследованием понимается упрощенная версия социологического исследования, то есть охватывающая малую часть предложенной выборки, для проверки материально-технической составляющей проекта⁴⁵. Целью данного исследования является: отработка инструментария сбора первичной социологической информации, методов организации и процедур проведения массового полевого исследования по теме: «Выявление источников получения информации у жителей Челябинска и Челябинской области, а также путей и средств воздействия политических образов на социум и оценки их эффективности».

В пилотажном исследовании принимали участие респонденты возрастом от 18 до 30 лет. Общее количество опрошенных составило 178 человек.

Полученные, в ходе пилотажного исследования данные можно использовать для проведения полномасштабного социологического анкетирования, а так же проведения экспертных опросов по заданной тематике и фокус-групп. Кроме того, следует обратить внимание на возможность проведения контент-анализа в расширенный период с целью выявления динамики использования выделенных смысловых блоков и лексических символов. Кроме того на основе полученных данных контент-анализа и анкетирования существует возможность выработки рекомендаций для формирования политических образов с целью эффективного воздействия на общественное сознание различных социальных групп от 18 до 30 лет.

Проблема соотношения политических образов и информационного общества остается важным пунктом для политических исследований, поскольку, процессы виртуализации приобретают все большее распространение

⁴⁴ Власть и образ: очерки постстарной имагологии / отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 14–17.

⁴⁵ Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 2 (П–Я): Пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 1999. – С. 26.

ние, что зависит от уровня технологической состоятельности той или иной страны. Все это требует глубокого анализа и изучения.

Список источников и литературы:

1. Dawkins R. The Selfish Gene // Chapter 11. Memes: the new replicators / New York City.: Oxford University Press, 1976. – <http://www.rubinghscience.org/memetics/dawkinsmemes.html>.

2. Артур Аса Бергер. Видеть – значит верить. Введение в зрительную коммуникацию. – <http://www.williamspublishing.com/PDF/5-8459-0539-7/intro.pdf>.

3. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 2 (П–Я): Пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 1999.

4. Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. – СПб.: Алетейя, 2010.

5. Мантатов В.В. Образ, знак, условность / В.В. Мантатов. – М.: Высш. школа, 1980.

6. Марков Б. Человек в эпоху масс-медиа (символ эпохи Internet) / Информационное общество: Сб. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.

7. Методы политических исследований: Учеб.пособие для студентов вузов / К.П. Боришполец. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010.

8. Ольшанский Д.В., Пеньков В.Ф. Политический консалтинг. – СПб.: Питер, 2005.

9. Прилукова Е.Г. Телевиртуальная реальность: гносеологический аспект: Монография /ЧГАКИ. – Челябинск, 2004.

10. Цит. по: сорок мнений о телевидении. – М., 1978.

11. Эволюция политической культуры России в начале XXI века: соотношение традиций и новаций: монография / В.Н. Руденкин, Д.В. Руденкин; Урал. ин-т экономики, управления и права, Нижнетагильский филиал. – Нижний Тагил: Центр подготовки персонала Евраз-Урал, 2010.

Секция 3. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Солдатова А.С.

Российские регионы в условиях инновационного развития страны

Проблема «запуска» инновационных процессов обсуждается руководством страны, научным и деловым сообществом. В фокусе дискурса экспертов находится осмысление сложившихся негативных тенденций территориального развития России, среди которых выделяется инерционность, препятствующая становлению новых территориальных элементов и характеристик движения, развитию базовых пространственных сфер.

Проблема преодоления факторов, определяющих «предел возможностей» развития страны, актуализирует необходимость перехода на новый уровень обсуждения, требующего отслеживания и оценивания в динамике процессов качественных, количественных и структурных изменений, а также соотнесения традиционно существующей инерционности, которая становится ключевым препятствием реализации намеченных планов, с одной стороны, и главной характеристики воплощения в жизнь целевых установок современной России – инновационности развития, с другой.

В этой связи разрабатывается целый комплекс стратегических мер, которые зададут вектор перспективным направлениям пространственной модернизации страны и окажут влияние на ключевые бифуркации в российском развитии. Намеченное включает в себя широкое использование программно-целевого метода управления инновационными процессами, в том числе и органичное встраивание принимаемых в этой связи решений в общую стратегию (программу) социально-экономического развития регионов на среднесрочную перспективу.

Основой для разработки «стратегий» служат среднесрочные прогнозы. Руководство регионов, исходя из потребностей и структуры экономики, формирует сценарии развития. Принципиально различных сценариев политического и социально-экономического развития регионов России немного, в основном анализ будущего происходит в рамках трех основных: инерционного, эволюционного и инновационного. Это противоречие между двумя противоположными направленностями развития – сырьевом и инновационном – делает процесс прогнозирования на порядок сложнее.

Результаты прогнозирования политического и социально-экономического развития регионов интегрируются в единую систему стратегического управления экономикой, основу которой составляет «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года».

Таким образом, можно заключить, что инновационное развитие, модернизация, модернизационные процессы составляют основное содержание социально-экономических отношений российских регионов и страны в целом и характеризуются:

1) созданием в стратегиях и программах регионального развития типового образца региональной инновационной системы в целях решения проблем социально-экономического развития страны. Документы учитывают место и роль экономики регионов в Российской Федерации и основаны на комплексной оценке их потенциалов (в первую очередь, социально-экономического и инвестиционного);

2) движением к более широкому использованию подходов разработки инновационных стратегий, основанных на оценке эмпирического опыта, уже накопленного многими регионами. Для этих оценок используется SWOT-анализ, регулярный мониторинг инновационной сферы регионов и т. п.;

3) специфическими особенностями в наполнении ролевых компонентов центрально-региональной конструкции. Российское государство выполняет сравнительно разную роль в региональной инновационной деятельности. С одной стороны, оно инициирует разработку и реализацию нормативно-правовой базы, осуществляет инновационное прогнозирование и выбор стратегических приоритетов. С другой, центр определяет правила игры на инновационном поле и наблюдает за соблюдением этих правил;

4) ориентацией на новое при отсутствии эффективных механизмов избавления от устаревших структурных элементов. Для того чтобы система была готова адекватно воспринять и реагировать на изменения, она должна обладать определенными структурными элементами. «Стратегии» не включают организационные, институциональные и другие меры, способные обеспечить условия по преодолению инерционности пространственного развития;

5) ограниченным включением в систему экономических и политических реалий региональных потенциалов. Появление новых комбинаций в экономике и стимулирование данного процесса требует правильной постановки задач управления этими процессами.

Для такого государства как Россия, альтернативы в развитии которой определяются ее территориальной структурой, требуется, прежде всего, взвешенная региональная политика и продуманная система территориального управления, а также дифференцированный подход к развитию каждого субъекта федерации, где наиболее значимые решения в области конкретного направления государственной политики предварительно должны быть увязаны с региональными особенностями. Основным направлением для первоочередных преобразований по преодолению инерционности и достижению инновационного развития, вероятно, должно явиться превращение регионов из объектов региональной политики в их активные субъекты, что потребует встраивания стратегии инновационного обновления российской экономики в систему властно-управленческих взаимодействий, присущих государству федеративного типа.

Кулеш Е.А.

Региональное лидерство и репрезентация региона: сравнительный анализ Омской и Томской областей

Репрезентация региона в настоящее время представляется одной из важнейших стратегий развития субъектов Российской Федерации. Ключевой фигурой в представлении региона на общероссийском уровне является личность главы региона. Стратегии репрезентации региона и политическое долголетие регионального лидера не просто пересекаются, они взаимосвязаны. Сибирский федеральный округ – достаточно своеобразный макро-регион России в определении лидерских позиций субъектов РФ. Только в Сибири к началу 2012 года оставалось два губернатора-долгожителя, находящихся во главе региона с 1991 года.

Что же отличает эти две области друг от друга и от других субъектов России? Томская область является едва ли не самой ущербной в вопросе транспортного сообщения с другими регионами, центром страны, ближнем и дальнем зарубежьем. В начале XX века Транссибирская магистраль прошла мимо тогда еще центра Сибирской губернии. Томск начал отставать, в первую очередь, в промышленном плане и по этой же причине перестал быть административным центром Сибири.

В 1991 г. руководителем области становится русский немец, агроном по образованию В.М. Кресс, до назначения поработавший в одном из совхозов

области и начальником агропромышленного комитета области. На прямых губернаторских выборах в 1995, 1999, 2003 годах Кресс одерживал победу уже в первом туре. Главная причина – отсутствие достойных конкурентов.

В 2000-х начинается новый этап в развитии регионализма – с 2004 года региональные лидеры не выбираются населением, а фактически назначаются Президентом. В свете относительной экономической стабильности регионы позволяют себе развивать проекты, способствующие созданию собственного позитивного образа. Регионы борются за ресурсы привлечением инвестиций на свои территории, а региональные руководители пытаются всецело соответствовать интенциям федеральной власти.

И в этой ситуации агроном Кресс оказывается едва ли не самым успешным губернатором. Его область выигрывает конкурс на создание инновационной зоны, проводит саммит РФ-ФРГ и множество других экономических и научных форумов. Кресс почти каждый месяц попадает в ТОП-25 лучших лоббистов среди региональных лидеров и получает поддержку со стороны Президента Путина в виде назначения на новый губернаторский срок в 2007 году. В лице федеральной власти Кресс, несмотря на имеющиеся промахи и почтенный возраст, по-прежнему являлся эффективным руководителем. Фигура В.М. Кресса занимает однозначно первое место в вопросе репрезентации региона. Являясь неплохим лоббистом, он находил благоприятные пути решения областных проблем и имел значительную поддержку со стороны федеральной власти.

В отличие от своего северного соседа Омская область является стратегическим регионом страны. В первую очередь, вследствие проходящей границы с иностранным государством – Казахстаном. Кроме того, через Омск проходит Транссибирская магистраль. Выигрышность местоположения Омской области заключается еще и в непосредственной близости к Уралу, а также сравнительно более мягкий климат, чем в Томской области. Такие объективные факторы повлияли и на рост численности населения в области, а областная столица является городом-миллионером.

Губернатор Омской области Л.К. Полежаев занял свой руководящий пост также осенью 1991 года указом Президента. В послужном списке Полежаева значится окончание сельскохозяйственного института, правда, по технической специальности. И до губернаторского поста работал в водном хозяйстве по специальности гидротехника. В 1995, 1999, 2003 годах он переизбирался на пост губернатора всенародным голосованием также в первом туре. Причины переизбрания были все те же, что и у руководителя Томской области.

Среди природных ресурсов область располагает наличием нефти и газа, занимается высокотехнологичной переработкой сырья, кроме того в области развита машиностроительная промышленность. Громких побед у Полежаева в 2000-х годах не было, но он постоянно попадал в рейтинг самых влиятельных губернаторов по самым различным позициям.

В 2007 году Полежаев получает представление от Президента на переизбрание на следующий губернаторский срок.

Изначальное превосходство Омской над Томской областью, ее большая узнаваемость еще со времен СССР никуда не делась. Способствуют этому до сих пор объективные экономические и географические причины. А наличие серьезно узнаваемых брендов ставят Омскую область значительно выше Томской в вопросе узнаваемости среди обычных граждан.

Что касается узнаваемости и рейтингов самих губернаторов (с 2007 г. по 2012 г.), то можно отметить, что и Кресс, и Полежаев стабильно занимали высокие места. В рейтинге региональных лидеров лоббистов ни один из них не был в первой десятке, т. е. лоббистом с очень высокой эффективностью, зато их позиции равномерно колебались от высокой к средней эффективности и обратно⁴⁶. То же самое касается и самих регионов. В последнем рейтинге инвестиционной привлекательности регионов Омск и Томск занимают соседние места по индексу умеренности риска, правда, Омск чуть впереди по показателю индекс потенциала⁴⁷.

После ухода Кресса с поста губернатора области, Полежаев остался единственным региональным лидером, сохранившим свой пост с 1991 года.

Помимо ключевых характеристик региональных лидеров современной России, которые выделяет А.В. Соловьев⁴⁸, мы выделим еще несколько причин тому, что два губернатора занимали руководящие посты пять сроков подряд:

1. В 1990-е годы Кресс и Полежаев сумели правильно позиционировать себя федеральным властям, не в ущерб собственным и региональным интересам, и умело воспользоваться своим положением внутри региона, что и поспособствовало их переизбранию на 4 срока подряд.

2. Отсутствие серьезных конфликтов с политическими элитами региона и федерального центра, а также отсутствие громких дел, связанных с коррупцией, техногенными авариями, позволило им переизбраться в 2007 году.

3. Желание самих губернаторов занимать свой пост, работать в своем регионе.

Список источников и литературы:

1. Инвестиционные рейтинги регионов. Рейтинг от 19.12.2011 г. // РА «Эксперт». – <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/> (дата обращения 09.02.2012 г.).

⁴⁶ Лучшие лоббисты России – декабрь и итоги 2011 года // Независимая газета. – URL: http://www.ng.ru/ideas/2012-01-25/5_lobbi.html (дата обращения 09.02.2012 г.).

⁴⁷ Инвестиционные рейтинги регионов. Рейтинг от 19.12.2011 г. // РА «Эксперт». – <http://www.raexpert.ru/ratings/regions/> (дата обращения 09.02.2012 г.).

⁴⁸ Соловьев Е.А. Выживший региональный лидер эпохи перемен. – М.: Альпина Бизнес. 2006. – С. 41.

2. Лучшие лоббисты России – декабрь и итоги 2011 года // Независимая газета. – URL: http://www.ng.ru/ideas/2012-01-25/5_lobbi.html (дата обращения 09.02.2012 г.).

3. Соловьев Е.А. Выживший региональный лидер эпохи перемен. – М.: Альпина Бизнес. 2006. – 464 с.

Постникова К. А.

Управление социально-экономическим развитием территорий с особым статусом в составе субъектов Российской Федерации, прошедших процесс объединения

В период 2005-08 гг. в РФ происходил процесс преобразования «матрешечных» субъектов в единый регион. На данный момент сформировано пять таких субъектов, волна укрупнения сошла на нет. При этом возникают вопросы о формировании моделей управления новыми субъектами и об итогах объединительного процесса.

На основе изученной литературы, анализа социально-экономических показателей регионов⁴⁹ можно сделать вывод о том, что объединение происходило по трем моделям:

1. Сильный материнский регион (донор) + слабый округ (реципиент);
2. Два слабых дотационных региона;
3. Регионы, уровень развития которых примерно одинаков, а динамика достаточно стабильна.

Первая модель характерна для Пермского края, вторая – для Камчатского и Забайкальского края, Иркутской области, третья – для Красноярского края. Имея свои особенности, модели обуславливают различные варианты целей и результатов объединения.

При этом можно выделить и некоторое сходство. Во-первых, две из моделей представляют собой объединение в целом равных с точки зрения социально-экономического положения регионов (вторая и третья: дотационные/стабильно развивающиеся регионы). Во-вторых, основная цель объединения – улучшение экономического развития регионов. При этом в случае с Пермским краем необходимо было улучшить уровень развития округа, приблизив его к уровню области, а для дотационных территорий – преодолеть

⁴⁹ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. Статистический сборник. [Электронный ресурс] URL: http://gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statistic/Collection/sdoc_1138625359016 (дата обращения – 25.01.11); Портреты регионов/ Социальный атлас российских регионов. [Электронный ресурс] URL: <http://atlas.socpol.ru/portraits/irk.shtml> (дата обращения – 7.05.11).

депрессивность. Что касается Красноярского края, то в результате слияния трех субъектов предполагалось получить единый сильный регион.

Теперь рассмотрим итоги объединения.

Первая модель: объединение привело к некоторому улучшению социально-экономического развития, о чем свидетельствует положительная динамика основных показателей данной сферы. Но округ по-прежнему не преодолел существующие трудности. И улучшение социально-экономического положения в крае в целом не всегда свидетельствует об улучшении ситуации в округе. Что касается стратегии дальнейшего развития региона, то в ней уделяется недостаточно внимания особенностям и перспективам округа⁵⁰, вероятно, краевая власть ставит перед собой цель полностью растворить бывший КПАО в новом субъекте. Возможно, это и принесет положительные результаты, но при этом не соблюдаются обязательства, закрепленные в Уставе края. Округ явно нуждается в поддержке, в принятии особых программ, проектов, направленных на улучшение развития всех его сфер.

Вторая модель: объединение было призвано повысить уровень развития субъектов, сократить их отсталость. В итоге регионы развиваются достаточно стабильно, наблюдается положительная динамика. Иркутская область в 2011 г. стала донором, Камчатский край и Забайкалье не пополнили собой этот список. Но данные регионы унаследовали множество проблем и автономных территорий, и депрессивных областей; эти трудности невозможно преодолеть за немногие годы, что прошли с момента объединения.

В плане перспектив развития можно отметить наличие проекта собственной ПСЭР у Корякского округа⁵¹; соблюдение Устава в Забайкалье, который не предполагал выделения особенностей социально-экономического развития бывшей автономии в ПСЭР; недостаточность выполнения обязательств, закрепленных в Уставе Иркутской области.

Третья модель: итог объединения – создание сильного Красноярского края, который стал донором в 2011 г., чем подчеркнул успешность своего развития. Можно отметить рост основных показателей, улучшение ситуации в регионе. В перспективе, вероятно, краевые власти планируют полную интеграцию округов в состав субъекта, однако, необходимо учитывать особенности бывших автономий и обязательства края перед ними.

В целом, все модели показали результативность: основные показатели имеют положительную тенденцию, они улучшились по сравнению с периодом, когда регионы существовали порознь⁵². Но проблемы, доставшиеся в

⁵⁰ См. Проект Программы социально-экономического развития Пермского края на 2009-2012 гг. и на период до 2017 г.

⁵¹ Проект программы социально-экономического развития Корякского округа на 2011-2013 гг. и на период до 2015 г.

⁵² По материалам: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. Статистический сборник. [Электронный ресурс] URL: http://gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statistic/Collection/sdoc_1138625359016 (дата обращения – 25.01.11).

наследство от депрессивных субъектов, новые регионы смогли преодолеть не полностью. Чтобы решить эту задачу, нужно время и сохранение положительной динамики.

Однако стратегическое планирование регионов недостаточно отражает особенности и перспективы бывших автономий, несмотря на то, что сейчас рано говорить об интеграции округов в состав единого субъекта.

Обратимся к моделям управления бывшими автономиями.

Во-первых, модель «пилотного» субъекта – Пермского края, где создан краевой орган госвласти – Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа, в ведении которого находятся вопросы этнокультурного развития, сохранения самобытности коми-пермяков. Правительство края разрабатывает ПСЭР, где цели и особенности развития округа должны отражаться обособленно. Основные вопросы социально-экономической сферы решают непосредственно муниципальные образования округа. Существует законодательно закреплённая возможность сформировать единый муниципалитет на территории округа.

В Камчатском крае существует похожая система управления Корякским округом.

Модель Красноярского края: в исполнительной власти субъекта отсутствует отдельный орган управления Таймыром и Эвенкией. У местной власти на территории округов, ставших муниципальными районами, есть полномочия по согласованию с Правительством края программ их социально-экономического развития.

Третья модель: Забайкалье и Иркутская область, где исполнительную власть в округах осуществляет администрация округа. Особенности социально-экономического развития округа должны отражаться в ПСЭР (в Иркутской области), в Забайкалье предусмотрена лишь реализация целевых программ. При этом в крае при Законодательном Собрании создано Собрание представителей Агинского Бурятского округа.

На данном этапе эффективность развития территорий с особым статусом зависит не столько от модели управления ими, сколько от характера динамики предшествующего развития регионов. Но в дальнейшем именно организация органов власти и стратегическое планирование будут иметь решающее значение для социально-экономического развития данных территорий.

Список источников и литературы:

1. Аналитический вестник. 2004, № 6. Проблемы законодательного обеспечения укрупнения субъектов Российской Федерации (на примере объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа). [Электронный ресурс] URL: http://www.council.gov.ru/inf_sl/bulletin/item/27/index.html.

2. Колмогорова Д. М. Федеративный процесс и укрупнение российских регионов: диссертация кандидата политических наук. – Пермь, 2008.

3. Меморандум «Об основных положениях реализации особого статуса Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского автономных округов в составе нового субъекта Российской Федерации».

4. Программа социально-экономического развития Забайкальского края на 2010–2014 гг.

5. Программа социально-экономического развития Иркутской области на 2011–2015 гг.

6. Проект Программы социально-экономического развития Пермского края на 2009–2012 гг. и на период до 2017 г.

7. Проект программы социально-экономического развития Корякского округа на 2011–2013 гг. и на период до 2015 г.

8. Проект Программы социально-экономического развития Камчатского края на 2009–2013 гг. и на период до 2025 г.

9. Устав Забайкальского края от 17.02.2009 № 125-ЗЗК.

а. Устав Иркутской области от 17.04.2009 № 1.

б. Устав Камчатского края от 04.12.2008 от 14_11_2008 № 141.

10. Устав Красноярского края от 05.06.2008 № 5-1777.

11. Устав Пермского края от 27.04.2007 № 32-ПК.

12. Портреты регионов. Социальный атлас российских регионов. [Электронный ресурс] URL: <http://atlas.socpol.ru/portraits.shtml>.

13. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/publishing/catalog/statistic/Collection/sdoc_1138625359016.

14. Регионы-доноры. [Электронный ресурс] URL: <http://www.politika.su/reg/donory.html>.

Сонина В.В.

Деволуция государственной власти в федеративных государствах как попытка преодолеть этнополитический конфликт

Различия этнических составляющих на территории одного государства может привести к появлению или же обострению этнополитического конфликта, который определяется Ланцовым как «разновидность социально-политического конфликта, субъекты которого идентифицируют себя и противоположную сторону в этнических категориях и содержанием которого является борьба за обладание политической властью вплоть до образования собственного национального государства»⁵³.

⁵³ Ланцов С. А. Политическая конфликтология. – СПб., 2008.

Одним из способов к преодолению этнополитического конфликта можно назвать деволюцию. Она может выделяться как одна из форм децентрализации государственных функций наравне с деконцентрацией, под которой понимается «процесс, в рамках которого функции управления передаются нижестоящим государственным органам в иерархической системе государственной власти, не ослабляя при этом вертикальной иерархии самой системы»⁵⁴. Деволюция же подразумевает «предоставление прав нижестоящим органам принимать решения и вести самостоятельную финансовую и управленческую деятельность»⁵⁵. Нижестоящие органы власти при деволюции поднимаются на такой административный уровень, за которым центральные органы могут осуществлять только опосредованный контроль.

При деволюции правительства центра не только увеличивают полномочия на местном и региональном уровнях и предоставляют особый политический и экономический статус отдельным группам и областям⁵⁶, но и делегирует ряд важных прерогатив в некоторые регионы таким образом, что получается асимметричная федерация, характеризующаяся тем, что некоторые субъекты федерации обладают большими прерогативами самоуправления, чем другие⁵⁷.

Каждая страна обладает своими специфическими причинами использования механизма деволюции. Деволюция выбирается в качестве механизма формирования взаимоотношений между федеральным правительством и территориально-административными образованиями в силу специфических культурных, политических или экономических тенденций регионов конкретного государства.

Механизм деволюции государственной власти в федеративном государстве является совокупностью способов и приёмов перераспределения властных функций с федерального уровня на региональный⁵⁸. Законодательной базой разграничения сферы деятельности, функций и ответственности между органами центральной государственной власти федеративного государства и его территориально-административными образованиями является: федеральная конституция, конституции или уставы субъектов федерации, федеральные законы, договоры о распределении полномочий

⁵⁴ Миннихметов А. Ф. Механизм децентрализации государственной власти в федеративном государстве // *Право и Государство: Теория и Практика*; 2007; № 10. – С. 135.

⁵⁵ Миннихметов А. Ф. Механизм децентрализации государственной власти в федеративном государстве // *Право и Государство: Теория и Практика*; 2007; № 10. – С. 136.

⁵⁶ Бари Д. Переосмысление асимметричного федерализма // Конференция «Будущее российского федерализма: политический и этнический факторы», 25–26 февраля 2000 г., <http://federalmcart.ksu.ru/conference/konfer1/bari.htm>.

⁵⁷ Медушевский А. Европейская интеграция: механизмы взаимодействия // *Вестник Европы*. 2006, № 17, <http://magazines.russ.ru/vestnik/2006/17/me1.html>.

⁵⁸ Миннихметов А. Ф. Механизм децентрализации государственной власти в федеративном государстве // *Право и Государство: Теория и Практика*; 2007; № 10. – С. 135.

между федерацией и её субъектами. Но в некоторых государствах деволюция может происходить только де-факто, но не закрепляться юридически.

Для осуществления наиболее приемлемого ресурсного обеспечения при закреплении за каким-либо одним уровнем власти полномочий по нормативному правовому регулированию, финансовому обеспечению и исполнению, необходимо отсутствие пересекающихся сфер ответственности, а федеральный уровень не должен вмешиваться в то, как регионы проводят свою политику в сфере своей компетенции⁵⁹.

В зависимости от того, в каком сфере осуществляются мероприятия, направленные на деволюцию государственной власти, их можно классифицировать на следующие группы⁶⁰:

– Внутренняя политика. Могут быть представлены в различных областях общественной, политической или культурной жизни общества.

– Внешняя политика. Здесь представлена возможность взаимодействия субъекта федерации с иностранными государствами и организациями.

– Экономическая сфера. Может выделяться отдельно⁶¹, так как является весьма специфической. Во-первых, экономическая политика субъекта федерации может осуществляться как во внутренней политике, так и во внешней. Во-вторых, невозможно существование полной экономической независимости субъекта федерации. Поэтому, экономические полномочия необходимо рассматривать, как отдельный критерий деволюции государственной власти.

Так как деволюция не предполагает полной экономической самостоятельности субъекта, то она предполагает его ресурсное обеспечение. Центр выделяет собственность и финансовые средства, которые используются для исполнения полномочий. Законодательные акты, которые регулируют распределение полномочий, и специализированные нормативные правовые акты закрепляют ресурсное обеспечение субъектов деволюции⁶².

В многонациональных государствах с населением, обладающим различными языковыми и культурными особенностями, деволюция является способом сохранить и культурно-языковую самостоятельность различных регионов, и единство государства. Предполагая передачу центральными органами власти части своих полномочий органам административно-территориальных единиц без контроля над ними, деволюция даёт возможность регионам реализовать свою автономию, сохраняя себя в составе единого государства, то есть без сепарации.

⁵⁹ Миннихметов А. Ф. Механизм децентрализации государственной власти в федеративном государстве // Право и Государство: Теория и Практика; 2007, № 10. – С. 136.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. – С. 135

⁶² Там же.

Список источников и литературы:

1. Бари Д. Переосмысление асимметричного федерализма // Конференция «Будущее российского федерализма: политический и этнический факторы», 25–26 февраля 2000 г., <http://federalmcart.ksu.ru/conference/konfer1/bari.htm>.
2. Ланцов С.А. Политическая конфликтология. – СПб., 2008.
3. Медушевский А. Европейская интеграция: механизмы взаимодействия // Вестник Европы, 2006, № 17, <http://magazines.russ.ru/vestnik/2006/17/me1.html>.
4. Миннихметов А.Ф. Механизм децентрализации государственной власти в федеративном государстве // Право и Государство: Теория и Практика; 2007, № 10.

Гуляева А.Г.

Институт преемника в современной России: региональные кейсы

Практика применения института преемника в современной российской политике приобрела устойчивые формы и довольно активно используется на высшем государственном уровне. Персональная смена президента в постсоветской России происходила дважды – в 2000 и 2008 гг. – и оба раза через модель преемника. Как представляется, термин «преемник» отнюдь не является отличительным свойством, характеризующим процесс передачи власти только на президентском уровне. В настоящем исследовании предпринята попытка выявить содержательные характеристики института преемника на региональном уровне.

Преемничество как модель воспроизводства власти – достаточно широко распространенное явление, которое обнаруживается при замещении самых разных должностей в различных органах публичной власти, а также в государственных учреждениях, в политических партиях, в негосударственных организациях и т. д. Кроме того, эта модель отнюдь не всегда сопровождается формальной процедурой выборности. Процедура преемник может и назначаться, и это вполне вписывается в существенные характеристики данной модели. В рамках нашего исследования речь пойдет о воспроизводстве власти на региональном уровне на примере глав субъектов Российской Федерации.

В период с 2005 по 2011 гг. наделены полномочиями высших должностных лиц 149 глав субъектов федерации. Процедура наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ может идти по нескольким

сценариям. Примерно в половине случаев происходит переназначение губернатора на следующий срок. Что касается второй половины, в последнее время чаще всего внимание обращается на практику назначения так называемых «варягов», не имеющих связей с регионом и не включенных во внутрирегиональные политические и экономические процессы. Вместе с тем, достаточно типичным становится и противоположный вариант, когда действующему губернатору удается обеспечить передачу власти «своему человеку» – «преемнику».

В условиях существования различных сценариев необходимо ответить на главный вопрос: чем объяснить феномен преемничества на региональном уровне? и выявить факторы и условия, благоприятствующие успешному осуществлению операции «преемник».

Суть преемничества на региональном уровне содержательно состоит в том, что действующий глава субъекта: подбирает кандидата на должность губернатора; готовит его, то есть продвигает на значимые должности; оказывает всяческую поддержку в ходе процедуры замещения должности. Определяя, имело ли место преемничество при наделении губернатора полномочиями, можно руководствоваться, в первую очередь, персональными характеристиками предложенной президентом кандидатуры, а именно, его связями с предыдущим губернатором. Значимым является и то, как осмысливается и воспринимается фигура нового губернатора в обществе. Здесь важно, во-первых, как позиционирует себя сам преемник, в том числе и по отношению к предыдущему главе, а, во-вторых, как преподносится данная кандидатура в публичной плоскости, например, в средствах массовой информации, а также как она оценивается экспертным сообществом.

Список источников и литературы:

1. Крыштановская О. Форматы российской власти // Полис. – 2010. – № 1.
2. Пастухов В. Медведев vs Путин: двоемыслие как альтернатива двоевластию. Послесловие политического циника к дискуссии о либеральном повороте // Полис. – 2009. – № 6.
3. Перегудов С. Политическая система России после выборов 2007–2008 гг.: факторы стабилизации и дестабилизации // Полис. – 2009. – № 2–3.
4. Петров Н.В. Назначение губернаторов: Итоги первого года // Брифинг Московского центра Карнеги. – М., 2006. – Т. 8. Вып. 3. – 8 с.
5. Рогов К. Неприемлемый преемник // ProetContra. – 2007. – № 4–5.
6. Романович Н. К вопросу о персонификации власти в России // Власть. – 2009. – № 9.
7. Туровский Р.Ф. Практики назначения губернаторов: инерция и радикализм в политике центра // Полития. – 2009. – № 2. – С. 75.

Проблемы регионального субсидирования территорий в Пермском крае

Размеры России позволяют говорить не только о критической разнице в социально-экономическом развитии регионов, но и о значительных различиях в развитии территорий внутри отдельно взятого региона. Поскольку одной из основных целей региональной политики является обеспечение единых минимальных социальных стандартов и равной социальной защиты, гарантирование социальных прав граждан, установленных Конституцией Российской Федерации, независимо от экономических возможностей регионов⁶³, перед субъектом Федерации встает вопрос о выравнивании условий социально-экономического развития регионов. Одним из инструментов выравнивания служит механизм распределения межбюджетных субсидий между регионом и муниципалитетами.

По данным Министерства регионального развития Пермского края процент исполнения РФСР (регионального фонда софинансирования расходов) за 2011 год составил 52,9 % по отношению к бюджетным ассигнованиям и 71,5 % по отношению к кассовому плану⁶⁴.

Основной причиной неосвоения средств РФСР Пермского края в плане исполнения финансирования по бюджету является несовершенство Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»⁶⁵. Затянутые процедуры проведения аукционов, срывы сроков выполнения работ из-за недобросовестности подрядчиков приводят к тому, что муниципальные образования не успевают освоить бюджетные средства в текущем финансовом году.

В некоторых случаях наблюдается элементарный недостаток средств для финансирования 25 % части МО (как отдельный случай – нехватка средств на проведение необходимых экспертиз) и проблемы с утверждением заявок на софинансирование.

Более интересно исследовать причины неосвоения средств, предусмотренных кассовым планом. Среди них можно выделить:

⁶³ Указ Президента РФ от 03.06.1996 № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации».

⁶⁴ Распределение регионального фонда софинансирования расходов по постановлениям Правительства Пермского края по состоянию на 2011 год // Министерство регионального развития Пермского края.

⁶⁵ Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».

- Низкое качество бюджетного планирования в муниципальных образованиях;
 - Ошибки муниципальных властей при заключении контрактов с подрядными организациями (неверный расчет объема работ, который может быть выполнен за указанный срок);
 - Некачественное выполнение работ подрядной организацией;
 - Частые изменения требований надзорных органов.
- Обзор перспективы развития субсидирования в Пермском крае:
- Оценка потенциала проекта «Кураторы территорий» в области методологической поддержки МО;
 - Перспективы практики самообложения граждан для участия в краевом проекте «Благоустройство»;
 - Вступление в силу с 2012 года Постановления Правительства Пермского края «О проверке инвестиционных проектов на предмет эффективности использования средств бюджета Пермского края, направляемых на капитальные вложения»⁶⁶, которое утверждает возможный срок рассмотрения заявки на субсидирование до 3 месяцев и высокие требования к заявкам.

Список источников и литературы:

1. Закон Пермского края от 20.09.2007 № 111-ПК «О бюджетном процессе в Пермском крае»;
 - а. Закон Пермского края от 24.12.2007 года № 165-ПК «О региональном фонде софинансирования расходов»;
 - б. Закон Пермского края от 16.12.2010 № 726-ПК «О бюджете Пермского края на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов»;
 - с. Закон Пермского края от 12.12.2011 № 883-ПК «О бюджете Пермского края на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов»;
 - д. Постановление Правительства Пермского края от 02.12.2010 № 964-п «О проверке инвестиционных проектов на предмет эффективности использования средств бюджета Пермского края, направляемых на капитальные вложения»;
 - е. Постановление Правительства Пермского края от 15.02.2008 № 27-п «Об утверждении Порядка предоставления бюджетам муниципальных районов, городских округов субсидий на реализацию инвестиционных проектов (целевых программ) муниципальных районов, городских округов»;
 - ф. Постановлением Правительства Пермского края от 29.02.2008 № 38-п «Об утверждении Порядка и условий перераспределения объемов

⁶⁶ Постановление Правительства Пермского края от 02.12.2010 № 964-п «О проверке инвестиционных проектов на предмет эффективности использования средств бюджета Пермского края, направляемых на капитальные вложения».

средств бюджета Пермского края, предусмотренных для предоставления местным бюджетам субсидий из регионального фонда софинансирования расходов»;

г. Постановление Правительства Пермского края от 10.10.2011 № 753-п «Об утверждении Порядка реализации приоритетного регионального проекта «Благоустройство»;

h. Постановления Правительства Пермского края от 13.04.2011 № 188-п «Об утверждении Порядка предоставления из бюджета Пермского края иных межбюджетных трансфертов бюджетам муниципальных образований Пермского края на решение вопросов местного значения, осуществляемых с участием средств самообложения граждан, и Методики распределения из бюджета Пермского края иных межбюджетных трансфертов бюджетам муниципальных образований Пермского края на решение вопросов местного значения, осуществляемых с участием средств самообложения граждан»;

i. Проект Программы социально-экономического развития Пермского края на 2009-2012 годы и на период до 2017 года // портал Правительства Пермского края [Электронный ресурс] (URL:<http://www.permkrai.ru/strateg/>).

j. Распределение регионального фонда софинансирования расходов по постановлениям Правительства Пермского края по состоянию на 2011 год // Министерство регионального развития Пермского края;

2. Интервью с экспертами-служащими отдела муниципальных проектов и программ Министерства регионального развития Пермского края // из личного архива автора.

3. Кислицина Е. «Самообложение граждан – новый шаг в решении проблем местного уровня» // Журнал «КонсультантПермь», 2011, № 5.

4. Указ Президента РФ от 03.06.1996 № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации».

5. Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».

6. Федеральный закон от 6.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Секция 4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Сизикова Е.С.

ДНЯО в режиме нераспространения ядерного оружия

Проблема распространения ядерного оружия (ЯО) волнует человечество не один десяток лет. Наибольшую актуальность данный вопрос приобрел в последнее время в связи с иранской ядерной программой, которая беспокоит международное сообщество, так как вероятность создания иранскими учеными ЯО велика. Именно поэтому режим нераспространения ядерного оружия является актуальной темой для исследования. Необходимо определить его эффективность на современном этапе, а также ответить на вопрос о возможной альтернативе режиму ядерного нераспространения, созданному на основе Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г.

Режим нераспространения ЯО представляет собой систему международных договоренностей и организаций с участием ядерных и неядерных государств, а также внутренних законодательств стран-участников, цель которых – предотвращение приобретения ядерного статуса государствами, которые не имели его к 1967 г. Основным документом, который обеспечивает существования режима, является Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

ДНЯО – это многосторонний международный акт, закрепляющий неотъемлемое право всех государств-участников на производство, использование и исследования ядерной энергии в мирных целях. Каждое из государств-участников, обладающих ЯО, согласно договору, обязуется не передавать его или другие ядерные взрывные устройства третьим сторонам, а также обеспечивать контроль над ними. Кроме того, государства, подписавшие договор, не имеют право помогать или поощрять страны, не

обладающие ядерным оружием, к его производству или приобретению. ДНЯО вступил в силу 5 марта 1970 г. На 2010 г. ДНЯО подписали 189 государств.

Причины подписания ДНЯО назревали более 20 лет. Первоначальной причиной стало, несомненно, ядерное испытание, проведенное Соединенными Штатами в 1945 г. в пустыне под Аламогордо (штат Нью-Мексико), далее последовали атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 года. Эти события показали мировому сообществу губительную мощь ЯО, было доказано его деструктивное воздействие на окружающую среду, а главным образом – на человека.

Ещё одной существенной причиной подписания договора являлась биполярность системы международных отношений. В условиях противостояния двух ядерных держав – США и СССР – мир находился под угрозой третьей мировой войны, которая могла оказаться последней в истории человечества, так как применение ЯО привело бы к гибели населения не только стран-участниц войны, но и соседних стран.

На сегодняшний день ДНЯО является основным договором, сдерживающим ядерное распространение. В совокупности с гарантиями МАГАТЭ, договор приобретает особое значение в условиях возрастающего интереса государств к использованию атомной энергетики. Однако механизмы, действовавшие 30 лет назад, постепенно устаревают, что указывает на необходимость их изменений с учетом современной ситуации.

Список источников и литературы:

1. Гонка вооружений. <http://www.coldwar.narod.ru/gonki.htm>.
2. Договор о нераспространении ядерного оружия. Проблемы продления (Открытый доклад СВР за 1995 год)// Служба внешней разведки Российской Федерации: <http://svr.gov.ru/material/4-0.htm>.
3. Роль международного сотрудничества в развитии ядерной науки и технологии и международные ядерные организации: МАГАТЭ, WNA, WNU, WANO, OECD-NEA, OECD – IEA, EC, ENEN, ANENT и др.: http://icne.mephi.ru/wp-content/uploads/2011/02/2-7lecture_RU.pdf.
4. 189 стран одобрили Декларацию по ДНЯО: от Израиля требуют раскрыть ядерные арсеналы.//NEWSru.com: <http://www.newsru.com/world/29may2010/dnyao.html>.
5. Nuclear Power Without Nuclear Proliferation? Steven E. Miller. Режим доступа: <http://www.mitpressjournals.org/doi/pdfplus/10.1162/daed.2009.138.4.7>.
6. Russian and American Nonproliferation Policy: Success, Failure, and the Role of Cooperation. Dr. Jim Walsh -MTA Occasional paper, 2004. – 44 p.
7. The Baruch Plan // atomicarchive.com: <http://www.atomicarchive.com/Docs/Deterrence/BaruchPlan.shtml>.

Вопрос соблюдения прав венгерского национального меньшинства во внешней политике Венгрии

Регион Центрально-Восточная Европа на сегодняшний день представляет собой некую национальную мозаику, сложенную многочисленными историческими событиями и политическими ходами восточно-европейских государств. Практически в каждой стране данного региона проживают одно или несколько национальных меньшинств, требующих соблюдения своих прав и свобод, обеспечения особых условий жизни. Так, крупнейшим в ЦВЕ национальным меньшинством являются венгры, в большом количестве представленные в Словакии, Румынии, Сербии и Украине. Вопрос нацменьшинства не может не отразиться на внешней политике Венгрии, в сознании народа которой до сих пор живет «трианонская травма». По условиям Трианонского мирного договора (1920 г.) Венгрия признала распад империи и потеряла две трети довоенных территорий, за пределами страны осталось около 3 миллионов венгров. С тех пор вопрос «потерянного» венгерского населения стал одним из важнейших вопросов внешней политики Венгрии. До сих пор венгры по обе стороны границ болезненно относятся к любым ущемлениям прав своих соотечественников, а руководство Венгрии выдвигает решение национального вопроса в ряд главных задач внешнеполитического курса.

Особую остроту национальный вопрос приобрел с приходом к власти центрально-правой партии ФИДЕС под руководством Виктора Орбана. В 1998-2002 гг. Орбан предложил ряд законопроектов, предоставляющих привилегии этническим венграм в соседних странах. Одним из самых заметных законов был так называемый «закон о статусе» (ActonHungarianslivinginneighboringcountries)⁶⁷. Согласно этому закону, этнические венгры, проживающие в Сербии, Румынии, Словакии, Украине и Хорватии, могли претендовать на специальные пособия и привилегии. Из списка под давлением ЕС была исключена Австрия, поскольку между гражданами союза нельзя делать различий, тем более на этнической основе⁶⁸. Например, венгры могли получать удостоверения личности, а также временный вид на работу, по которому его обладатель имел право не только работать в Венгрии, но и получать медицинские услуги и социальные пособия. Закон предусматривал льготный въезд и пребывание на венгерской территории граждан соседних стран, лишившихся венгерского гражданства не по своей воле и не имеющих постоянного вида на жительство в Венгрии⁶⁹. «Закон о статусе» за-

⁶⁷ Нелаева Г. Европеизация и права венгерского меньшинства в отношениях Венгрии и Словакии // Европа: международный альманах. – 2010. – Вып. 9. – С. 117–125.

⁶⁸ Хмел Р. Словацкая и венгерская правда в Европейском Союзе // Центрально-Европейский ежегодник. – 2003. – Вып. 1. – С. 287–295.

⁶⁹ См. гл.1, §1 Act on Hungarians living in neighboring countries. Режим доступа http://www.mfa.gov.hu/NR/rdonlyres/A08A8619-B08C-450F-A70B-0949A5467BAB/0/Statusz_EN.pdf (дата обращения 28.02.2012).

трагивал многие другие сферы общественной жизни, такие как образование, наука, культура, гарантировал оказание медицинских услуг и соблюдение социальных льгот для некоторых категорий венгерского населения соседних стран. По мысли Виктора Орбана и иных представителей правящей партии закон должен был стать решением национального вопроса и, кроме того, источником новой концепции будущей Европы – «Европы обществ». Нет ничего удивительного в том, что закон немедленно был подвергнут критике странами, на чьей территории проживали венгерские меньшинства. Так, Словакия выступила с заявлением, что этот закон противоречит европейским нормам, и обратилось в Парламентскую Ассамблею Совета Европы с просьбой рассмотреть закон на предмет соответствия европейским соглашениям. Резко против принятия закона выступила Румыния, на территории которой по результатам переписи населения 2002 года проживало чуть меньше полутора миллионов венгров. Главным недостатком закона, на который указывали критики, была его, так называемая, экстерриториальность. Иными словами, соседние государства опасались попытки Венгрии вмешаться в их внутреннюю политику. Румынский министр иностранных дел заявил следующее: «Венецианская комиссия подчеркнула, что необходимо избегать формирования политических отношений между национальным меньшинством и его родным государством (kin-state)»⁷⁰. «Закон о статусе» подвергли критике за то, что он противоречил Директиве Совета ЕС (2003/47/ЕС) о запрете дискриминации по расовому или этническому признаку. Следовательно, данный закон противоречил принципу ЕС о запрете на дискриминацию по национальному признаку и этническому происхождению.

После нового этапа расширения ЕС на Восток в 2004 году «Закон о статусе» был отменен как противоречащий нормам ЕС. В июне 2005 года была принята новая внешнеполитическая программа – «Программа национальной ответственности», согласно которой этнические венгры получали возможность облегченного въезда в Венгрию, упрощенной процедуры получения гражданства и помощи, необходимой для развития языка и культурных ценностей⁷¹. Таким образом, защита венгерского меньшинства была и по-прежнему остается одной из главных составляющих венгерской внешней политики, определяя, насколько дружественными будут отношения Венгрии с соседними государствами. Несмотря на то, что острота этого вопроса меняется в зависимости от политического курса правящей партии, национальная обида всегда присутствует в сознании как венгров, живущих на родине, так и их соотечественников по ту сторону границы.

⁷⁰ Varga A. Legislative Aspects and Political Excuses: Hungarian-Romanian Disagreements on the 'Act on Hungarians Living in Neighbouring Countries' Режимдоступа http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no4_ses/chapter19.pdf (дата обращения 27.02.2012).

⁷¹ Hungary's Renewed Nation Policy Режимдоступа http://www.mfa.gov.hu/kum/en/bal/Archivum/Archives/nation_policy_affairs.htm (дата обращения 29.02.2012).

Список источников и литературы:

1. Нелаева Г. Европеизация и права венгерского меньшинства в отношении Венгрии и Словакии // Европа: международный альманах. – Вып. X. – 2010. – С. 117–125.
2. Хмел Р. Словацкая и венгерская правда в Европейском союзе // Центрально-Европейский ежегодник. – Вып. 1. – 2003. – С. 287–295.
3. Шишелина Л. Венгрия в Европе // Международная жизнь. – 2005, – № 11. – С. 79–90.
4. Act on Hungarians living in neighbouring countries: interests and goals Режим доступа http://www.mfa.gov.hu/NR/rdonlyres/A08A8619-B08C-450F-A70B-0949A5467BAB/0/Statusz_EN.pdf (дата обращения 28.02.2012).
5. Csérgo Z. Kin-State Politics in Central and Eastern Europe: the Case of Hungary Summary of presentation, Meeting report. 2005.
6. Schoplin G. Hungary and its neighbours // Chaillot Papers. № 7. 1993.
7. The Hungarian Status Law: Nation Building and/or Minority Protection / Подред. Kántor Z., Majtényi B. Режим доступа http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no4_ses/contents.html (дата обращения 28.02.2012).
8. Treaty of Trianon Режим доступа http://wwi.lib.byu.edu/index.php/Treaty_of_Trianon (дата обращения 15.10.2011).

Сирюкова Я.А.

Международные институты в постконфликтном восстановлении Боснии и Герцеговины: реалии и вызовы современности

В настоящее время важной задачей для исследователей становится консолидация усилий по разработке подходов, связанных с трансформацией конфликта и управлением процессом постконфликтного восстановления. Важную роль в данном процессе играет международное сообщество и его институты. Так, например, мы можем видеть массовое присутствие различных международных неправительственных организаций, агентств по оказанию гуманитарной помощи и по поддержке дальнейшего развития учреждений Объединенных Наций в обществах, разрушенных после конфликта, таких как Босния и Герцеговина, Камбоджа, Косово. Однако не удастся утверждать об однозначности их влияния на процессы постконфликтного восстановления.

В данном исследовании автором будет рассмотрена взаимосвязь процессов постконфликтного восстановления и международных институтов в контексте влияния фактора экономической нестабильности.

Согласно данным эмпирического исследования Кольера и Хоефлера было выявлено, что экономическая нестабильность представляет особый риск для постконфликтного восстановления. Ученые пришли к выводу, что экономический рост на 10 % в год в течение десятилетия снижает риск возобновления конфликта с 40 до 27 %⁷².

Анализируя кейс Боснии и Герцеговины в этом аспекте, мы можем утверждать, что данное «государство без государственности»⁷³ проходит достаточно сложный путь постконфликтного восстановления, и значимыми для него являются вызовы мирового экономического кризиса.

Несмотря на заявления некоторых боснийских политиков, что кризис не затронет Боснию, стоит отметить, что процессы восстановления во многом финансируются европейскими иностранными донорами, и это, безусловно, не могло не отразиться на ситуации в условиях экономической нестабильности. Так, мировой экономический кризис вызвал падение ВВП на 3,1 % в 2009 году. С тех пор в экономике Боснии началось медленное восстановление. Economist Intelligence Unit считает, что реальный ВВП вырос на 0,8 % в 2010 году и на 2 % в 2011 г.⁷⁴ Однако внутривластная неопределенность, спад в самой еврозоне ограничили приток инвестиций в страну. Перспективы на 2012 год ухудшились, а рост в настоящее время прогнозируется на уровне всего около 1,5 %. Средства МВФ и ЕС не полностью покрывают потребности Боснии, и без иностранных заимствований правительству придется отложить некоторые капитальные расходы, а также, возможно, сократить расходы на социальную сферу, а это может стать существенным ограничением процессов постконфликтного восстановления.

Однако даже при условии оказания финансовой помощи в необходимом объеме, невозможно однозначно утверждать об успешности постконфликтного восстановления. Анализируя кейс Боснии, исследователи говорят о «синдроме зависимости»⁷⁵. Более того, согласно теории зависимого развития⁷⁶ «развивающиеся страны могут постепенно освободиться от зависимости, однако условием выхода из порочного круга является изменение политики международных институтов». Примером тому может служить необходимость пересмотра полномочий и роли института Высокого Представителя. Но все же наблюдается по-

⁷² Paul Collier, Anke Hoeffler and Måns Söderbom, Post-Conflict Risks, *Journal of Peace Research*. – 2008. – № 45. – p. 461–478.

⁷³ Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности / Е.Г. Пономарева // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 1 (16). – С. 64–76.

⁷⁴ <http://country.eiu.com/Bosnia%20and%20Hercegovina>.

⁷⁵ Fischer M. *Recovering from Violent Conflict: Regeneration and Reintegration as Elements of Peacebuilding Transforming Ethnopolitical Conflict*. Т. В. Handbook, Wiesbaden: VS Verlag, 2004. – pp. 373–402.

⁷⁶ Малахов В.С. Государство в условиях глобализации. – Москва: КДУ. – 2007. – 256 с.

ложительная динамика со стороны ЕС. В июне 2008 года Босния подписала соглашение о стабилизации и ассоциации с ЕС, по которому ЕС предлагает Боснии помощь и консультации, признает его в качестве потенциального кандидата в членство. В ноябре 2010 года ЕС разрешил безвизовый въезд для граждан Боснии.

Продолжая рассмотрение данной теории, считаю, необходимым заметить бесперспективность только односторонних подходов: не только международным институтам, но и самим постконфликтным обществам (государствам) следует изменить свою политику, приложить усилия для построения мира и, в некоторых случаях, даже государственности.

Неясно, существуют ли достаточно сильные стимулы для боснийских лидеров изменить свой курс. В ноябре 2010 года доклад Европейской комиссии по Боснии подверг резкой критике действия данного государства в качестве кандидата в ЕС, отмечая, что недостаточность прогресса Боснии в выполнении политических критериев членства и в создании функционирующей рыночной экономики. В реальности мы до сих пор сталкиваемся с актуальностью националистической риторики на выборах в Боснии.

Таким образом, высокий уровень финансовой помощи может быть рассмотрен как необходимое, но недостаточное условие для эффективного постконфликтного восстановления. Будет иметь решающее значение, в каких отраслях и с какой целью, при влиянии каких факторов данная помощь будет оказана, а также сам подход международных институтов к постконфликтному восстановлению и активная позиция, желание самого государства-реципиента брать на себя ответственность.

Список источников и литературы:

1. Paul Collier, Anke Hoeffler and Måns Söderbom, Post-Conflict Risks, *Journal of Peace Research*. – 2008. – № 45. – p. 461–478.

2. Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности / Е.Г. Пономарева // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 1 (16). – С. 64–76.

3. Barakat, S. The Failed Promise of Multi-Donor Trust Funds: Aid Financing as an Impediment to Effective State-Building in Post-Conflict Environments.// *Policy Studies*. 2009. No 30 (2). – pp. 107–26.

4. Fischer M. Recovering from Violent Conflict: Regeneration and Reintegration as Elements of Peacebuilding Transforming Ethnopolitical Conflict. Т.В. Handbook, Wiesbaden: VS Verlag, 2004. – pp. 373–402.

5. Малахов В.С. Государство в условиях глобализации. – Москва: КДУ. – 2007. – 256 с.

Территориальные конфликты и практика их решения

Любой конфликт не возникает на пустом месте. Множество разнообразных факторов имеют в нем место, прежде всего, это экономические факторы, а уже в след за ними, на волне столь популярного в наши дни признания малых народов – политические. И в большинстве случаев, такие народы требуют если не полной независимости, то хотя бы широкой (полной) автономии или иного статуса тождественного ей. В рамках этого возникают сепаратистские настроения. «Сепаратизм – теория, политика и практика обособления, отделения части территории государства с целью создания нового самостоятельного государства или получения статуса очень широкой автономии»⁷⁷.

Территориальные конфликты наблюдались на протяжении всего развития государственности, а сепаратизм, как форма территориальных конфликтов, получил распространение только в последние два столетия – период оформления и развития государственности современного типа.

В наше время, когда речь идет о сепаратистских настроениях на территории России не только в Чечне, но также и о сибирском и татарском сепаратизме было бы недальновидно игнорировать этот процесс. Процесс характерный не только для нашей многонациональной страны, но и для стран запада. Опыт некоторых стран запада весьма поучителен, т. к. использование разных методов как со стороны государств, так и со стороны желающей обособиться территории привели к разным положительным и отрицательным последствиям.

Вопрос вмешательства в дела суверенного государства, а также во внутреннюю политику существовал всегда, и у нас перед глазами есть опыт как самостоятельного решения государством вопроса сецессии его территории, так и решения вопроса с помощью третьей стороны. Весьма поучителен опыт Норвегии в 1814 году⁷⁸.

Мы рассмотрим проблему путем сравнения таких настроений на территории Королевства Испании (Страна Басков) и Российской Федерации (Чеченская Республика). В Стране Басков присутствуют две формы сепаратизма: радикально-националистическая и мирная. Единственный в Европе доиндоевропейский язык является главным элементом самоидентификации басков, создана мифология собственной исключительности⁷⁹.

На протяжении всей своей истории данный регион был беспокойным. Это отразилось в восстаниях и активной борьбе с французами и испанцами за свою независимость.

⁷⁷ <http://slovari-online.ru/word/политический-словарь/сепаратизм.htm>

⁷⁸ Крылов А.Б. Сепаратизм: истоки и тенденции развития. – М: «Знание» 1990. – С. 42–46.

⁷⁹ http://rugrad.eu/communication/blogs/blog_Ginzburg/935/

История Чечни также представляет собой долгую борьбу за независимость. В разные периоды своего существования у народа были разные враги. Но обратившись к современной истории, мы можем увидеть, что только за период существования молодого государства Российская Федерация, мы увидели 2 жестоких чеченских войны. Уже в послевоенный период остается опасность человеческих жертв. Так как, несмотря на стабильные отношения политической элиты Чеченской Республики с федеральными властями, действуют террористические организации, борющиеся за независимость.

Существует религиозно-политическое движение, которое ведет активную деятельность по сецессии на территории Чечни – ваххабитизм. Задача ваххабитов – исламизация всего населения региона и установление на всей территории Северного Кавказа независимого исламского государства. Они делятся на две группы: реформаторы и радикалы⁸⁰.

Подводя итог, можно сказать что, если для Страны Басков характерно стремление элит к сецессии, тогда как население, как показали опросы, за сохранение существующего порядка, т. е. сохранение провинций в составе Испании, то для элиты Чеченской Республики характерно желание оставаться в составе Российской Федерации, в чем ее поддерживает население. Однако и в том, и в другом случае существуют радикально настроенные группы населения, стремящиеся к сецессии региона.

Оба региона представлены в Парламентах своих стран и обладают правом законодательства на своей территории.

Экономическое благополучие региона, а также наличие полезных ископаемых на территории играет свою роль в борьбе за создание независимого государства. Однако, этническая идентичность как фактор образования государства или стремления к обособлению является в век глобализации также весьма существенным фактором.

Сепаратистские настроения в этих регионах ведут многовековую историю вражды и ненависти к государству-захватчику.

В процессе сравнения методов, которые используют сепаратисты, мы видим использование как силовых, так и не силовых способов решения внутригосударственных конфликтов. Также можно сделать вывод, что деятельность борцов за независимость гораздо продуктивнее разворачивается именно в нормативно-правовом поле.

Список источников и литературы:

1. <http://slovari-online.ru/word/политический-словарь/сепаратизм.htm>.
2. Крылов А.Б. Сепаратизм: истоки и тенденции развития. – М.: «Знание» 1990. – С. 42–46.
3. http://rugrad.eu/communication/blogs/blog_Ginzburg/935/.
4. http://scepsis.ru/library/id_1121.html.

⁸⁰ http://scepsis.ru/library/id_1121.html.

Секция 5. ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Стеблинская А.О.

Политика интеграции в Германии и её результаты

В современном мире существует более 200 государств. Большинство из них с момента основания являются полиэтничными. Однако Германия – государство, которое традиционно строилось на основе гомогенного немецкого общества. В последние десятилетия в условиях глобализации значительно усилились миграционные потоки. Возникла необходимость интегрировать в общество огромные массы иммигрантов. Она нашла отражение в политике мультикультурализма.

Цель исследования – изучение политики мультикультурализма, выявление причин кризиса этой политики в ФРГ. Использованные методы – исторический, сравнительный, политический и социокультурный анализ.

Со 2-й половины XX в. иммиграция шла по нескольким направлениям: привлечение рабочей силы из-за рубежа и переселение семей рабочих; беженцы, получившие политическое убежище; переселенческие программы, направленные на возвращение этнических немцев и евреев на территорию Германии. Рекрутирование рабочей силы было необходимо для немецкой экономики, которая стала активно развиваться в этот период.

Руководство ФРГ, впусив в страну огромные массы наемных рабочих, рассчитывало на то, что это временное явление. Однако большинство рабочих оставались в стране. Немецкое общество, традиционно закрытое, не стремилось принимать эти группы населения.

В течение почти трех десятилетий немецкое общество и государство не интересовал вопрос интеграции. Давая иммигрантам право на въезд в страну, они не предоставляли им возможность встроиться в общество.

Однако в 80-е годы правительство озаботилось вопросом интеграции. В особенности проблему составляли иммигранты второго поколения, родившиеся и выросшие в Германии, но не включенные в её общество.

Стремление политической элиты решить проблему интеграции вылилось в применение политики мультикультурализма. Однако в ФРГ всегда существовали некоторые ассимиляционные элементы, такие как требование обязательного прохождения языковых и интеграционных курсов.

Все время применения политики мультикультурализма любые проявления нетерпимости в Германии методично подавлялись. Появление книги Тило Саррацина «Германия отменяется» изменило ситуацию. Оказалось, что терпимое немецкое общество поддерживает заявления, направленные против иммигрантов (70 % респондентов по данным опросов⁸¹). Нельзя сказать, что позиция коренного немецкого населения полностью совпадает с авторской. Саррацин в книге высказывался достаточно расистски и сгущал краски. В сложившейся ситуации на поверхности оказались ранее замалчиваемые проблемы, которые породил мультикультурализм.

В результате правительство, которое так и не смогло выработать механизма взаимодействия с иммигрантами, было вынуждено заявить о провале мультикультурализма. «Попытки построить мультикультурное общество в Германии, в котором представители различных культур будут «жить в полном согласии», полностью провалились», – такое заявление сделала канцлер ФРГ Ангела Меркель на встрече с молодежным крылом ее партии «Христианско-демократический союз Германии»⁸².

Таким образом, политика мультикультурализма в Германии стала частью достаточно непродуманной и запоздалой политики интеграции. Именно этот факт в сочетании с накопившимися за несколько десятилетий проблемами позволил властям ФРГ говорить о провале такой политики.

Список источников и литературы:

1. Бенхабиб Сейла. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ.; под ред. В.И. Иноземцева. – М.: Логос, 2003.
2. Власов Николай Анатольевич. Германия в начале XXI века: [учебное пособие] / Н.А. Власов; Санкт-Петербургский гос. ун-т, Фак. междунар. отношений. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. – 307 с.
3. Солоненко А. А. Государственная политика регулирования миграционных процессов в Европейском Союзе: диссертация на соискание ученой степени к. полит. н. – Казань, 2009.
4. Убальдо Виллани-Любелли: Преодоление мультикультурализма. «Россия и Европа. Проблемы демократии и сотрудничества». Информационно-аналитический бюллетень, № 4 (13).

⁸¹ Сергей Ромашенко. Опрос: 70 процентов немцев одобряют высказывания Тило Саррацина. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dw.de/dw/article/0,,5986162,00.html>, свободный. Проверено 25.02.2012.

⁸² А. Меркель: Попытки построить мультикультурное общество в Германии полностью провалились. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20101017070445.shtml>, свободный. Проверено 21.02.2012.

5. А. Меркель: Попытки построить мультикультурное общество в Германии полностью провалились. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20101017070445.shtml>, свободный. Проверено 21.02.2012.

6. Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://inliberty.ru/library/study/327/>, свободный. Проверено 21.02.2012.

7. Сергей Ромашенко. Опрос: 70 процентов немцев одобряют высказывания Тило Саррацина. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.dw.de/dw/article/0,,5986162,00.html>, свободный. Проверено 25.02.2012.

Мамаева П.А.

Болонский процесс: проблемы реформирования ЕС в сфере образования

В настоящее время в Европе происходит интеграция в сфере высшего образования, известная как Болонский процесс. Его цель – создание единого европейского пространства высшего образования. С целью реализации задач Болонского процесса, страны Европы проводят реформы, в ходе которых осуществляется модернизация высшего образования.

Программа действия реформ подразумевает введение общих принципов в системы высшего образования европейских стран. Это позволило создать до 2010 года структурно-организованную базу единого образовательного пространства. Болонский процесс можно рассматривать как процесс интеграции систем высшего образования европейских стран и усиления международного сотрудничества университетов. Однако данные реформы в сфере высшего европейского образования несколько неоднозначны и противоречивы [1]. Следствием этого являются масштабы поставленных задач Болонского процесса [2]. В связи с этим можно выделить основные сложности.

Первое – это недостаточно высокий уровень образования в отдельных европейских странах [3]. Второе – ограниченный список стран, участвующих в Болонском процессе, т. к. согласно Болонской декларации, государства, которые оказывают ненадлежащие и некачественные образовательные услуги, не могут имплементировать реформы в сфере высшего европейского образования. И третье – время, отведенное на получение научной степени. Трехгодичное обучение бакалавра не способно подготовить высококвалифицированного исследователя [4].

Двухступенчатая система образования (бакалавриат-магистратура) в некоторых европейских странах отличается по количеству лет учебы. Например, степень бакалавра студент получает в Великобритании после трех-, четырехлетних специализированных программ на дневном отделении университета или колледжа. В Дании бакалавр является первой степенью на университетском уровне. Срок обучения от 3 до 3,5 лет.

Таким образом, перед европейским сообществом стоит задача искоренить все неточности и сложности в реформировании высшего образования. Это можно сделать посредством расширения списка стран, которые смогут принять и ввести реформы Болонского процесса. Также стоит унифицировать критерии и правила, касаемо срока обучения как на бакалавриате, так и в магистратуре, а также докторантуре.

Список источников и литературы:

1. Байденко В.И. Болонские реформы: некоторые уроки Европы // Высшее образование сегодня. – 2004 г. – № 2. – С. 14–19.
2. Митева В. Болонский процесс: опыт европейских стран по введению многоуровневой системы высшего образования//Болонский процесс: проблемы и перспективы. Сборник статей. – М., 2006. – С. 140–147.
3. Bologna Declaration. URL: Bologna <http://ec.europa.eu/education/policies/educ/bologna/bologna.pdf>.
4. Sursock A. Ten years of Bologna: Threats and Opportunities for students// Science Journal. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sciencecareers.sciencemag.org/career_magazine/previous_issues/articles/2010_05_28/credit.a1000055.

Лаврентьева Н.С.

От стремления в единую Европу к «евроскептицизму» два шага

Значительное развитие интеграционного процесса в Европе произошло в конце XX – начале XXI вв. Евросоюз провёл беспрецедентное по своему масштабу и значению расширение на Восток. Сегодня Европейский Союз (далее ЕС) – это крупнейшее наднациональное объединение стран не только в Европе, но и во всём мире. В 2004 году Европейский Союз принял 10 новых государств, 8 из которых – Венгрия, Польша, Латвия, Литва, Эстония, Чехия, Словакия и Словения – страны Центральной и Восточной Европы.

Государства Центральной и Восточной Европы еще с конца 80-х годов прошлого столетия были заинтересованы в усилении связей и углублении сотрудничества с ЕС. Интеграция в Евросоюз позволила бы им завершить процесс системных преобразований, избавиться от отрицательных последствий коммунистического влияния, значительно поднять уровень жизни и продвинуться в демократизации государственной власти. И власти стран, и их население связывали с «возвратом в Европу» надежды на лучшую жизнь и искоренение негативных черт авторитарных и тоталитарных режимов⁸³.

⁸³ Язькова А. Юго-Восточная Европа: долгая дорога к евроинтеграции / А. Язькова // Международные отношения и мировая экономика. – Современная Европа. – 2006. – № 3. – С. 69–82.

Однако сразу было ясно, что присоединение центрально- и восточно-европейских стран приведет и к значительным переменам в их отношениях со странами-членами Европейского Союза. Стремление в «единую Европу» и большие надежды среди населения стран-кандидатов с каждым годом все больше и больше сменялись «евроскептицизмом». На протяжении 1990-х – начала 2000-х годов практически все правящие элиты стран ЦВЕ были единодушно ориентированы на скорейшую и эффективную интеграцию в ЕС. В период легитимизации договоров о вступлении в ЕС и первых лет «новой жизни» стран ЦВЕ в Европейском Союзе стали все больше нарастать негативные отношения к объединению. Так, например, показательными стали результаты национальных референдумов по вопросу о вступлении в Евросоюз. В некоторых странах явка на референдум, а, следовательно, и заинтересованность в общеевропейской политике была низкой. В Венгрии была зафиксирована наименьшая явка – 46 %. Референдум в этой стране признан состоявшимся, поскольку национальное законодательство не устанавливает обязательного кворума⁸⁴. Достаточно сильный и стабильный евроскептицизм можно до сих пор наблюдать в Чехии и Эстонии⁸⁵.

Условно пессимистическое отношение можно разделить на два уровня, два «шага»: влияние морально-этических и культурных различий стран ЦВЕ и ЕС и нереализованные ожидания значительного экономического роста. Расхождения в культурных ценностях европейского востока и запада до сих пор не преодолены. Жители Восточной Европы оказались не готовы принять и перенять свободный дух Европы Западной, со всеми его правами человека, свободами и однополыми браками. Вторых же пугает «отсталый» восток.

Но все же основной проблемой для ЕС в процессе интеграции являлось значительное отставание стран ЦВЕ в экономическом смысле. На первых этапах восточно-европейской интеграции выгоды от расширения были пока еще потенциальны, а прирост ресурсов сводился, в основном, только к людским⁸⁶. Приняв 8 новых членов, Европейский Союз увеличил свою территорию на 1/5, но зато прирост ВВП составил всего 6 %. Таким образом, расширение на восток стало крупнейшим по приросту территорий и населения, но наименьшим по экономическим показателям. После вступления же в ЕС, надежды граждан стран Центрально-Восточной Европы на скорое повышение уровня жизни и экономическое развитие не оправдались. А сейчас это недовольство только усиливается. В связи с экономическим кризисом у Евросоюза появилось еще больше проблем.

Итак, появление и нарастание «евроскептицизма» в странах Центрально-Восточной Европы на протяжении последних двух десятилетий обусловлено

⁸⁴ IMF WorldEconomicOutlook.

⁸⁵ Эхин П. Эстонский евроскептицизм: отражение внутренней политики? / П. Эхин // 2003. [Электронный ресурс] URL: <http://www.polit.ru:8021/article/2003/08/08/622680/>.

⁸⁶ Иванов И.Д. Расширение Евросоюза: сценарий, проблемы, последствия / И.Д. Иванов // Международные отношения и мировая экономика. – 1998. – № 9. – С. 22–33.

социально-экономическими, политическими и историческими причинами. На фоне экономического кризиса сейчас негативные отношения только углубляются. Восточная Европа с новой силой ратует за национальную идентичность и сохранение культурной самобытности. Сможет ли Евросоюз справиться с навалившимися на него заботами по усилению экономики, изменятся ли общественные настроения, покажет только время.

Список источников и литературы:

1. Глоссарий по расширению ЕС. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/enlargement/glossary/terms/europe-agreement_en.htm.
2. Enlargement, Press-releases [Электронный ресурс] URL: http://europa.eu/pol/enlarg/index_en.htm.
3. Бойцова В.В. Европейский Союз: расширение на восток / В.В. Бойцова, Л.В. Бойцова // *Общественные науки и современность*. – 2002. – № 2. – С. 78–87.
4. Борко Ю. Расширение и углубление европейской интеграции / Ю. Борко // *Международные отношения и мировая экономика*. – 2004. – № 7. – С. 15–29.
5. Гавриков Д. Европейский Союз как территория противоречий / Д. Гавриков // *Международные отношения и мировая экономика*. – 2004. – № 12. – С. 88–95.
6. Глинкина С. Расширение ЕС на Восток: плюсы и минусы / С. Глинкина // *Экономика России: XXI век*. – 2005. – № 17. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ieras.ru/journal/journal3.2001/6.htm>.
7. Тарасов И. Европейское единство: испытание востоком / *Международные процессы*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.intertrends.ru/thirteen/006.htm>.
8. Эхин П. Эстонский евроскептицизм: отражение внутренней политики? / П. Эхин // 2003. [Электронный ресурс] URL: <http://www.polit.ru:8021/article/2003/08/08/622680/>.
9. Иванов И.Д. Расширение Евросоюза: сценарий, проблемы, последствия / И.Д. Иванов // *Международные отношения и мировая экономика*. – 1998. – № 9. – С. 22–33.
10. Язькова А. Юго-Восточная Европа: долгая дорога к евроинтеграции / А. Язькова // *Международные отношения и мировая экономика*. – Современная Европа. – 2006. – № 3. – С. 69–82.

Егошина Е.Г.

Роль международных межправительственных организаций в развитии социально-политической активности молодежи

Тенденции развития современного общества показывают, что наиболее перспективным ресурсом для любого государства является человеческий капитал. При этом необходимо осознавать важность роли молодых гражд-

дан и их социально-политической активности в реализации государственной политики на всех уровнях власти, поскольку именно молодежь является основным носителем инновационного потенциала.

Решающая роль молодых людей в инновационном развитии признается не только на национальном уровне, но и в работе международных институтов: Организации объединенных наций (ООН), Совета Европы, Европейского союза (ЕС) – каждый из них имеет отдельные структурные подразделения, ответственные за реализацию молодежной политики.

Наиболее значимым документом ООН в сфере поддержки молодых граждан является «Всемирная программа действий, касающаяся молодежи» (2000 г.), в которой признается основополагающая роль молодежи как главной движущей силы социального прогресса и экономического развития. В Докладе о мировом развитии 2007 Всемирного банка развивается идея активного участия молодых граждан, а также обуславливается необходимость создания единой платформы действий в интересах молодежи, которая должна включать в себя все направления государственной политики; осуществление молодежной политики на основе партнерства; а также систематическое проведение оценки программ и мер политики, ориентированной на молодежь.

Деятельность ООН в сфере молодежной политики включает создание условий для активного участия молодых граждан в реализации национальных и мировых стратегий для достижения целей Декларации тысячелетия (борьба с нищетой и голодом, сокращение детской смертности, обеспечение экологической устойчивости и проч.); социальную поддержку молодежи и ее вовлечение в добровольческую деятельность; проведение семинаров и встреч, посвященных проблемам молодых людей.

Цель Совета Европы в области молодежной политики заключается в предоставлении возможностей для молодых людей быть активными как в социальном, так и в трудовом плане. То есть акцентируется значимость активного участия молодежи в жизни общества и государства, а также в самореализации и построении собственного будущего. Концепция молодежной политики Совета Европы состоит из 5 С⁸⁷:

- Coverage (сфера воздействия – географические и социальные группы);
- Capacity (роль и взаимоотношения государства и молодежных НКО);
- Competence (компетенции – обучение и квалификация);
- Co-operation, co-ordination and coherence (вертикальные и горизонтальные связи: сотрудничество, согласованность, слаженность действий);
- Cost (необходимые финансовые и человеческие ресурсы).

Также Советом Европы молодым людям отведена ведущая роль в развитии межкультурного и межпоколенческого диалога. Это было обозначено в плане действий Совета Европы в развитии молодежной политики до

⁸⁷ Supporting young people in Europe: principles, policy and practice, Council of Europe, 2002. – С. 35.

2020 г. («Повестка 2020», или Киевская декларация), принятого в 2008 г. в рамках 8-й конференции министров, ответственных за молодежную политику, стран-членов Совета Европы. В данном документе были определены три ключевых приоритета молодежной политики в Европе⁸⁸:

- Соблюдение прав человека и развитие демократии;
- Межкультурный диалог и социо-культурное разнообразие;
- Социальная интеграция молодежи.

Успешная реализация «Повестки 2020» требует соблюдения принципов концепции молодежной политики, а в первую очередь – сотрудничества, согласованности и слаженности совместных действий государства и молодежи.

Основные направления реализации молодежной политики в ЕС были сформулированы на основе Белой книги «Новые стимулы для молодежи Европы» (2001 г.) и дополнены Европейским молодежным пактом (2005 г.):

- Развитие активной гражданской ответственности у молодежи;
- Социальная и профессиональная интеграция;
- Тесное взаимодействие различных структур для решения проблем молодежи.

На повышение активности молодых граждан направлена реализация программы ЕС «Молодежь в действии» в период с 2007 по 2013 гг.

В статье были рассмотрены основные направления реализации молодежной политики трех международных институтов – ООН, Совета Европы и ЕС. Основываясь на проведенном анализе, можно утверждать, что основополагающим фактором европейской молодежной политики является формирование партнерских отношений государства и молодых граждан. Именно этим отличается европейская модель молодежной политики от англосаксонской, где основными акторами являются молодежные НКО при отсутствии системного участия государства.

Список источников и литературы:

1. Social Policy and Development Division of the United Nations. Youth. – URL: <http://social.un.org/index/Youth.aspx>.
2. Supporting young people in Europe: principles, policy and practice, Council of Europe, 2002.
3. The Youth Department of the Directorate of Democratic Citizenship and Participation of the Council of Europe. – URL: http://www.coe.int/t/dg4/youth/default_en.asp.
4. The European Commission's Education and Culture Directorate-General. – URL: http://ec.europa.eu/youth/index_en.htm.
5. Харченко В.В. Международный опыт реализации молодежной политики: Изд. 1-е. – М.: Фонд содействия развитию международного сотрудничества, 2009. – 104 с.

⁸⁸ Харченко В.В. Международный опыт реализации молодежной политики: Изд. 1-е. – М.: Фонд содействия развитию международного сотрудничества, 2009. – С. 18.

Секция 6. ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Вагизов Р.Р.

Формирование и развитие профессиональной карьеры государственного служащего при получении им профильного образования

На сегодняшний день для специалистов в сфере государственного менеджмента очевиден факт недостаточного количества квалифицированных кадров в сфере государственного и муниципального управления. Большинство чиновников, работающих на данный момент в государственном аппарате, не имеют специализированного высшего образования⁸⁹.

Далеко не все студенты, получившие образование по специальности «Государственное и муниципальное управление», в дальнейшем связывают свою судьбу с работой по профильному образованию. Известно, что на данный момент число выпускников, работающих по специальности, крайне не значительно, в процентном соотношении – около 10 %⁹⁰. Почему человек, потративший пять лет своей жизни на изучение предметов, составляющих основу компетенций государственных и муниципальных служащих, после получения диплома не связывает свою деятельность с полученным образованием? Какие факторы влияют на решение человека? Кто, как правило, замещает должности государственной службы?

На основании аналитического исследования электронного архива анкет кандидатов, поступающих на муниципальную службу⁹¹, было выяснено,

⁸⁹ См.: Лотова И.П. Профессиональная карьера государственных служащих: теория, методология, практика. – М., 2008.

⁹⁰ Анкетирование студентов 1–5 курсов специальности «Государственное и муниципальное управление» Пермского государственного университета // Из личного архива автора (февраль – март 2011).

⁹¹ Электронный архив анкет кандидатов, поступающих на муниципальную службу г. Перми в 2011 году // Из архива Управления муниципальной службы и кадров Администрации г. Перми.

что лишь небольшая часть работающих в сфере местного самоуправления руководствовалась желанием усовершенствовать общественное благополучие г. Перми. Очевидно, что для реализации эффективного управления этот фактор должен быть основным при поступлении на государственную или муниципальную службу. К сожалению, большинство претендентов стремятся занять должности в административном аппарате г. Перми от безысходности, невозможности найти более подходящий вариант.

За 2011 год было подано 50 заявлений. Из них 44 человека имеют высшее образование, в том числе, 27 – квалификацию менеджера в сфере государственного и муниципального управления, 2 человека – незаконченное высшее, 4 – среднее. Что касается выпускников пермских вузов, 2 заявления было подано выпускниками ПГНИУ, 10 – ПНИПУ. Ясно, что почти половина кандидатов не имеет специализированного высшего образования. Приток претендентов, закончивших высшие учебные заведения г. Перми, осуществляющие подготовку кадров по специальности «Государственное и муниципальное управление», незначительный. Приходится признать, что, по крайней мере, органы местного самоуправления не пользуются особым спросом и интересом со стороны потенциальных работников, подготовленных пермскими вузами. Насколько эффективна в таком случае система подготовки студентов по специальности «Государственное и муниципальное управление» в целом?

На данный момент система высшего профессионального образования по специальности «Государственное и муниципальное управление» находится на начальном этапе своего развития. Об этом можно судить по кардинально изменяющимся каждый год учебным планам⁹². В итоге мы получаем ситуацию, при которой студенты одной специальности одного вуза, обучающиеся с разрывом в два года, изучают разные предметы в различных объёмах.

В соответствии с результатами опроса, проведённого в 2011 году⁹³, далеко не все студенты сознательно выбрали данную специальность. Очевидно, что в возрасте 17–18 лет человек не может безошибочно определить, чему он хочет посвятить свою профессиональную карьеру. Зачастую обучение в университете либо может вызвать желание работать по специальности, либо же отбить интерес такого рода раз и навсегда.

На современном этапе наиболее правильным представляется, что изучение специальных предметов, напрямую связанных со сферой государственного и муниципального управления, должно накладываться на соответствующую базу, состоящую из основательной профессиональной подготовки по дисциплинам юридического и экономического цикла.

⁹² См.: Учебные планы 1–5 курсов специальности «Государственное и муниципальное управление» Пермского государственного национального исследовательского университета // Из архива кафедры государственного и муниципального управления ПГНИУ.

⁹³ Анкетирование студентов 1–5 курсов специальности «Государственное и муниципальное управление» Пермского государственного университета // Из личного архива автора (февраль – март 2011).

С 2011 года в соответствии с ФГОС ВПО III поколения в ПГНИУ появились два направления подготовки по специальности ГМУ – бакалавриат и магистратура. Именно при обучении на бакалавриате должна закладываться основа (юридические и экономические дисциплины), в магистратуре – подготовка по специальным предметам⁹⁴. К сожалению, приходится признать, что четкая организация данного процесса отсутствует. В связи с этим выпускник специальности «Государственное и муниципальное управление» получает лишь приблизительное представление о правовых и экономических составляющих профессионального образования.

Отчасти проблемы, непосредственно связанные с качеством и содержанием подготовки, может решить система «обратной связи» между студентами и ректоратом. Однако она не должна носить номинальный, бюрократичный характер. Студент в данной системе не должен бояться обращаться с предложениями к руководству, он должен быть уверен, что его мнение небезразлично.

Для усовершенствования текущей системы образования, на наш взгляд, необходимо ввести практику «круглых столов» с действующими управленцами. Процедура таких мероприятий видится следующим образом: выбирается определённая тема для обсуждения, приглашается чиновник, компетентный в данной области, проводится обсуждение интересующих вопросов и проблем.

Главная цель этой работы будет выполнена, если она заставит задуматься о поднимаемых в ней вопросах хотя бы одного человека, так или иначе связанного с организацией учебного процесса по специальности «Государственное и муниципальное управление» и подготовки чиновников в целом. Остается надеяться, что рано или поздно в нашей стране появится рациональная и всесторонняя система подготовки государственных служащих.

Список источников и литературы:

1. Анкетирование студентов 1–5 курсов специальности «Государственное и муниципальное управление» Пермского государственного университета // Из личного архива автора (февраль – март 2011).
2. Лотова И.П. Профессиональная карьера государственных служащих: теория, методология, практика. – М., 2008.

⁹⁴ См.: Федеральный Государственный Образовательный Стандарт Высшего Профессионального Образования по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление» (квалификация (степень) «бакалавр») // Министерство образования и науки РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_11/prm41-1.pdf (дата обращения 08.03.12); Федеральный Государственный Образовательный Стандарт Высшего Профессионального Образования по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление» (квалификация (степень) «магистр») // Министерство образования и науки РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_10/prm123-1.pdf (дата обращения: 08.03.2012).

3. Учебные планы 1–5 курсов специальности «Государственное и муниципальное управление» Пермского государственного национального исследовательского университета // Из архива кафедры государственного и муниципального управления ПГНИУ.

4. Федеральный Государственный Образовательный Стандарт Высшего Профессионального Образования по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление» (квалификация (степень) «бакалавр») // Министерство образования и науки РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_11/prm41-1.pdf (дата обращения 08.03.12).

5. Федеральный Государственный Образовательный Стандарт Высшего Профессионального Образования по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление» (квалификация (степень) «магистр») // Министерство образования и науки РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_10/prm123-1.pdf (дата обращения: 08.03.2012).

Плотников А.Н.

Повторная преступность: факторы влияния и способы минимизации

Повторная преступность составляет около 50 % в удельном весе всех правонарушений в США, 45 % в Великобритании, 35 % в РФ. Снижение уровня повторной преступности, таким образом, может значительно повлиять на общий уровень преступности.

Повторная преступность – область, в которой государство несет повышенную ответственность, имеет больше возможностей для воздействия на нее.

На сегодняшний день Пермский край входит в десятку наиболее криминогенных субъектов РФ. 11,7 преступлений совершается на территории Пермского края за полугодие. В Москве – 7,3, а в Пензенской области, находящейся внизу рейтинга, например, – 5,8. Уровень преступности в Пермском крае выше, чем в регионах-конкурентах. (статистика за 2010 г.). Такое положение не может не отражаться на имидже региона.

Модальная возрастная группа в числе рецидивистов в Пермском крае – 30-49 лет. Это возраст, когда человек твердо занимает определенное положение в обществе, жизнь его к этому времени должна быть обустроенной. Попав в трудную жизненную ситуацию эти люди, не находя работы, могут совершить преступление вновь и окончательно порвать связи с обществом. Между тем они являются трудовыми ресурсами в тех видах деятельности, которые не востребованы. Эти люди, как правило, не имеют психических заболеваний, зависимости проявляются в меньшинстве случаев (алко- и наркозависимые получают помощь общественных организаций). Объяснением

такой ситуации может служить так же и то, что другие группы охвачены различными программами (воспитанники детдомов, находящиеся в социально опасном положении дети). Отсутствие работы не оставляет им выбора.

Проблема носит комплексный характер и задействует разные органы исполнительной власти края. Люди, выходящие из мест лишения свободы, с точки зрения Минсоца, являются людьми, оказавшимися в сложной жизненной ситуации, а с точки зрения Минобщбеза, субъекты преступности, потенциально опасные граждане.

В Пермском крае применяется клиент-дифференцированная модель ресоциализации лиц, вышедших из мест лишения свободы, оказание им всесторонней помощи.

Психологическая помощь, юридическая помощь, социально-педагогическая и, наконец, помощь в занятости. Психологическая и юридическая помощь оказываются в виде индивидуальных консультаций. Все это осуществляется Службами сопровождения (частные организации). Как видно, определенного приоритета нет, все механизмы социализации используются, тогда как отсутствие средств к существованию является наиболее частой проблемой.

Точка зрения автора состоит в том, что занятость, исходя из статистических данных, является главным фактором влияния на повторную преступность. Целью работы является разработка механизма ресоциализации вышедших из мест лишения свободы граждан, исходя из факторов влияния и принимая во внимание международный и российский опыт.

Семериков М.А.

Государственная программа содействия добровольному переселению соотечественников: ход реализации и перспективы

В постсоветский период особую роль в политическом процессе Российской Федерации приобрела миграция. С одной стороны, тяжелый демографический кризис внутри страны, а с другой – массовая иммиграция с постсоветского пространства сформировали новую политико-демографическую реальность. Можно с уверенностью говорить о том, что изучение миграционной политики занимает все более значительное место в современной отечественной политологии. Политическая миграциология становится самостоятельной отраслью политической науки. При этом от государственной политики по отношению к соотечественникам и ее эффективности во многом зависит масштаб иммиграции этой категории населения. Соответственно, изучение всего спектра правовых, политических, социальных, этнодемографических проблем, связанных с процессом

иммиграции соотечественников, приобретает особую актуальность. Важнейшее место в области государственной политики по отношению к соотечественникам занимает сегодня «Программа содействия добровольному переселению соотечественников». Именно анализу ее реализации, результатам и перспективам посвящено данное исследование.

В первые постсоветские годы Россия оказалась не готова к начавшейся массовой иммиграции с пространства СНГ, что выразилось не только в отсутствии продуманной государственной политики в этом направлении, но и элементарном «пробеле» в миграционном законодательстве^{95, 96}, вплоть до отсутствия четкого юридического понимания термина «соотечественник». Резкое сокращение миграционного притока из стран СНГ, обострение демографического кризиса и изменение приоритетов государственной внешней политики, осознание ценности соотечественников как политического и демографического ресурса заставили Россию изменить свою политику в этом направлении, что выразилось, в частности, в принятии законов 1999 и 2000 годов. Тем не менее, в начале 2000-х гг. ситуация с иммиграцией соотечественников мало чем отличалась от предшествующего десятилетия, спонтанность и хаотичность в действиях власти сохранялась.

Результатом дискуссий по проблеме и намерений государства по улучшению демографии с помощью, в том числе, привлечения соотечественников стало подписание 26 июня 2006 года Президентом РФ В.В. Путиным указа о принятии «Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»⁹⁷. Итак, основными целями Государственной программы разработанной по инициативе Президента Российской Федерации В.В. Путина, являются стимулирование и организация процесса добровольного переселения соотечественников в Россию, компенсация естественной убыли населения в стране в целом и в ее отдельных регионах за счет привлечения переселенцев на постоянное место жительства в Российскую Федерацию. Для их достижения предполагалось в ходе реализации программы решить следующие задачи⁹⁸:

- сокращение дефицита трудовых ресурсов;
- улучшение демографической ситуации;
- увеличение числа высококвалифицированных специалистов;

⁹⁵ Мукомель В. И. Миграционный потенциал и перспективы иммиграции соотечественников из государств СНГ и Балтии. 2001. URL: <http://www.indem.ru/PUBLICATION/mukomel/Potennmig.htm> (дата обращения 10. 06. 2011).

⁹⁶ Репатриация как форма регулируемой миграции. 2003. URL: <http://www.materik.ru/institute/events/seminar/detail.php?ID=4832> (дата обращения 21. 12. 2011).

⁹⁷ Кириллова Е.К. Государственная программа по переселению соотечественников: преемственность и некоторые итоги. Научные труды ИНИ РАН. 2009. – С. 566. URL: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/kor09/24> (дата обращения 10. 06. 2011).

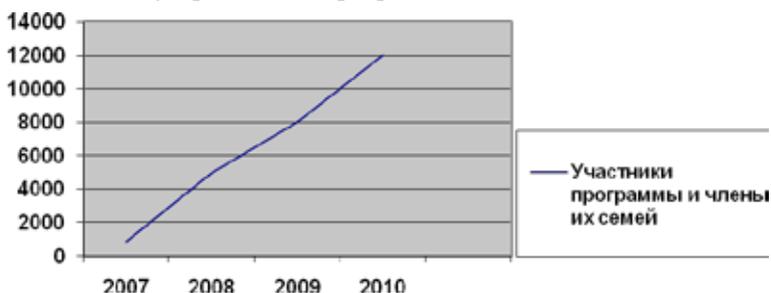
⁹⁸ URL: <http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/index.php> (дата обращения 10. 06. 2011).

- заселение территории субъекта Российской Федерации;
- увеличение миграционного притока населения в субъект Российской Федерации;
- закрепление переселенцев в субъекте Российской Федерации и обеспечение их социально.

Программой предусматривалось достижение поставленных целей через предоставление потенциальным иммигрантам ряда льгот: материальной поддержки, упрощения регистрации и ряда других⁹⁹. Анализ статистических данных мониторинга реализации Программы и некоторых иных источников позволяет говорить о фактическом провале программы на первом этапе. Так, на первом этапе действия Программы предполагалось принять более 250 тыс.¹⁰⁰ соотечественников, в реальности приехало лишь немногим более 5 %¹⁰¹ от этой цифры. В то же время, весь миграционный потенциал лишь одного региона Центральной Азии эксперты оценивали более чем в 1,3 млн человек.

По итогам первых лет действия Программы в нее был внесен ряд изменений, что несколько улучшило динамику иммиграции соотечественников. Это подтверждают мониторинги реализации программы за 2011 год. Это новейшие статистические материалы, ранее не использовавшиеся в исследованиях. Изменение численности соотечественников, воспользовавшихся Программой, продемонстрировано на графике 1.

График 1. Динамика изменения численности соотечественников, воспользовавшихся Государственной программой в 2007-2011 гг., тыс. человек

⁹⁹ Памятка соотечественнику, желающему принять участие в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. URL: <http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/files/pamatka.pdf> (дата обращения 10. 06. 2011).

¹⁰⁰ Кириллова Е.К. Государственная программа по переселению соотечественников: преемственность и некоторые итоги. Научные труды ИНИП РАН. 2009. – С. 571. URL: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/kor09/24> (дата обращения 10. 06. 2011).

¹⁰¹ Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения в 2007–2009 годах. URL: <http://www.back2russia.ru/montoring/monitoring.pdf> (дата обращения 10. 06. 2011).

Эти изменения последних лет были связаны с рядом административных решений. Во-первых, была значительно расширена география Государственной программы. Во-вторых, в соответствии с указом Президента РФ от 12 января 2010 г. № 60 предусматривалось улучшение информационного сопровождения Программы. Кроме того, предполагалась оптимизация системы учета желающих переселиться в РФ. Анкеты на участие в Программе теперь можно было подавать и в органы ФМС, находящиеся в России. В-третьих, свое влияние на процесс переселения соотечественников оказал и экономический кризис, который начался в 2008 году.

Таким образом, устранение лишь некоторых очевидных недостатков Государственной программы переселения соотечественников позволило значительно увеличить результативность Программы. При этом на повышение интенсивности иммиграции не повлияло даже резкое сокращение финансирования – в 4 раза¹⁰². В целом, можно отметить, что на начальном этапе Программа провалилась. Определенный потенциал у нее, тем не менее, имеется, что демонстрирует положительная динамика количества участников Программы в 2007–2011 гг. Необходима дальнейшая модернизация законодательства, связанного с иммиграцией соотечественников, устранение препятствующих этому процессу факторов.

Список источников и литературы:

1. Крамаренко М. Об отдельных аспектах российской программы переселения соотечественников. Взгляд из Казахстана. URL: <http://www.remigrant.de/content/view/42/21/>.

2. Кириллова Е.К. Государственная программа по переселению соотечественников: преемственность и некоторые итоги. Научные труды ИНИП РАН. 2009. – С. 566. URL: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/kor09/24> (дата обращения 10.06.2011).

3. Космарская Н.М. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги. – М., 2006. – С. 62.

4. Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения в 2007–2009 годах. URL: <http://www.back2russia.ru/montoring/monitoring.pdf> (дата обращения 10.06.2011).

5. Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию со-

¹⁰² Кириллова Е.К. Государственная программа по переселению соотечественников: преемственность и некоторые итоги. Научные труды ИНИП РАН. 2009. – С. 573. URL: <http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/kor09/24> (дата обращения 10. 06. 2011).

отечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения в I квартале 2011 года. URL: <http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/files/monitoring.pdf> (дата обращения 10.06.2011).

6. Мукомель В. И. Миграционный потенциал и перспективы иммиграции соотечественников из государств СНГ и Балтии. 2001. URL: <http://www.indem.ru/PUBLICATION/mukomel/Potemmig.htm> (дата обращения 10.06.2011).

7. Памятка соотечественнику, желающему принять участие в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. URL: <http://www.fms.gov.ru/programs/fmsuds/files/pamatka.pdf> (дата обращения 10.06.2011).

8. Репатриация как форма регулируемой миграции. 2003. URL: <http://www.materik.ru/institute/events/seminar/detail.php?ID=4832> (дата обращения 10.06.2011).

Якимова М.Н.

Об уровне развития проектного управления в исполнительных органах государственной власти Пермского края

Рост масштабов применения проектных технологий в органах власти Пермского края вызывает огромный интерес к изучению данной проблематики. В ИОГВ субъекта накоплен не только богатый опыт реализации проектов, но и формируется проектная культура. В связи с этим возникает вопрос: как оценить уровень развития проектного управления, понять, какие успехи достигнуты сегодня и какие препятствия существуют для его дальнейшего развития в будущем?

Известным американским институтом PMI разработан Стандарт РМВОК по управлению проектами¹⁰³. Он дает описание того, как должна быть организована система управления проектами, исходя из того, что весь процесс управления проектом состоит из 5 групп взаимосвязанных процессов. Изучение этих процессов, изучение того, насколько в ИОГВ Пермского края применяются «базовые» инструменты управления ими, и позволило сформировать представление о том, насколько эффективно и успешно осуществляется проектное управление в целом. На основе Стандарта, а также других источников была разработана

¹⁰³ Руководство к Своду знаний по управлению проектами (Руководство РМВОК) [Электронный ресурс] // Из личного архива автора.

анкета для руководителей (администраторов) проектов ИОГВ субъекта, проведен соцопрос.

По его итогам выяснилось, что в органах государственной власти Пермского края разработана основа нормативно-правового регулирования управления проектами¹⁰⁴, внедрен и начинает использоваться Проектный сервер, проводилось обучение госслужащих проектному управлению, использованию MS OfficeProject, Проектного сервера.

По итогам анкетирования также удалось установить, что самой развитой группой процессов управления проектами является группа процессов планирования. Но в этой сфере, как подчеркивают эксперты, слабо развита работа с рисками. «Тот, кто хочет и может – делает это для себя. Отслеживание рисков – интерес руководителей и кураторов проекта. Если им нужно, то будут рекомендации, если нет – нет. Решение о применении на практике рекомендаций тоже зависит от руководителя»¹⁰⁵.

Относительно высокий уровень развития, как считают респонденты, имеют процессы завершения проектов. Большим достижением является создание архива проектов. Но, как показали экспертные интервью, у данной группы процессов есть и некоторые «проблемные зоны». Так, например, необходимо создать и использовать систему статистического учета проектов, т.к. по-прежнему невозможно оценить в цифрах динамику проектной деятельности, соотношение успешно и неуспешно реализованных проектов и др.

Недостаточно развиты и процедуры управления проектами. В том числе, как отмечают некоторые исследователи, это проявляется в усложнении, дублировании управленческих функций.

Группа процессов инициации проекта, как показало исследование, также развита недостаточно в сравнении с «идеалом» Стандарта РМВОК и рекомендациями некоторых специалистов в сфере проектного управления. Главным образом, выявлена недостаточная взаимосвязь стратегического и проектного менеджмента. Разумеется, имеется ряд документов, устанавливающих зависимость цели проекта от цели социально-экономического развития субъекта. Но, это характерно для большинства проектов, а не для всех. Более того, установлены конкретные случаи несоответствия целей проектов стратегическим планам развития Пермского края. Недостаточ-

¹⁰⁴ См., например, Методика оценки реализации проектов функционально-целевыми блоками (функциональными блоками) в 2011 году. [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. // Из текущего архива Аппарата Правительства Пермского края; Об оформлении проектов [Электронный ресурс]: распоряжение Губернатора Пермского края от 14 марта 2007 г. № 23-р. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс: Регионы»; 10. О целях, задачах и целевых показателях деятельности Правительства Пермского края на 2007-2012 годы [Электронный ресурс]: указ Губернатора Пермского края от 25 июля 2007 г. № 55. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс: Регионы».

¹⁰⁵ Экспертное интервью № 1 от 12.02.2010 // Из личного архива авторов/.

ная взаимосвязь стратегического и проектного менеджмента может быть обусловлена отсутствием формализованных критериев отбора, процедуры инициации проектов.

Меньше всех, в сравнении с уровнем Стандарта РМВОК, развита группа процессов исполнения проекта. Из-за специфики организационной структуры органов власти в команду проекта невозможно привлечь только на период реализации проекта сотрудников из различных структурных подразделений, которые бы в большей степени по своим личностным и профессиональным качествам соответствовали ролям и позициям, необходимым ей. В основном, подбор проектных команд «ограничен» составом отделов, т. к. реализация проектов осуществляется в ходе исполнения должностных обязанностей госслужащих.

Окончательно не сформирована и методология управления проектами. Частично некоторые документы «определяют» её, но до сих пор отсутствуют методика управления проектами, нормативные правовые акты, раскрывающие принципы проектного управления и т. п.

Отдельно следует сказать и об отношении самих госслужащих к использованию проектного управления. Согласно личным наблюдениям, экспертным интервью приблизительно около 85 % госслужащих не воспринимают и не хотят использовать «базовые» инструменты проектного управления (календарное планирование в MSProject, недельное планирование и отчетность). Но мы знаем, что высшее руководство все-таки понимает преимущества применения проектного подхода в органах власти, а это, по мнению международных специалистов по проектному управлению, является одним из «двигателей» его развития¹⁰⁶.

В целом, проведенное исследование отразило низкий в сравнении с «идеалом» Стандарта РМВОК уровень развития процессов управления проектами в ИОГВ Пермского края. Тем не менее, мы должны понимать, что невысокая степень развития проектного управления в органах власти субъекта обусловлена малым опытом использования проектных технологий в госуправлении вообще, а также отсутствием методологической поддержки внедрения этого инструмента со стороны федерального центра. Поэтому, сама возможность оценивать уровень развития проектного управления в органах власти международным стандартом, сравнивать его с РМВОК уже является определенным достижением. В ИОГВ субъекта сформировано видение должного состояния системы проектного управления, а также намечены перспективы повышения эффективности использования проектного подхода.

¹⁰⁶ См., например, Грей К. Ф., Ларсон Э. У. Управление проектами: практическое руководство / М., 2003.

Формирование гражданского сознания у российской молодежи

На современном этапе развития России можно констатировать рост влияния общественного, в первую очередь, политического сознания на социальные процессы. С начала 1990-х годов в России коренным образом изменилась социально-политическая система. В сознание россиян вошли демократические идеи, появились новые виды деятельности, жизненные стратегии и ценности. Изменения затронули все сферы российского общества: политические представления, социально-экономические основания и образ жизни миллионов людей. Особенно это касается молодого человека – будущего России, которому приходится делать выбор индивидуальных жизненных позиций, адекватных для себя профессиональных и духовных убеждений, и определять для себя ценности жизни. Актуальность темы обусловлена тем, что в среде студентов-исследователей, политических лидеров, представителей общественности, в средствах массовой информации идет дискуссия по вопросам формирования гражданского сознания молодежи и ее решающей роли в инновационном развитии государства. Политическая элита России постоянно акцентируют внимание общественности на взаимодействии государственных органов власти со структурами гражданского общества, религиозными объединениями в сфере духовно-нравственного развития и гражданского образования молодежи, что, по мнению автора, требует научного изучения.

В связи с глобализацией и переходом к информационному обществу, необходимость непрерывного образования, а также ценность знания повышают важность активного вовлечения молодежи в процессы принятия и реализации решений на всех уровнях. Ряд социологов и политологов считают, что выход России на новые траектории развития невозможен без массового вовлечения представителей молодого поколения в инновационные процессы во всех сферах общественной жизни.

Молодежь является важнейшим ресурсом развития любого государства. Это неоспоримо, поэтому уровень развития ее гражданского сознания, патриотизма, ответственности за судьбы страны напрямую влияет на консолидацию общества, социально-политическую стабильность государства. Автор считает, что молодежь и ее ценностные ориентиры всегда находятся в фокусе внимания заинтересованных групп. Большинство государств уделяет повышенное внимание молодежи, формированию ее ценностей, гражданской позиции, адекватных общественным потребностям и запросам существующей политической системы, контролируя процесс социализации.

Поколение, рожденное в конце 70-х – начале 80-х гг. XX века, становление которого прошло в период сложных 90-х гг., пока не достаточно изучено с научной точки зрения. В исследовании нуждается система ценностей, приоритетов, политических и гражданских позиций современной российской молодежи. Очевидно, что сегодня большей части молодежи свойственно острое чувство неудовлетворенности жизнью, о чем ярко свидетельствует предвыборная обстановка в России.

Массовые молодежные акции протеста в зарубежных странах явились для российской власти показателями, которые ясно продемонстрировали опасность перерастания молодежной протестной энергии в мощный фактор дестабилизации социально-политической системы. С целью недопущения подобной ситуации российское правительство ускорило процесс создания молодежных общественно-политических организаций, таких как «Наши» и «Молодая гвардия». Эти организации решают задачи создания резерва новых кадров для руководства страной, привлечения молодежи с активной гражданской позицией к социально-политической деятельности молодого гражданина и др. Однако эксперты, исследователи данной тематики справедливо утверждают, что качественная составляющая подобных организаций оставляет желать лучшего. Ситуации свидетельствуют о том, что подобные организации не в полной мере справились с поставленными задачами по формированию гражданского сознания российской молодежи. Это требует дальнейшего научного поиска, целенаправленных исследований, особенно выявления эффективных практико-ориентированных технологий работы с молодежью. Процесс осложнен тем, что ранее предлагаемые технологии по формированию гражданского сознания молодежи опирались на национальную идею СССР, встраивались в четкую структуру государственной молодежной политики. Формирование гражданского сознания молодежи, используемое в современной России, в большей части не является эффективными, что во многом обусловлено, наряду с другими факторами, а также несформированностью национальной идеи.

Молодежная политика может внести существенный вклад и в преодоление демографического кризиса, и в обеспечение инновационных подходов в экономике, политике, а также в укрепление гражданского общества. Необходимым условием эффективного развития России является внимание к проблемам, волнующим в настоящее время молодежь.

Очень важно, чтобы молодежь была привержена традициям российского народа, знала и уважала историю своей страны, воспитывалась в духе толерантного отношения к тем культурным, религиозным, национальным ценностям, которые в своей совокупности позволяют говорить о едином российском народе.

Список источников и литературы:

1. Бабочкин П.И. Молодежная политика и становление нового поколения.
2. «Молодая гвардия» «Единой России». Молодежное отделение партии «Единая Россия».
3. Федеральная целевая программа «Молодежь России (1998-2000 годы)»: Постановление Правительства Российской Федерации от 18 июня 1997 г. № 746 // СЗ РФ. 1997. – № 26. – ст. 3863.
4. Патриарх Кирилл считает, что молодежь должна стать «передовым отрядом Церкви» // 19 февраля 2009 // <http://jesuschrist.ru/news/2009/2/19/15613>.
5. Cutler D., Frost R. Taking the Initiative: Promoting Young People's Involvement in Public Decision Making in the UK. London, – 2001.

Падерина Д.С.

Женские организации: электоральная поддержка власти или новый политический игрок?

Современная политическая ситуация в России позволяет нам делать предположения о расширении поля публичной политики, появления на нем новых игроков. Этому способствует разрабатывающийся закон о политических партиях, отмена сбора подписей и другие намечающиеся реформы.

Поэтому вопрос о выходе женских организаций «из-за кулис» отнюдь не кажется странным или несвоевременным. Обратим внимание на несколько фактов: на 47,0 % мужского населения приходится 53,0 % женского, или на 1000 женщин – 885 мужчин. Доминирование женского населения наблюдается в 84 регионах Российской Федерации, при этом средняя продолжительность жизни мужчин – 58,5 лет, а женщин – 72 года¹⁰⁷. По данным Госкомстата РФ, высшее и среднее профессиональное образование имеют 46% работающих женщин и только 34 % работающих мужчин¹⁰⁸. По данным Международной организации труда (МОТ), экономическая активность женщин на российском рынке труда за последние пять лет выросла с 51,3 % до 52,5 %, а активность мужчин несколько снизилась – с 79,5 % до 76,2 %¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Тулузакова М. В. Социально-политические движения и инициативы женщин в политическом развитии современной России. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dissert.ru/contents/208070.html>.

¹⁰⁸ Шокин Ю.П., Абрамочкин А. Менеджмент женского персонала: опыт последнего десятилетия. [Электронный ресурс] URL: <http://www.top-personal.ru/issue.html?1881>.

¹⁰⁹ Там же.

Положительная динамика роста активности женщин и высокой роли женского движения в истории России позволяют говорить о возможности женских организаций стать проводником интересов значительной группы населения России.

Отметим, что на сегодняшний день многообразные женские организации выступают лишь электоральной поддержкой существующей власти. Ряд женских организаций, таких как «Союз женщин России», Ассоциация женщин-предпринимателей России, «Женское экологическое движение», вошли в Общероссийский Народный Фронт, то есть, по сути, оказали лояльность режиму и никак не заявили о своей особой позиции или претензии на артикуляцию интересов женщин в высших эшелонах власти.

Те женские организации, которые не присоединились к ОНФ, декларируют свою обособленность, если не оппозиционность. Правда, при этом они не проявляют политической активности и уж тем более не предлагают создать какую-либо институциональную силу для выражения женских интересов. Даже гендерная фракция партии «Яблока» никогда не высказывала желания обособиться, хотя это, пожалуй, единственная действительно политическая женская организация.

Такое положение дел сложилось в результате выстраивания определенных институциональных барьеров для женских организаций, а также рядом их внутренних проблем.

Но все-таки, если с изменяющейся политической ситуацией женским организациям все-таки удастся проникнуть в поле публичной политики, то можно предположить, какие шансы у женских организаций стать реальным игроком, быть проводником интересов на выборах.

Рассматривая электоральный потенциал женских организаций, мы сразу можем отметить высокий возможный рейтинг групповой идентичности (доля избирателей, воспринимающих данную партию как «свою», как отражающую их интересы и ценности¹¹⁰). В принципе, при удачной кампании женские организации могут привлечь всех женщин России, которых, как нам известно, в стране большинство. Кроме того, если учитывать тот факт, что женщины голосуют на 5 % активнее мужчин¹¹¹, то электоральный ресурс женских организаций, в смысле потенциальной ниши¹¹², которую они могут занять, просто потрясающ.

Помимо вышеизложенных характеристик, можно отметить еще пару черт женских организаций, говорящих в их пользу как политического актора.

¹¹⁰ Ильясов Ф. Н. Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. [Электронный ресурс] URL: <http://iliassovfn.narod.ru/pm/oglavlenie.html>.

¹¹¹ Информационно-аналитические материалы по Архангельской области/ Комитет по делам женщин, семьи и молодежи Архангельской области, – Архангельск, 2007 г.

¹¹² Андреевский В. Оценка электоральных ресурсов. [Электронный ресурс] URL: <http://ava.md/01-politika/0152-ocenka-elektoralnih-resурсov-.html>.

Сейчас женское сообщество обладает максимальным ресурсом для самоорганизации и вывода собственной общественно-политической активности в зону реальной политики. Второй Всероссийский женский съезд, состоявшийся в ноябре 2008 г., показал, что российские женщины способны к реальному действию и объединению.

Кроме того, принципы организации женских организаций выгодно отличаются, например, от партийного устройства, так как основаны не на принципе единоначалия, как четкой «вертикали власти», а на принципе иерархичности ответственности, которая соединяет сетевую систему с делегированием ответственности по мере ее увеличения. Таким образом, отдельный человек или группа ведет определенный проект или линию и полностью за нее ответственен, тогда как вся организация помогает в реализации всех проектов¹¹³.

Конечно, существует масса сложностей, связанных с узнаваемостью, популярностью движения, влиятельностью и оценкой лидеров, но, тем не менее, определенный потенциал женских организаций как нового политического игрока уже заложен, необходимо только правильно его развить, а это дело времени.

Список источников и литературы:

1. Андреевский В. Оценка электоральных ресурсов. [Электронный ресурс] URL: <http://ava.md/01-politika/0152-ocenka-elektoralnih-resursov-.html>.

2. Дмитриева Н. Женское движение в России: современное состояние и потенциал роста // Женское движение в России: вчера, сегодня, завтра: [Мат-лы конференции. Москва, 26 февраля 2010 г.]; отв. ред. Г.М. Михалева. – М.: РОДП «ЯБЛОКО»; «КМК», 2010. – С. 49–52.

3. Ильясов Ф. Н. Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. [Электронный ресурс] URL: <http://iliassovfn.narod.ru/pm/oglavlenie.html>.

4. Информационно-аналитические материалы по Архангельской области/ Комитет по делам женщин, семьи и молодежи Архангельской области. – Архангельск, 2007 г.

5. Тулузакова М. В. Социально-политические движения и инициативы женщин в политическом развитии современной России. [Электронный ресурс] URL: <http://www.disserr.ru/contents/208070.html>.

6. Шокин Ю.П., Абрамочкин А. Менеджмент женского персонала: опыт последнего десятилетия. [Электронный ресурс] URL: <http://www.top-personal.ru/issue.html?1881>.

¹¹³ Дмитриева Н. Женское движение в России: современное состояние и потенциал роста // Женское движение в России: вчера, сегодня, завтра: [Мат-лы конференции. Москва, 26 февраля 2010 г.]; отв. ред. Г.М. Михалева. – М.: РОДП «ЯБЛОКО»; «КМК», 2010. – С. 49–52.

Теория рационального выбора в объяснении коррупционированности гражданских служащих. Синтез подходов Роберта Клитгаарда и Джеймса Марша

На протяжении всего исторического развития государственности коррупция является одной из самых главных проблем государственной политики. Проблема коррупции в различных её проявлениях не утратила своей актуальности и по сей день. А в связи с переходом государственной политики в публичную сферу, относительно «прозрачную» для общественности, особое значение приобретает политика противодействия государства в рамках гражданской службы¹¹⁴.

Наиболее подходящая модель для выяснения факторов, влияющих на поведение коррупционера, представлена в рамках теории рационального выбора¹¹⁵. Одной из таких частных моделей является подход Роберта Клитгаарда, рассматривающего поведение актора сквозь призму категорий «Принципал-Агент-Клиент»¹¹⁶. В силу её ограниченного объяснительного потенциала, в данной работе произведена попытка дополнить её и несколько усовершенствовать при помощи теории логик Джеймса Марша (которая объясняет, прежде всего, поведение актора в рамках организации, членом которой и является рассматриваемый «коррупционер»).

Суть подхода Роберта Клитгаарда заключается в том, что в исследовании коррупции в публичном секторе политики обозначаются отношения субординации или подчинения (соподчинения). Старший по должности министр или глава агентства представляет из себя так называемого принципала, который представляет общественный интерес и кто сталкивается с проблемой заставить агента (бюрократа, который подчинен ему) служить клиентам – обществу и его интересам – вместо того, чтобы служить его её личным интересам.

По замечанию Клитгаарда, принципал в данных взаимоотношениях имеет «информационную асимметрию» по сравнению с агентом, который обладает более объективной информацией относительно низших уровней управления и взаимоотношений внутри социума-клиента. В силу своей специализации и недостатка времени со стороны высшего руководства, агент получает относительную свободу действий и монополию на применение власти, делегированную ему от принципала.

¹¹⁴ См.: Скотт, Джеймс. Анализ коррупции в развивающихся странах/ ред. И. Олимпиева, О.Паченков// – С. 5.

¹¹⁵ См.: Shah, Anwar. Localization and Corruption: Panacea or Pandora's Box/A.Shah, T.Gurgur// – P. 7.

¹¹⁶ См.: US. An Anticorruption Reader: Supplemental Sources Of Transparency, Accountability, Prevention, Enforcement&Education: [prepared by the IRIS Center, University of Maryland] – P. 39.

Исходя из данного контекста, Клитгаард выводит следующую формулу величины коррупции:

«Коррупция = (Монополия + Свобода действий) / Подотчётность»

Данное уравнение сводится к тому, что коррупция находится в обратной зависимости от подотчётности агента принципалу и общественности (в случае коррумпированности самого принципала) и в прямой зависимости от монополии власти в отведённой чиновнику сфере и свободы его действий¹¹⁷. Но стоит отметить, что метод Роберта Клитгаарда теряет свою объяснительную способность в случае сочетания конвенционального поведения агента и условий, максимально благоприятствующих коррупции. Поэтому для объяснения данной ситуации целесообразно дополнение метода Роберта Клитгаарда теорией логик Джеймса Марша (LoC и LoA), что позволит дополнить понимание коррумпированности гражданских служащих.

Давая упрощённую интерпретацию LoC и LoA (LogicofConsequence – логика идеального результата, LogicofAppropriateness – логика уместности или соответствия правилам), логика идеального результата отвечает на вопрос: «Каковы мои интересы в данной ситуации», логика уместности отвечает на вопрос: «Учитывая мою роль в данной ситуации, что ожидается от меня?»¹¹⁸.

В соответствии с этим, существует два уровня процесса принятия решений, который происходит, когда актор стоит перед выбором брать взятку или нет: 1) уровень скрытого плана действий, который базируется на логике идеального результата; 2) уровень публичного (реально осуществляемого) плана действий, основа которого – логика уместности (правильности)¹¹⁹.

Если проецировать факторы, которыми оперирует в определении коррупции Клитгаард, то получается, что он ограничился лишь рассмотрением влияния данных факторов лишь на уровне публичного плана действий, на уровне непосредственной реализации скорректированного внешним влиянием плана действий. В случае конвенциональности поведения актора объяснение отсутствия коррупции невозможно через соотношение монополии власти, свободы действий и подотчётности принципалу. В случае же вычленения факторов, оказывающих влияние на уровень скрытого плана действий, мы имеем дело с другого рода факторами. Поэтому цепочка принятия решений (а соответственно, и цепочка факторов, влияющих на коррупцию) будет иметь следующий вид:

? → Уровень скрытого плана действий → Влияние Монополии, Свободы Действий и Подотчётности → уровень публичных действий

¹¹⁷ См.: US. An Anticorruption Reader: Supplemental Sources Of Transparency, Accountability, Prevention, Enforcement & Education: [prepared by the IRIS Center, University of Maryland] – P. 39.

¹¹⁸ См.: Chien, Herlin. Exploring Micro-Dynamics of French Cohabitation – A Historical Interpretation – Kaohsiung, Taiwan, 2008. – P. 85.

¹¹⁹ См.: Ibid. – P. 81.

Эта же цепочка, если рассматривать её в отношениях «принципал-агент-клиент»

- ? → Интересы агента vs. Соответствие полномочиям агента →
- Плохая информированность, загруженность и доверие принципала vs. меры по пресечению коррупции →
- Отражение на состоянии клиента (отрицательное или положительное)

Из этой схемы можно сделать вывод о том, что клиент – это единственное звено в цепочке, от которого ничего не зависит, поэтому следует констатировать тот факт, что исходя из анализа отношений бюрократии – высших управленцев – общества, общество – наименее подверженный конфликту интересов субъект отношений. Единственным инструментом воздействия общества, который бы обеспечил конверсионную связь воздействий в данной цепочке, является общественный контроль. Но сам по себе общественный контроль является эффективным регулятором только при наличии определённых условий. А именно:

- 1) Отсутствие правового нигилизма и сильная, независимая, судебная власть¹²⁰;
- 2) Соответствие агента этическим правилам¹²¹;
- 3) Горизонтальная подотчётность относительно агента¹²²;
- 4) Отсутствие клиентеллистских и патримониальных отношений внутри управленческих структур¹²³;
- 5) Референтность группы, в рамках которой действует агент¹²⁴.

Исходя из всего вышесказанного, важно отметить, что при исследовании причин коррумпированности гражданских служащих следует исходить из положения о равнозначности воздействующих факторов. Официальные (или деловые) отношения субординации, несомненно, являются одним из определяющих факторов, так как определяют институциональную основу для возникновения коррупции. Но такой важный момент, как неформальные отношения и социальные установки агента и всей социальной общности в совокупности, может оказывать большее влияние по сравнению с деловыми отношениями¹²⁵.

¹²⁰ См.: US. An Anticorruption Reader: Supplemental Sources Of Transparency, Accountability, Prevention, Enforcement&Education: [prepared by the IRIS Center, University of Maryland] – P. 39.

¹²¹ См.: Ibid. – P. 39.

¹²² См.: Carbonera, Emanuela. Corruption And Decentralization/E. Carbonera – P. 4.

¹²³ См.: Brinkerhoff, Derick W. Clientelism, Patrimonialism and Democratic Governance: An Overview And Framework For Assessment and Programming / D. W.Brinkerhoff, A.A. Goldsmith – P. 24.

¹²⁴ См.: Johnston, Michael. Public Officials, Private Interests, and Sustainable Democracy: When Politics Meet Corruption/M. Johnston – P. 72.

¹²⁵ См.: Brinkerhoff, Derick W. Clientelism, Patrimonialism and Democratic Governance: An Overview And Framework For Assessment and Programming / D. W.Brinkerhoff, A.A. Goldsmith – P. 24.

Список источников и литературы:

1. Скотт, Джеймс. Анализ коррупции в развивающихся странах/ ред. И. Олимпиаева, О. Паченков/[Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.cisr.ru/files/publ/Corruption_Book.pdf свободный. Проверено 01.12.2011.

2. Brinkerhoff, Derick W. Clientelism, Patrimonialism and Democratic Governance: An Overview And Framework For Assessment and Programming / D. W.Brinkerhoff, A.A. Goldsmith. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PNACR426.pdf свободный. Проверено 01.12.2011.

3. Carbonera, Emanuela. Corruption And Decentralization/E.Carbonera. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.iie.com/publications/chapters_preview/12/3iie2334.pdf свободный. Проверено 01.12.2011.

4. Chien, Herlin. Exploring Micro-Dynamics of French Cohabitation – A Historical Interpretation: Ph.D. Political Science: spring semester 2008/ H.Chien; National Sun-Yat-sen University. – Kaohsiung, Taiwan, 2008. – 230 p.

5. Johnston, Michael. Public Officials, Private Interests, and Sustainable Democracy: When Politics Meet Corruption/M. Johnston [Электронный-ресурс] – Режим доступа: http://www.iie.com/publications/chapters_preview/12/3iie2334.pdf свободный. Проверено 01.12.2011.

6. Shah, Anwar. Localization and Corruption: Panacea or Pandora’s Box/A. Shah, T.Gurgur. [Электронный ресурс] <http://www.imf.org/external/pubs/ft/seminar/2000/fiscal/gurgur.pdf> – Режим доступа: свободный. Проверено 01.12.2011.

7. US. An Anticorruption Reader: Supplemental Sources Of Transparency, Accountability, Prevention, Enforcement&Education: [prepared by the IRIS Center, University of Maryland] – Сведения доступны по Интернет: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PNADF530.pdf свободный. Проверено (01.12.11).

Секция 7. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Гончарик А.А.

Конструирование региональной идентичности относительно пространственной организации российских регионов

Процесс конструирования региональной идентичности связан с формированием регионов в пространственном отношении, т. е. с определением символической роли центра и периферии субъекта федерации в процессах консолидации регионального сообщества и регионального развития. При этом данный процесс представляет собой идейно-символическую конкуренцию различных подходов к определению пространственной организации региона и регионального сообщества между центром и периферией территории, предлагаемых политическими элитами и представителями интеллектуальных элит.

Действия различных субъектов политики в российских регионах, направленные на конструирование региональной идентичности, в 2000-е годы обусловлены поощрением со стороны федерального центра конкуренции между регионами за ресурсы для формирования перспектив и решения задач регионального развития.

Основные различия между регионами преимущественно связаны с обоснованием истории освоения регионального пространства – в отношении событий, связанных с историей регионального центра, региональной периферии, формирования нескольких центров влияния. Формирование образов «столичности» в ряде случаев обосновано соотношением влияния центра и периферии в организации регионального пространства.

Наиболее предпочтительной основой для политики консолидации регионального сообщества становится территориальная основа, причем в одних случаях представителям политического класса удастся создать предпосылки

для ее формирования, а в других – нет. В первом случае политика идентичности направлена на консолидацию регионального сообщества с единством локальных сообществ в закреплении этнокультурного ядра (единого центра) или этнокультурного разнообразия (нескольких центров или баланса между региональным центром и периферией), а во втором случае оформление подобного политического курса не происходит. Такая политика успешна в том случае, если базируется на историческом наследии регионального центра и периферии, органично совмещает традиционные и привнесенные ценности, не локализуется на мобилизации одного или нескольких местных (городских или сельских, индустриальных и аграрных) сообществ.

Региональный центр поддерживается в воображении региона политическим классом как основной маркирующий объект в консолидации сообщества, в то время как другие города, поселки и села значительно отстают в политическом и экономическом плане, поэтому не могут поспорить с позициями региональной столицы. Зачастую их современное положение в политике региональной идентичности объясняется изменением сфер влияния территорий современных субъектов РФ в различные времена между различными регионами.

Региональные политические элиты используют центр субъекта федерации в качестве маркирующего по нескольким причинам: в связи с борьбой с периферией, представленной другими городами и местными сообществами, которые способствуют конкуренции за центр; в связи с недостаточной определенностью ведущей экономической и транспортной роли центра; в связи со значительной ролью города в широком мировом, общероссийском и региональном культурном масштабе.

Различия между региональным центром и региональной периферией характеризуют изолированность и замкнутость местных сообществ, для которых характерны собственные способы повседневной коммуникации, образ жизни и традиции в рамках регионального пространства. Уникальность местных сообществ в единстве с региональным, или формирование консолидации регионального сообщества, политические элиты и представители интеллектуальных элит во всех случаях поддерживают посредством создания музеев, которые формируют образы культурного наследия сообщества.

В разработке модели развития региона в пространственном отношении на первый план выходит проблема борьбы городов (как центров модернизации) и периферии (представленной малыми городами и селами, ориентированными на консервацию) или проблема выравнивания центра и периферии как центров единого курса региональной модернизации.

Список источников и литературы:

1. Государство. Административное деление, или «На пороге новой регионализации России» / Доклад Центра стратегических исследований При-

волжского федерального округа за 2000 год. – URL: <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/dokladi/doklad2000/> (Дата обращения: 25.04.2011).

2. Петров Н. Формирование региональной идентичности в регионах России: Общие закономерности, подходы к изучению. – URL: http://www.dartmouth.edu/~crn/groups/centering_group_papers/Petrov.pdf (Дата обращения: 12.07.2011).

3. Смирнягин Л.В. Региональная идентичность и география // Идентичность как предмет политического анализа: Сб. ст. / Отв. ред. И.С. Семенов, Л.А. Фадеева. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – С. 177–186.

4. Туровский Р.Ф. Соотношение культурных ландшафтов и региональной идентичности в современной России // Идентичность и география в современной России: Сб. науч. ст. / Науч. ред. М. Бассин, К. Э. Аксенов. – СПб.: Геликон Плюс, 2003. – С. 139-173.

Новикова С.А.

Палитра политических идентичностей в современных социальных сетях и игровых средах

В современном мире сеть Интернет представляет собой совершенно новую коммуникативную среду со своими специфическими особенностями. Степень популярности и распространенности Интернета позволяет говорить о значимости этого канала коммуникации.

Активно внедряясь в сферу политики, новые информационно-коммуникационные технологии могут качественно изменить «старые» представления, установки, стереотипы и сломать модели взаимоотношений между политическими институтами и индивидами.

Доступность, интерактивность и быстрое развитие Интернета обуславливает его активное использование гражданскими и политическими силами в качестве средства для отстаивания своих интересов и влияния на политическую повестку дня. Мы постараемся рассмотреть процесс становления общественно-политической идентичности и политической культуры.

Законы вовлеченности пользователей Сети в общественные коммуникации таковы, что большинство пользователей предпочитают оставаться пассивными, не имея активного членства в социальных группах, а наблюдая за их деятельностью, например, читая блоги или сообщества. Более распространенными формами коммуникации в блогах и социальных сетях являются чтение, добавление в избранное, создание меток, комментирование, подписка и перепост. Меньшее количество пользователей занимаются распространением, публикацией, модерацией и, тем более, лидерством и управлением блогами. К примеру, 0,5 % пользователей Википедии выпол-

няют 50 % всего объема редактирования, что соответствует смешанному типу культуры.

Процессы массового рефлексивного формирования пользователями своей политической идентичности стали отражением скудного и при этом вдобавок ещё и фрагментированного социального опыта взаимодействий в новой среде. Известный американский исследователь Шерри Теркл писала: «Интернет стал социальной лабораторией, в которой проводятся эксперименты по конструированию и реконструированию постсовременной жизни»¹²⁶.

Гражданская активность в сети Интернет обуславливается наличием общих проблем, в процессе совместного решения которых возникает общественно-политическая идентичность (проблемно-ориентированная). В западной литературе такая форма деятельности получила название *cause-oriented politics* – «политика, касающаяся определенного вопроса». Данный тип политической идентичности так же носит название ситуативная. Вопрос состоит в том, возможно ли развитие этой идентичности в надситуативную и принятие ее в качестве личностной. Существует ли особая политическая идентичность у «людей сети»?

Такие формы идентичности характерны для новых социальных движений, которые возникали вокруг какого-либо вопроса или целевой группы и использовали как традиционные формы политического участия (участие во власти, лоббизм, СМИ), так и альтернативные (Интернет, уличные протесты).

Таковыми общими проблемами для пользователей сети становились, например, проблема свободного распространения информации, авторских прав (заккрытие торрент-трекеров), информационной безопасности сети, анонимности, свободного программного обеспечения. Примерами реакции на них можно назвать хакерские атаки на сайты крупных компаний и политических организаций, бойкоты социальных серверов и иные сетевые акции. Но, пожалуй, особый интерес представляют случаи, когда попытка решения проблемы пользователя выходит за рамки Интернета. Наиболее ярким примером этому является создание Пиратских партий, вышедших из движений в защиту торрент-трекеров, в частности, крупного ресурса ThePirateBay.

На наш взгляд, Пиратские партии и объединения пользователей сети по защите своих прав на информационную безопасность и свободу являются очень перспективными, и даже в значительной степени опередили свое время, однако они стали первыми общественно-политическими организациями, которые возникли на основании проблемно-ориентированной идентичности Интернет-пользователя.

По нашему мнению, процесс формирования политической идентичности в сети Интернет достаточно длителен и требует значительных усилий (не

¹²⁶ Turkle S. *Life on the screen: Identity in the age of the Internet.* – N.Y.: Simon & Schuster, 1995.

меньших, а может, и больших, нежели в «реальности»), легкость и нарастающая популярность политического контента в сети – это «воздушный замок». Канадские политологи С. Дж. Александер и Л. А. Пэл пишут: «Как бы сложна ни была [техническая] система, технологии не могут предложить каких-либо легких «решений» сложных социальных и политических проблем или повысить качество социополитической и экономической сегментации. Легко разделять веру в технологический прогресс, особенно когда это связано с возможностями изменить [окружающий человека] мир».

Интернет-идентичность (онлайн-идентичность) как таковая включает в себя различные уровни репрезентации в зависимости от типа интернет-среды. Прежде всего, это наименование – ник, логин, либо реальное имя. Использование той или иной стратегии так же определяет степень и форму репрезентации индивида. Объем представленной в сети информации так же является ее характеристикой.

Формирование политической идентичности зависит от контекста, а специфика сети Интернет в данном случае заключается в том, что в ней многократно усложняется политическое пространство, возникает намного больше разнородных субъектов политики, чем в реальном мире в связи с его доступностью, простотой, открытостью и мнимой анонимностью. Для ряда протестных акторов социальные сети вообще являются едва ли не единственным полем самовыражения и привлечения сторонников.

Такая насыщенность пространства Интернет разнообразными смыслами одновременно создает трудности в самоопределении «с чистого листа», однако позволяет некоторым людям проявить латентную идентичность, которую им приходилось маскировать в реальном пространстве, подстраиваясь под контекст. Способность пользователя социальной сети определять себя, отбирать нужную информацию и смыслы из противоречивого, избыточного и нередко чрезмерно эмоционального потока текстовой и графической информации в сетях – и есть характеристика его политической идентичности.

Какие формы выражения политических идентичностей существуют в социальных сетях? Прежде всего, это заполнение профайла, причем его насыщенность, либо, напротив, излишняя скрытность, тоже характеризуют идентичность личности.

Наибольшее пространство для репрезентации идентичности дает социальный веб (социальные сети), путем создание пользовательских профилей с максимумом персональной информации. Безусловно, возникает вопрос о надежности подобного рода информации. Первой социальной сетью, которая попробовала полностью отказаться от использования псевдонимов и менеджмента личности, стала Google+. Регистрация в ней была доступна лишь под реальными именами через почтовый сервис компании, а в перспективе управляющий директор Эрик Шмидт пообещал связать аккаунты

в сети с удостоверениями личности. Такая политика Google вызвала многочисленные протесты со стороны пользователей, которые получили название «Война нимов» (Nymwar, по сокращению от слова псевдоним), в июле 2011 года компания приостановила действие всех аккаунтов, которые были заподозрены в использовании псевдонимов или вымышленных имен. Эти протесты всколыхнули также вопросы, связанные с анонимностью, неприкосновенностью частной жизни, культурной средой Интернета и роли социальных медиа в современном мире.

В августе 2011 года международная правозащитная организация ElectronicFrontierFoundation опубликовала «Акт о псевдонимности». В то же время, Департамент юстиции США отметил, что использование вымышленных имен может быть поставлено вне закона. Сама компания Google объяснила такое решение тем, что стремится объединить реальную коммуникацию с виртуальной, поэтому рекомендует использовать в сети то имя, под которым Вас знают ваши знакомые, друзья и коллеги. С критикой подобной политики выступили многие публичные персоны, журналисты, авторитетные издания. Одним из аргументов было нарушение ключевых конвенций и негласных законов сети, в силе которых есть право на анонимность с целью защиты личных данных.

Интернет-идентичность может не отражать реальную идентичность личности, однако выбор определенной «маски» или модели поведения может характеризовать его интересы и устремления. Очевидно, что сетевой формат и Интернет-среда меняют структуру смыслов, взгляды и идентичность людей, однако анализ субъективных факторов ее формирования и укорененности в сознании людей сталкивается с методологическими трудностями и требует более глубокого междисциплинарного исследования.

Список источников и литературы:

1. Левин П. Интернет и гражданское общество // Интернет в общественной жизни. Theinternetinpubliclife. – М.: Идея-пресс, 2006.
2. Turkle S. Life on the screen: Identity in the age of the Internet. – N.Y.: Simon & Schuster, 1995.
3. Пиратская партия получила второе место в Европарламенте // http://sd.net.ua/2009/11/06/piratskaja_partija_poluchila_vtoroe_mesto_v_evroparlamente.html.
4. Официальный сайт Pirate Party of Sweden // <http://www.piratpartiet.se/storlek>.
5. Конференция «Next Step Politics!? Pirates to Brussels in 2009!?» // <http://www.nextsteppolitics09.org/>.
6. Digital democracy: Policy and democracy in the wired world / Ed by Alexander C.J., Pal L.A. – Ontario/Toronto: Oxford univ. Press, 1998.

Антиамериканизм в Великобритании в 2000–2010-е годы

Антиамериканизм является сложным социально-политическим феноменом. В данном докладе речь пойдёт об так называемом «популярном» антиамериканизме, антиамериканизме широких масс населения в Британии. Для изучения британского варианта нами используется контекст антиамериканизма других стран Европы и частично России.

Сама концепция генезиса европейского антиамериканизма более-менее проработана. Здесь наиболее удачные, на наш взгляд, работы Юргена Хабермаса, Жака Дерриды, Пола Холландера. Истоки европейского антиамериканизма данные авторы находят в первой половине 20 века, когда европейские страны теряют свои «имперские» статусы, а США становятся мировым лидером. Основные черты общеевропейского антиамериканизма в 1990-е–начало 2000-х: ностальгия по былой мощи, страх перед открытыми конфликтами, культурное неприятие стиля США.

В итоге, эти положения были проверены применительно к Великобритании с опорой на данные соцопросов. Первым делом изучалась динамика «отношения к США» в различные годы. Но «отношение к США» – это достаточно абстрактная вещь, т. к. не уточняется, что же подразумевается под словом «США» – политический, географический, культурный или иные аспекты. Важно установить следующие параметры: отношение к политическому курсу США, отношение к Президенту, отношение к населению, отношение к культуре.

Если говорить об общем фоне, то отношение к США в Британии за интересующие нас 10 лет более стабильно, нежели во Франции, Германии, не говоря уже о России. При том, на первый взгляд, оно стабильно высокое: от 75 % до 51 %. Однако это лишь абстрактное понятие. Нельзя забывать, что понятие «США» здесь – некая «сборная солянка», в него входит очень многое.

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Britain 75	70	58	55	56	51	53	69	65	61	

Далее отношение к населению США.

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Britain 82	80	72	70	69	70	70	73	73	73	

В среднем отношение к американцам примерно на 12-15 % лучше, чем к США в целом. Можно сказать, что британцы стабильно хорошо относятся к людям Америки, и Британский антиамериканизм связан не с неприязнью к широким слоям населения. Более того, у Pew-center есть данные опросов по позитивным-негативным чертам американцев в глазах жителей разных стран.

Политика идентичности: politics или policy?

В последнее время тема идентичности стала одним из наиболее популярных и востребованных направлений исследований. При этом в политической науке значительное внимание уделяется роли политических элит в процессе конструирования идентичности как национальной, так и региональной и даже локальной. Зачастую подобную деятельность элит по формированию идентичности исследователи обозначают как «политика идентичности».

Однако следует отметить, что в исследовательской литературе нет единой интерпретации данного термина. Одновременно с исследованиями территориальной идентичности¹²⁷ существует большое количество работ, основным фокусом изучения которых являются разного рода общественные движения¹²⁸. При этом термин «политика идентичности» трактуется в двух разных смыслах: politics и policy.

Первоначально термин «политика идентичности» (identity politics) использовался для описания деятельности угнетенных ранее социальных групп, борющихся за изменение своего положения в обществе. Как отмечает М. Бернштейн, в академический дискурс термин «политика идентичности» был введен в 1979 году Р. Анспачем (Ansprach), который рассматривал ее как движение, выступающее за изменение собственной и общественной концепции людей с ограниченными возможностями¹²⁹. В то же время часть исследователей относят появление данного термина к деятельности The Combahee River Collective¹³⁰ в 1970-е годы, группы, которая описывала себя как «приверженцев борьбы против расового, сексуального, гетеросексуального и классового подавления»¹³¹. В любом случае большинство исследователей сходится в том, что возникновение политики идентичности в смысле politics является реакцией на либеральную демократию, которая была изначально ориентирована только на белых, трудоспособных и гетеросексуальных граждан, прежде всего мужчин.

¹²⁷ Одними из первых термин «политика идентичности» применительно к территориальным сообществам употребили С. Роккан и Д.В. Урвин (The Politics of Territorial Identity. Studies in European Regionalism / Edited by STEIN ROKKAN & DEREK W URWIN (SAGE Publications, 1982); см также: Keating M.2003. The new regionalism in Western Europe: territorial restructuring and political change. UK, USA: Edward Elgar.

¹²⁸ Aronowitz S. 1992. The Politics of Identity: Class, Culture, Social Movements. New York: Routledge.

¹²⁹ Bernstein M.2005. Identity Politics. – Annual Review of Sociology, Vol. 31. – P. 47.

¹³⁰ Организация темнокожих феминисток-лесбиянок, базирующаяся в Бостоне в 1974-1980 годах. Более подробную информацию о деятельности движения можно найти на: http://en.wikipedia.org/wiki/Combahee_River_Collective.

¹³¹ Knouse J. 2009. From Identity Politics to Ideology Politics. – Utah Law Reviews, № 3. – P. 751.

В дальнейшем термин «политика идентичности» использовался для описания этничности как современной формы политики¹³², формы критической педагогики¹³³, а также для описания деятельности общественных движений, формирующих культурные идентичности своих членов¹³⁴. В середине 1990-х годов политика идентичности рассматривалась так же, как деятельность насильственных этнических групп и сопоставлялась с национализмом¹³⁵.

На сегодняшний день политика идентичности в смысле politics в самом общем виде определяется как «сознательное конструирование коллективной идентичности, направленное на улучшение позиции в поле»¹³⁶. При этом основными агентами этой политики являются группы «с особым социальным положением, до настоящего времени отрицавшихся или преследуемых», которые разрабатывают «набор политических проектов» для изменения своего положения¹³⁷. Как подчеркивает Г. Миненков, политика идентичности – это, прежде всего, «борьба теоретическая и социально-политическая, а не просто объединение в группы по интересам, борьба, связанная с разрушением прежних легитимаций и поиском признания и легитимности, а иногда и власти, а не только возможностей для самовыражения и автономии»¹³⁸.

Иной подход к интерпретации политики идентичности можно встретить в рамках анализа политических сообществ, которые понимаются не как данность или памятник истории, но как социальный конструкт, постоянно создаваемый и пересоздаваемый¹³⁹, и территориальной идентичности, рассматриваемой, соответственно, как перманентный «проект, а не завершённый результат»¹⁴⁰. В данном случае политика идентичности рассматривается, скорее, как одна из разновидностей политического курса (policy), проводимого политическими, экономическими или культурными элитами, нежели как борьба отдельных социальных групп за признание.

Появления такого рода исследований было вызвано, в основном, происходящими в Западной Европе процессами регионализации, связанными с

¹³² Ross JA. 1982. Urban development and the politics of ethnicity: a conceptual approach. - *Ethnic and Racial Studies*, 5(4). – P. 440–456.

¹³³ Bromley H. 1989. Identity Politics and critical pedagogy. - *Educational Theory*, 39(3). – P. 207–223.

¹³⁴ Connolly C. 1990. Splintered sisterhood: antiracism in a young women's project. - *Feminist Review*, 36 (Autumn). – P. 52–64.

¹³⁵ Bernstein M. 2005. Identity Politics. – *Annual Review of Sociology*, Vol. 31. – P. 47.

¹³⁶ Здравомыслова Е. 2009. Политика идентичности правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга». – *Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения. Сборник статей. 80-ти летию нашего учителя Владимира Александровича Ядова посвящается.* – М., – С. 121.

¹³⁷ Identity Politics. – *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Fall 2002 edition, <http://plato.stanford.edu/archives/fall2002/entries/identity-politics/> (обращение 1.12.2011).

¹³⁸ Миненков Г. 2005. Политика идентичности с точки зрения современной социальной теории. – *Политическая наука*, № 3. – С. 24.

¹³⁹ Keating M. 2003. The new regionalism in Western Europe: territorial restructuring and political change. UK, USA: Edward Elgar. – P. 109.

¹⁴⁰ Calhoun C. 1994. Social Theory and the Politics of Identity. - *Social Theory and the Politics of Identity*, ed. by C. Calhoun, Blackwell, Oxford, UK. – P. 27.

интернационализацией территориальных экономик, а также «ростом усилий по мобилизации периферии, регионов и даже районов, направленных против центра, и утверждение меньшинствами требований культурной автономии и полномочий в принятии решений, касающихся данной территории»¹⁴¹.

При рассмотрении политики идентичности как своеобразного политического курса (policy) центральным является понятие «агенты политики идентичности», под которыми понимаются «политические предприниматели, прежде всего принадлежащие к различным сегментам элит»¹⁴².

Таким образом, концепция политики идентичности позволяет рассматривать процесс формирования и/или утверждения идентичности в разных социальных общностях: от малых групп до регионов и национальных государств.

Рассмотрение политики идентичности как politics в большей степени характерно для социологической науки, анализирующей деятельность общественных движений и связанную с ней борьбу за новые идентичности. Политическая наука, исследующая процессы регионализации, чаще обращается к политике идентичности в смысле policy, делая акцент на роли региональных элит в процессе формирования новых политических сообществ.

Проведенный анализ показал, что принципиально важным отличием между политикой идентичности в смысле politics и политикой идентичности в смысле policy является вопрос агента. В первом случае уместнее говорить об участниках политики идентичности, то есть о социальных группах или группах идентичности, которые борются за признание собственной идентичности. Тогда как во втором случае главными акторами будут являться политические элиты, заинтересованные в легитимации собственного положения. Целью же политики идентичности в любом случае будет являться формирование и/или утверждение новой или уже существующей идентичности, а основными ресурсами – символические.

Список источников и литературы:

1. Гельман В., Попова Е. 2003. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России/ – Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана, Т. Хопфа. – СПб, М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, Летний сад/ – С. 187–254.

2. Здравомыслова Е. 2009. Политика идентичности правозащитной организации «Солдатские матери Санкт-Петербурга». – Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения. Сборник статей.

¹⁴¹ Роккан С., Дерек У. 2003. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму. – Логос, 6(40). – С. 119.

¹⁴² Гельман В., Попова Е. 2003. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России – Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана, Т. Хопфа. – СПб, М.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, Летний сад. – С. 190.

80-ти летию нашего учителя Владимира Александровича Ядова посвящается. – М.: – С. 120–136.

3. Миненков Г. 2005. Политика идентичности с точки зрения современной социальной теории. – Политическая наука, № 3. – С. 21–38.

4. Роккан С., Дерек У. 2003. Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму. – Логос, 6(40). – С. 117–132,

5. Aronowitz S. 1992. The Politics of Identity: Class, Culture, Social Movements. New York: Routledge.

6. Bernstein M. 2005. Identity Politics. – Annual Review of Sociology, Vol. 31. – P. 47–74.

7. Bromley H. 1989. Identity Politics and critical pedagogy. – Educational Theory, 39(3). – P. 207–223.

8. Calhoun C. 1994. Social Theory and the Politics of Identity. – Social Theory and the Politics of Identity, ed. by C. Calhoun, Blackwell, Oxford, UK. – P. 9–33.

9. Connolly C. 1990. Splintered sisterhood: antiracism in a young women's project. – Feminist Review, 36 (Autumn). – P. 52–64.

10. Identity Politics. – Stanford Encyclopedia of Philosophy, Fall 2002 edition, <http://plato.stanford.edu/archives/fall2002/entries/identity-politics/> (обращение 1.12.2011).

11. Keating M. 2003. The new regionalism in Western Europe: territorial restructuring and political change. UK, USA: Edward Elgar.

12. Knouse J. 2009. From Identity Politics to Ideology Politics. – Utah Law Reviews, № 3. – P. 749–795.

13. Ross JA. 1982. Urban development and the politics of ethnicity: a conceptual approach. – Ethnic and Racial Studies, 5(4). – P. 440–456.

Сивинцева О.В.

Трансформация китайской идентичности в условиях импортирования рыночных механизмов

Фундамент китайской идентичности составляют два философских учения – конфуцианство и даосизм, которые не только не противоречат, но и прекрасно дополняют друг друга: если основа даосизма представлена учением о строении мира, то конфуцианство апеллирует к «правильным» практикам реальной жизни. Синтез двух учений создавал идеальный ресурс для развития Китая на протяжении многих столетий, однако не смог справиться с переходом к индустриальному укладу жизни, который требовал новой сущностной составляющей, или идеологии развития Китая. При этом очевидно, что совершенно новый институциональный порядок не мог прижиться в силу вытеснения его конфуцианством. Точно также и конфуцианство с его патриархальными

традициями уже настолько исчерпало себя, что могло явиться для Китая последней стадией консервации на этапе аграрного общества.

Новой идеологией, трансформировавшей, но не изменившей окончательно направление китайской идентичности, стал марксизм-ленинизм. Во-первых, он явился внятным ответом китайцев на расширяющееся присутствие европейцев на их территории. Во-вторых, предполагал сохранение империалистического Китая. И, наконец, являлся типичной идеологией индустриального уклада, тем самым позволяя Китаю перейти на новый этап развития.

Однако не следует забывать, что марксистская идеология не могла быть импортирована в классическом виде, в противном случае Китай рисковал бы трансформироваться в типично европейское государство. Кроме того, сильнейшее влияние конфуцианства-даосизма не могло сойти на нет даже с переходом к индустриальному укладу. В связи с тем, что дуалистическое философское учение имело полноценный статус религии в Китае, марксистская идеология в той же мере начинает приобретать религиозный статус. Ярким примером тому служит Культурная революция и последовавшие за ней масштабные чистки, вызванные необходимостью исключить из политической жизни страны тех, кто мог так или иначе выражать марксистскую идеологию в ее «чистом виде»¹⁴³. Так, существовавшая с древних времен консервативная китайская идентичность не трансформировалась окончательно, а явилась своеобразной оболочкой, в которую была облечена импортированная марксистская идеология. В данном случае сущностная основа идентичности меняется согласно требованиям времени, однако сохраняется ее религиозный характер.

С начала 1980-х в государственном управлении Китая начинается новый этап, связанный с импортированием рыночных механизмов. В связи с этим был инициирован широкий спектр реформ в обозначенном направлении: расширение сферы государственных услуг, государственно-частное партнерство, приватизация, коммерциализация технологических ноу-хау. Уже к этому времени КНР удалось выйти на более рациональный уровень, совмещающий эффективность и экономию, и отойти от традиционных управленческих инструментов. Во многом этому способствовал тот факт, что большая часть государственных функций была передана в негосударственный сектор, а управленческие механизмы частного сектора были внедрены в государственных организациях.

В течение реформаторской эры высшие политические деятели стремились к идентификации себя не только как решающего фактора в реализации политики партийного государства на макроуровне, но и в импорти-

¹⁴³ См.: Коктыш К.Е. Современная китайская идентичность в контексте национальной модернизации // Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М., 2004. – С. 180.

ровании элементов концепции нового государственного менеджмента на мезо- и микроуровнях. Вполне объяснимо, что источником этого являлся существующий режим.

Осознание необходимости ограничения собственной власти ознаменовалось началом экономических реформ в Китае в конце 70-х гг. прошлого столетия. Чтобы противостоять позициям партии, в политико-идеологическом направлении китайским лидерам пришлось отказаться от утопической идеи конструирования коммунистического общества и остановиться на неопределенном этапе позиционирования Китая в контексте «первой стадии социализма». Соглашаясь с ограниченными возможностями партийного государства, национальные лидеры передали часть государственных функций частному сектору. Так, государственный корпоративизм, предполагающий институционализацию самых разнообразных групп общественных интересов, формализовал каналы репрезентации между государством и частными объединениями в ходе реформаторской эры.

Уже после 1979 г. выводы о фундаментальных слабостях государственно-административной машины управления экономической сферой привели к децентрализации и внедрению рынка как альтернативной меры для дальнейшего успешного развития Китая. Импортирование элементов нового менеджизма не могло не спровоцировать трансформацию политической идентичности. На начальном этапе оно проводилось в двух направлениях. Во-первых, речь идет об изменении роли Китайской Коммунистической партии (КПК), которая воплощала в себе чрезмерную концентрацию власти и патернализм партийных секретарей ко всем видам организаций. При всем при этом даже уход в отставку высших должностных лиц партии сохранял за ними массу привилегий. Однако эти проблемы оказались гораздо более серьезными, чем они осознавались Дэном Сяопином и его сторонникам в начале реформаторского периода. Подтверждением этому служит тот факт, что блок бывших революционеров не только реализовал процесс корпоратизации государственных предприятий и приватизации собственности, но и принял активное участие в формировании организационной культуры нового поколения класса предпринимателей и управленцев. Такая ситуация сохраняется и до сих пор, поскольку преодолеть партийную идентичность, обладающую характером религии в Китае, представляется практически невозможным. Тем не менее, вполне достижимым является ее ограничение, иначе – маловероятно найти дорогу к новым реалиям государственного управления.

Во-вторых, в ходе реформирования четко осознавалась необходимость реструктуризации и демонтажа государственных предприятий. Очевидно, что государственные возможности в такой ситуации ослабевают, поскольку традиционные источники дохода оказываются истощенными, а новая налоговая система еще не институционализированной. Более того, когда новые требования удовлетворены, новые услуги предоставлены

и дополнительные функции усовершенствованы, тяжелый груз ложится на существующие источники государственного дохода.

В целях избежать этого и сохранить свою партийную идентичность на начальном этапе реформ руководство Китая в рамках центральной плановой экономики предлагало франшизу и предоставляло определенную долю рынка для распределения продукции по установленным государством ценам¹⁴⁴. Другими словами, плановая экономика в этом смысле выступала источником максимизации прибыли. При данных обстоятельствах партийное государство не позволило себе быть вытесненным рынком, поскольку найти другой источник дохода для него не представлялось возможным.

Несмотря на внедрение совершенно новых для Китая рыночных механизмов как в экономической сфере, так и в управлении государством, консервированная партийная идентичность до сих пор диктует свои правила по выстраиванию системы инструментов управления всем сферами общественной жизни. В результате современный Китай отразил в себе компромисс старой и новой систем, когда партия хотя и в ограниченном режиме, но вмешивается в частные интересы. Приходится признать, что на сегодняшний день избавиться от воздействия партийной идентичности, рассматриваемой в качестве основной китайской религии, перешедшей по наследству от конфуцианства-даосизма, невозможно, однако ее необходимо ограничить теми механизмами концепции нового государственного менеджмента, некоторые из которых уже показали свою эффективность на практике.

Список источников и литературы:

1. Nan-Shong Lee P., Wing-Hung Lo C. Remaking China's public management. N.Y., 2001.

2. Коктыш К.Е. Современная китайская идентичность в контексте национальной модернизации // Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М., 2004.

Давыдов Д.А.

Проблемы политической идентичности в контексте теории рационального выбора

В настоящем докладе автором поднимается один из актуальных вопросов теории политической идентичности: «как соотносятся социальная структура и свободный выбор индивида в процессе идентификации?». По данному

¹⁴⁴ Nan-Shong Lee P., Wing-Hung Lo C. Remaking China's public management. N.Y., 2001.P. 12.

вопросу можно выделить две противоположные позиции. Сторонниками первого подхода (весь спектр основных социологических парадигм¹⁴⁵) анализируется уровень социальных структур. Индивид – существо социальное; идентичность – это набор коллективных принадлежностей. Быть частью группы, значит разделять групповые нормы, верования и ценности. Стало быть, теоретические построения коллективной идентичности «фокусируются на том, как коллективные процессы внутри групп могут менять поведение отдельных индивидов»¹⁴⁶. Нет смысла анализировать «индивидуальный уровень», зато есть смысл рассматривать то, как социальная структура наделяет нас совокупностями идентичностей и то, как эти идентичности влияют на поведение конкретных агентов социального процесса.

Теория рационального выбора, напротив, фокусируется на уровне индивида. Идентичность не есть то, что формирует модели субъективности, но то, что представляет собой ценность для рациональных индивидов. Авторами данной концепции идентичности используется термин «self-expressed action» (действие, ориентированное получением выгод в виде самоэкспрессии). Как отмечают Ф. Агиар и А. де Франциско, «индивиды не всегда стремятся максимизировать инструментальные выгоды, <...> но часто желают выразить свое «Я», то есть действовать в соответствии с социальной идентичностью»; поэтому «теория рационального выбора может включать желание выразить идентичность как еще один аргумент функции полезности»¹⁴⁷.

То есть, совершая выбор, индивид сознательно предпочитает удовлетворению инструментальных интересов реализацию своего «Я». Суть данной концепции можно продемонстрировать на примере электоральных процессов. Как отмечает А. Шюсслер, «голосование может являться средством выражения политических убеждений и предпочтений и, следовательно, установления и поддержания идентичности»¹⁴⁸. Это объясняет, почему индивиды предпочитают идти на выборы, даже если влияние отдельного голоса на совокупный результат ничтожно мало. Индивид, в данном случае, идет на выборы не ради получения инструментальных выгод (в надежде на то, что последствия выборов скажутся на его благополучии), а ради самоэкспрессии. При этом, что немаловажно, социальная идентичность определяется свободным выбором: если социальное «Я» не приносит удовлетворенности, индивид будет стремиться сменить свою принадлежность.

Несмотря на методологический индивидуализм, сторонниками данного подхода подчеркивается взаимосвязь индивидуального действия

¹⁴⁵ Структурный функционализм, социальный конструктивизм, постструктурализм.

¹⁴⁶ Schwartz Seth J., LuyckxKoen, Vignoles Vivian L. Handbook of Identity Theory and Research. New York: Springer, 2011. – P. 4.

¹⁴⁷ Aguiar F., Francisco A. Can rational choice cope with identity? URL: <http://digital.csic.es/bitstream/10261/7758/1/conferencialfernando.pdf>.

¹⁴⁸ Schuessler A. Expressive voting // Rationality and society. 2000. vol. 12. № 1. – P. 87.

и социальной принадлежности: индивид А совершает действие Б, в силу того, что он – часть группы В; быть частью В для А – субъективная ценность.

Тем не менее, концептом self-expressed action потенциал данного подхода отнюдь не исчерпывается. Речь идет о возможности применения концепта социального капитала, введенного в дискурс теории рационального выбора Дж. Коулманом, к концептуализации феномена политической идентичности.

В социальной теории существуют работы, авторы которых пытаются совместить концепты социальной идентичности и социального капитала. Так, Х. Цзян и Дж. Кэрролл различают две формы социального капитала: межличностные связи/сети и идентификационные связи (identity bounds). Первая форма характеризуется связями между двумя людьми, знающими друг друга (друзья, знакомые и т. д.). Идентификационные связи, напротив, возникают между членами групп и сообществ: независимо от того, знают ли они друг друга «в лицо». Авторы замечают, что «разделяемая идентичность играет ключевую роль в таких ситуациях, как, например, если требуется собрать людей вместе и, посредством коллективного действия, достичь тех целей, которые в другом случае не могли бы быть достигнуты»¹⁴⁹.

По сути, мы имеем дело с принципиально новым пониманием того, как могут быть связаны термин «политическая идентичность» и термин «коллективное действие». Идентичность – это не только ресурс, но и средство, благодаря которому члены политических групп могут приумножать свое благосостояние.

Правда, мы даем несколько иное определение политической идентичности. По нашему мнению, идентичность можно рассматривать не только как совокупность связей. Политика – это сфера борьбы политических групп за власть. Это среда, в которой дихотомичность «мы/другие» («друзья/враги») проявляется наиболее ярко. Если мы имеем дело с группами индивидов, стремящихся к получению коллективных благ (ассоциации), то потенциал идентичности как элемента социального капитала может раскрываться в согласии относительно принципов разделения социального пространства на «нас» и «других». Рациональные агенты согласуют общий интерес, что помогает им совершать коллективное действие: индивиды приобретают способность предсказывать возможные действия друг друга, а в единстве группы не возникает сомнений.

Таким образом, без разделяемой идентичности коллективное действие предстает невозможным¹⁵⁰, что отсылает нас к анализу того, каким образом и при каких обстоятельствах рациональные индивиды «инвестируют» в идентичность посредством публичных артикуляций, либо, например, пу-

¹⁴⁹ Jiang H., Carrol J. Social Capital, Social Network, and Identity Bounds: A reconceptualization. URL: <http://www.iisi.de/fileadmin/IISI/upload/2009/p51.pdf>.

¹⁵⁰ Уже исходя из того, что, если, например, А и Б желают совершить совместное действие, необходима следующая картина: А признает, что Б признает, что А признает, что их действия выгодны для них обоих.

тем создания «объединяющей символики». От того, насколько четко каждый индивид представляет свое место в социальной группе, во многом зависит то, насколько успешно политическая группа реализует свою главную функцию – борьбу за власть.

Список источников и литературы:

1. Aguiar F., Francisco A. Can rational choice cope with identity? URL: <http://digital.csic.es/bitstream/10261/7758/1/conferencia1fernando.pdf>
2. Jiang H., Carrol J. Social Capital, Social Network, and Identity Bounds: A reconceptualization. URL: <http://www.iisi.de/fileadmin/IISI/upload/2009/p51.pdf>
3. Schuessler A. Expressive voting // Rationality and society. 2000. vol. 12. № 1.
4. Schwartz Seth J., LuyckxKoen, Vignoles Vivian L. Handbook of Identity Theory and Research. New York: Springer, 2011.

Черкасов А.А.

Государство регионов. Современная Украина, как полицентрическое и полимифологическое государство (случай Донбасса)

Региональные политические мифы играют особую роль как в процессах политико-культурной репрезентации локальностей, так и в выработке географически привязанных представлений о диспозициях политических акторов.

В современной Украине роль региональных политических мифов связана главным образом с процессами производства коллективно значимых политико-исторических идеологических комплексов, способных быть потребным для только приобретающей собственную историю и государственность Украины, стать надежной опорой для молодого государства.

Мы придерживаемся той узловой для понимания политической истории Украины идеи, что Украина на разных этапах своей истории, в том числе и в советское время, и сегодня в качестве самостоятельного государства, является периферией внутри периферии, чья государственная на протяжении большей части истории не являлась самостоятельной и всегда была обречена находится под покровительством более крупных и сильных имперских соседей, будь то империя Габсбургов или Романовых.

Современный облик украинской нации – полностью продукт внешне-го конструирования нации, украинский национализм не смог бы никогда существовать, не будь в распоряжении агентов национализации Украины (интеллигенция и административно-политическая элита, в основном казачко-польская) России и её имперского дискурса, чья подавляющая мощь отводила Украине окраинное и второстепенное значение.

В этой связи, несколько парадоксальным будет заявление, что в современной Украине отсутствует периферия как таковая. Имперская история России, Австро-Венгрии, Германии и Советского Союза породила такое парадоксальное явление для политического ландшафта современной Украины, как отсутствие периферии. Украинская политическая реальность такова, что сегодня в Украине отсутствуют как таковые Центр и Периферия. Центров политического и экономического влияния, а также рекрутирования политических элит для поставки кадров в столичный общенациональный политико-административный аппарат как минимум четыре (Донецк, Киев, Львов-Галичина, Днепропетровск).

Поэтому для понимания политики в современной Украине необходимо обратиться к исследованию её регионального измерения. Регион – суть, формат институциональной организации конкретной географической территории. В данном случае мы говорим здесь о ментальной карте национального государства. Регион становится регионом только пройдя процесс трансформации проживающего на его территории населения в региональное сообщество, устойчивый коллектив людей, наделенных комплексом представлений о себе как носителе коллективных представлений о себе (общность самоидентификации) и представлении о комплексе политико-культурных мифов региона. Иерархическая структура мифов регионов форматируется государством. Советская пропагандистская машина, как мощный механизм культивации национальной советской идентичности, форматировала ментальную карту советского гражданина в соответствии с хозяйственной спецификацией регионов, выстраивая определенную индустриальную ментальную карту. Главенствующую роль в этом процессе играла трудовая социалистическая этика, присущая большинству советских граждан, для которых гарантированное советскими конституциями право на труд фактически становилось трудовой обязанностью, если не повинностью. Поэтому коллективные представления советского народа о самом себе были форматированы в матрице представлений о всей советской стране, как большом производственном комплексе, части которого выполняли строго отведенные им технологические функции. Поэтому сложилось региональное разделение в духе советской официальной хроники, репрезентировавшей все пространство Советского Союза, как единство различных «житниц», «здравниц», «опорных краев державы», это создало определенный коллективно разделяемый и регулярно культивируемый в процессе взаимодействий как индивидов так и групп образ конкретного региона. Особенно актуально это для Украины, которая вмещает в себя несколько крупных промышленных регионов со сложившимися на их территориях системами политико-административного управления и, что самое главное, различными системами ценностей и культурно-политических ориентаций.

Так Харьковский регион (Харьковская область) на протяжении всей советской истории был крупнейшим на Украине (после Киева) научно-исследовательским центром с высочайшей долей высокообразованного и столь же высококвалифицированного населения. Но вместе с тем Харьковская область никогда не была и не смогла стать на современном этапе мощным экономическим игроком и значимым центром политических инноваций.

Напротив, промышленный, горняцкий, шахтерский Донбасс, окончательно сформировавшийся как региональная система только в советский период, с распадом СССР стал крупнейшим регионом, имеющим в своем распоряжении сильную региональную политическую элиту, инкорпорированные в нее экономические кланы, выросшие из теневого бизнеса и криминалитета в 90-е годы. Донбасс из сугубо добывающего региона, своего рода внутреннего сырьевого придатка внутри тотальной производственной машины СССР, превратился в самостоятельный политический и экономический центр, обладающий всей полнотой диверсифицированных ресурсов, позволяющих его элитам претендовать на политическое лидерство в рамках всего национального украинского целого.

Многообразие и большая численность значимых политических сил, не умеющих и не готовых к обретению политических монополий и созданию коллективных машин присвоения власти, порождает высокую степень поляризации и фрагментированной активности политических сил. В поисках постоянно ограниченного комплекса политических ресурсов, политико-символических капиталов политические акторы обращаются к истории, к культурно-историческим напластованиям и активно интерпретируют факты истории, тем самым делая их частью актуальной политической повестки. Таким образом, в политическом пространстве формируются особенные представления о территории. Донецк – как политическое представление проявляется в двух аспектах: 1. Политико-географическом (идентификационно значимом); 2. Собственно явлением, репрезентирующим внутреннюю актуальную политическую реальность – персональный состав локальной политики (в данном конкретном случае под «политией» мы понимаем герметическую систему взаимодействий локальных акторов за вычетом корпуса взаимодействий с акторами, базирующимися за пределами города и региона).

Донецк является символом Восточной Украины, той части страны, которая более тяготеет к России. Интеллектуально насыщенный дискурс современной Украинской политики управляется не только внутренними её акторами. Согласно классическому подходу к исследованию наций, наиболее важным фактором, определяющим возникновение исторических наций, является наличие представительной государственной элиты и богатое культурное наследие. На территории современной Украины не существует единой государственной элиты.

Наиболее активные акторы, занимающиеся нациестроительством и созданием национальных культурных смыслов, принадлежат к дискретным, географически привязанным к элитным конгломератам – Киевскому, Донецкому (и если шире – Донбасскому), Днепропетровскому и Галисийскому. Учитывая тот факт, что рационально действующие на политических аренах своих региональных пространств и на территории всей Украины политические группировки руководствуются прежде всего своими прагматическими интересами и ведут борьбу за руководство страной, то историческая политика оказывается мощным инструментом в политической борьбе. Амбивалентный символический ресурс, порожденный самой историей Украины, обладает способностью становиться политическим орудием, а неоднозначность в определении степени «историчности» и самостоятельности украинской нации в исторической ретроспективе лишь усиливает действенность этого орудия, столь часто применяемого в политических противостояниях.

Бедерсон В.Д.

Герои-«первооткрыватели» в региональной идентичности регионов Дальнего Востока

Региональная идентичность регионов российского Дальнего Востока представляет собой идентичность регионов-форпостов России на окраине страны, как бы последних рубежей культуры, определенных ценностей и т. п. России. При этом верно утверждение, что каждый из регионов может быть метафорически описан как «остров», т. е. территориально-социальное единство, окруженное внешней (очевидно, враждебной) средой, где сохраняется и поддерживается цивилизация и культура «метрополии»¹⁵¹.

Данное утверждение подкрепляется и отражается в отдельных элементах региональной идентичности дальневосточных регионов, в центре нашего внимания – образы героев в региональной идентичности регионов Дальнего Востока.

В обозначенной «островной» идентичности особую и, пожалуй, первостепенную роль играют «первооткрыватели» этого «острова», т. е. персоналии, сотворившие дело, чтобы «остров» стал частью государственного единства, принял для себя государственные социокультурные формы.

Важно отметить, что реальный исторический контекст для героизации персоналии в региональной идентичности не имеет принципиального значе-

¹⁵¹ См.: Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока // Политические исследования. 2004. № 5. – С. 28–39; Бляхер Л.Е. Дальний Восток России: в поисках политической идентификации // Политическая наука. 2005. № 3. – С. 104.

ния, первостепенны смыслы, которые закладываются в образ героя и которые начинают воспроизводиться в массовом сознании регионального сообщества.

Среди героев-«первооткрывателей» дальневосточных регионов необходимо назвать: Е. Хабарова, С. Дежнева, В. Беринга, И. Крузенштерна, Г. Невельского, Н. Муравьева-Амурского.

Достижение «открытия» не является единственной основной характеристикой героя-«первооткрывателя», собственно таковым героем делает его образ «государственника», т. е. герой не просто «технически» «первооткрывает» регион, но и вписывает в него специфические социокультурные и политические практики, делая регион частью политического государственного пространства. В этой связи из названных исторических персоналий в региональной идентичности большинства регионов Дальнего Востока явно выделяется Н.Н. Муравьев-Амурский¹⁵². Важнейшее место этот герой занимает в идентичности Амурской области, Хабаровского и Приморского краев, между которыми существует латентная борьба за конструирование культа героя. Так, например, независимо друг от друга в Амурской области и Хабаровском крае по распоряжению губернаторов регионов успешным и прилежным студентам выплачивается стипендия имени Н.Н. Муравьева-Амурского¹⁵³. Кроме этого, имя героя запечатлено и в региональной топонимике: в Хабаровске есть памятник Муравьеву и улица в его честь, в Благовещенске, помимо улицы и памятника, именем героя названа областная библиотека, во Владивостоке также есть соответствующая улица, а сам Приморский край расположен на полуострове Муравьева-Амурского.

Герой Муравьев-Амурский в идентичностях трех названных регионов наделяется весьма размытыми и общими характеристиками, как то «выдающийся государственный деятель», «первооткрыватель», «выдающийся сын Отечества» и т. п., что подтверждает мысль о непринципиальности реального исторического содержания героя по сравнению с тем содержанием, которое с его помощью конструируют те или иные агенты идентичности (региональные элиты, интеллектуальные сообщества).

Нельзя не сказать о практике ассоциирования губернаторов названных регионов с деятельностью и героизированной личностью Муравьева-Амурского. Например, названные стипендии вручаются по инициативе и личному указу губернатора Амурской области О. Кожемяко и губернатора Хабаровского края В. Шпорта, об ассоциировании с героем ныне бывшего

¹⁵² Пирагис А. Петропавловск-Камчатский. Улицы города рассказывают. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.piragis.ru/knigi-po-istorii-kamchatki/petropavlovsk-kamchatsky/pervoproxodstcmoreplavatelyuchenye.html> (дата обращения 23.02.2012).

¹⁵³ Губернатор края поощрил лучших представителей молодого поколения. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.khabkrai.ru/printversion.html?type=news&id=17461> (дата обращения 23.02.2012).

приморского губернатора С. Дарькина точно говорит цитата одного из его сторонников: *«Не знаю лучшего примера «эффективного менеджмента». Пожалуй, по масштабам в истории края у него остался один конкурент – граф Муравьев-Амурский»*¹⁵⁴.

Другие регионы Дальнего Востока на символический потенциал образа Муравьева не претендуют. Так, в идентичности Камчатского края героизируются «первооткрыватели» С. Дежнев и, особенно, В. Беринг, которому в Петропавловске-Камчатском установлен памятник и именем которого названы улица и Морской университет. Образ Беринга, как и в случае с Муравьевым, актуализируется не столько в связи с его географическими и естественно-научными достижениями, сколько с «открытием» Камчатки для Петровского государства. В таком фрейме Беринг не столько путешественник, сколько государственный-«первооткрыватель». Подобным образом первопроходцы героизируются в идентичности Чукотского АО. Здесь не отдается явного предпочтения кому-либо из героев, важен сам факт создания некоего культа «первооткрывателя» на основе реальных исторических личностей, имеющих отношение к «открытиям» Чукотки. Весьма показательна цитата из новостного материала с сайта губернатора ЧАО, посвященного презентации регионального проекта «Чукотка – территория открытий»: *«Он (проект – В.Б.) посвящен годовщине открытия Берингова пролива, осуществленного экспедицией Семена Дежнева в 1848 году. Губернатор Чукотского автономного округа Роман Копин является куратором проекта вместе со знаменитым исследователем Арктики и Антарктики, Героем Советского Союза и Российской Федерации Артуром Чилингаровым»*¹⁵⁵. Показательно не только стремление губернатора ассоциироваться с «первооткрывателями» как прошлого, так и настоящего, но и непринципиальность реального исторического содержания (пролив, открытый экспедицией Дежнева на 200 лет раньше Беринга, очевидно, не мог называться на тот момент Беринговым, и, более того, событие это произошло в 1648 году).

В Сахалинской и Магаданской области мы не находим таких ярких примеров актуализации героев-«первооткрывателей» в региональной идентичности. Персоналистская инфраструктура в формате культов героев в Магаданской области практически вообще отсутствует, во многом это объясняется слабой выраженностью самой региональной идентичности: *«В регионе отсутствует четкое понимание относительно того, что объединяет людей кроме общего пространства и лагерного прошлого*

¹⁵⁴ См.: Николай Морозов: Не верил я в Дарькина... а он оказался, как Муравьев-Амурский! [Электронный ресурс]: URL: <http://www.forumdv.info/news/?id=160496> (дата обращения 23.02.2012).

¹⁵⁵ См.: Губернатор представил проект «Чукотка – территория открытий». [Электронный ресурс]: URL: <http://www.rkopin-chukotka.ru/news/article.storyid/206.htm> (дата обращения 23.02.2012).

*территории»*¹⁵⁶. В Сахалинской области же предпринимаются некоторые попытки актуализации героев для усиления региональной идентичности: сахалинская «особость» производится в данном случае через имена известных общероссийских писателей, посвятивших часть своего внимания или произведений Сахалину, – А. Чехов, В. Пикуль. Характеристика «первооткрывателей» в случае данных героев неявно, но все-таки в некоторой степени тоже присутствует – писатели «открывают» Сахалин для русской культуры, «прикрепляя» остров к ней.

Таким образом, мы можем заключить, что для региональной идентичности большинства регионов Дальнего Востока образ героя-«первооткрывателя» имеет первостепенное значение, при этом герой интуитивно наделяется политическими характеристиками, зачастую оторванными от исторического содержания. Герои-«первооткрыватели» символизируют собой включенность регионов-форпостов в общегосударственный смысловой фрейм, их защищенность, универсальность и, в это же время, особость.

Список источников и литературы:

1. Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока // Политические исследования. 2004. № 5. – С. 28–39.
2. Бляхер Л.Е. Дальний Восток России: в поисках политической идентификации // Политическая наука. 2005. № 3. – С. 104.
3. Губернатор края поощрил лучших представителей молодого поколения. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.khabkrai.ru/printversion.html?type=news&id=17461> (дата обращения 23.02.2012).
4. Губернатор представил проект «Чукотка – территория открытий». [Электронный ресурс]: URL: http://www.rkopin-chukotka.ru/news/article_storyid/206.htm (дата обращения 23.02.2012).
5. Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: дис... канд. полит. наук. – Пермь, 2009.
6. Николай Морозов: Не верил я в Дарькина... а он оказался, как Муравьев-Амурский! [Электронный ресурс]: URL: <http://www.forumdv.info/news/?id=160496> (дата обращения 23.02.2012).
7. Пирагис А. Петропавловск-Камчатский. Улицы города рассказывают. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.piragis.ru/knigi-po-istorii-kamchatki/petropavlovsk-kamchatsky/pervoprohodtscy-moreplavatelicheniye.html> (дата обращения 23.02.2012).

¹⁵⁶ Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ. – Пермь, 2009.

Теоретико-методологические обоснования исследования института гражданской идентичности молодежи

Современное общество претерпевает масштабные изменения во всех сферах общественной жизни. Формируются различные социальные институты, все это приводит к переосмыслению прежних основ существования общества.

По мнению С. Хантингтона наступает кризис идентичности человека¹⁵⁷.

Одним из важнейших вопросов современной политической науки является определение понятия идентичности. Основу исследования составляет сложноорганизованная категория, вбирающая в себя множество элементов. Данные элементы обозначены различными уровнями восприятия человеком действительности, что и определяет отношение индивида к этой группе – ассоциативность. Идентичность, в наиболее широком ее смысле, представляет собой внутреннюю непрерывность и тождественность личности, процесс организации жизненного опыта в индивидуальное¹⁵⁸.

Идентичность является сложноструктурированной категорией, и для наиболее полного представления о ее сущности необходимо детальное изучение.

Известный ученый Э. Эриксон¹⁵⁹ подразделяет идентичность на разновидности: индивидуальную и социальную. Индивидуальная – это результат осознания человеком собственной временной протяженности, уникальности своего жизненного опыта. Социальный – это личностный конструкт, который отражает внутреннюю солидарность человека с социальными, групповыми идеалами и стандартами. Эти понятия носят не взаимоисключающий, а взаимодополняющий характер. Э. Эриксон привнес разграничение с учетом включенных элементов в процесс идентификации. В первом случае это сам человек, во втором, сам человек и группы, с которыми он себя соотносит.

Идентичность – категория, включающая в себя множество аспектов. Профессор Гарвардского университета К. Корсгард¹⁶⁰ включает в структуру идентичности практическую или персональную идентичность; идентичность, вытекающую из действий; идентичность, определенную предшествующим выбором; идентификация через принципы.

Такая структура позволяет личности ее интеграцию и самоформирование как личности, так и социальных групп. Структура, предложенная профессором, является практически универсальной и применима

¹⁵⁷ Huntington S. Who are you? The Challenges to America's National Identity/ N.Y./ London, Toronto, Sydney: Simon&Schuster, 2004. – P. 79.

¹⁵⁸ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М., 1996. – С. 32.

¹⁵⁹ Там же. – С. 32.

¹⁶⁰ Korsgard Ch. Self-Constitution: Agency, Identity, and Integrity / Ch. Korsgard. – Oxford, N.Y.: Oxford University Press. – P. 120.

при изучении практически всех видов идентичностей, в том числе при изучении гражданской.

Идентичность, в том числе, классифицируется по содержательному признаку: национальная, религиозная, региональная, политическая, гражданская и т. д. Для данной работы особый интерес представляет гражданская идентичность. С. Хантингтон¹⁶¹, изучая вопрос национально-гражданской идентичности американцев, вывел формулу гражданской идентичности. Гражданственность он определяет через политико-правовые, идеологические, культурные и социально-психологические признаки. К политико-правовым относятся политические ценности, политическое участие индивида, его следование правовым нормам, отношение к власти и многие другие. Идеологические – это взгляды по отношению к развитию общества, которых придерживается индивид. Культурные – традиции, обычаи, религиозные нормы, передающиеся из поколения к поколению и определяющие быт, отношения между людьми. Социально-психологические признаки – это особенности личностного характера, сознания, определяемые социальной действительностью. Сочетание этих признаков создает систему ценностей, взаимодействующих с совокупностью ролей индивида, что и формирует его гражданскую идентичность.

Если за основу изучения гражданской идентичности взять формулу С. Хантингтона и сопоставить ее с структурой, предложенной К. Корсгардом, то можно получить следующую систему оснований гражданской идентичности. Первоочередно систему можно разделить на две составные – установки и действия.

Установки – это совокупность элементов, включающих ценности индивида, нормы, принципы, которыми он руководствуется. Данная составляющая представляет собой результат осознания индивидом политико-правовой действительности. Информация, попадающая в сознание человека, корректируется с учетом тех или иных субъективных факторов. Установки включают в себя политико-правовые ценности (идеологические) и отношение к действующей политической системе, в том числе и власти.

Синтез теории структуры идентичности, выдвинутой К. Корсгардом, а именно, такой структурный элемент, как идентичность принципов и теории-формулы гражданской идентичности С. Хантингтона, а именно, политико-правовые признаки, позволяет сформулировать первый компонент универсальной формулы гражданской идентичности – политико-правовые ценности (идеологические) и модель идеального государства. На протяжении жизни у человека строится общая картина представлений о действительном и идеальном в политической сфере.

¹⁶¹ Там же. – С. 105.

Действительное представлено в качестве политико-правовых ценностей. Политические ценности тесно связаны с гражданской идентичностью, поскольку гражданственность демонстрирует то, как человек осознает свое положение в политической системе, свою функциональность в ней. К политическим ценностям относят: органы власти, которые носят основополагающий характер; политические принципы и нормы, составляющие базу организации деятельности органов власти и управления, и др. Правовой аспект интересует автора работы тем, что он демонстрирует уровень правовой культуры, степень осознания индивидом своих прав и возможностей в политической системе. При этом относить тот или иной объект можно только в том случае, если эти нормы, принципы представляют значимость для индивида, это и будет демонстрировать ценность.

Идеальное – это та идеальная модель государства, которая сложилась в сознании индивида. Иначе говоря, это идеальное сочетание органов государственной власти и принципов их функционирования. Каждый индивид обладает уникальным идеальным представлением, тем самым и возникает разброс в мнениях людей о том, каким именно должно быть идеальное государство.

Второй компонент – отношение к существующей власти. Данный аспект имеет значимость, поскольку теоретический подход, демонстрирующий лишь идеальное представление о государстве, не дает полной картины осознания индивидом реальности. Отношение индивида к существующей власти, в том числе и политической, проявляется в том, как он относится к органам управления, к существующим решениям, принимаемым властями, персонально к политикам и др. На основе данной информации можно выявить то, насколько сильно отличается идеальное представление индивида о политической системе с его представлением о реальности.

Третий компонент – это сочетание гражданской самореализации и политической активности. Гражданская самореализация представляет собой действия человека, в которых он демонстрирует свою позицию. Основой является то, как человек осознавая свои права и свободы, использует их для реализации своих интересов. Гражданская самореализация представляет приоритет ценностей гражданского общества по отношению к другим в поведении молодежи. Примером может служить защита своих прав через общественно-политические институты, партии, организации. Политическая активность – это совокупность действий, совершаемых индивидом в сфере политического, проявление и отстаивание своей точки зрения через политические институты и процедуры.

Таким образом, совокупность выделенных компонентов, позволяет выявить практически все аспекты, выступающие компонентами гражданской идентичности.

Секция 8. ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ

Демин Е.Н.

Особенности развития политической коммуникации в современной России

Становление нового Российского государства сопровождалось созданием нетипичных для советской системы управления элементов воздействия общества на власть и властей на социум. Кардинальным образом был изменен процесс взаимоотношения акторов политического пространства – сфера политической коммуникации. Политическая коммуникация представляет собой совокупность процессов обмена политической информацией, структурирующих политическую деятельность и предающих ей новое значение¹⁶². Как правило, выделяют три способа политической коммуникации: через неформальные контакты, общественно-политические организации и СМИ. Особо хотелось бы остановиться на СМИ. Это связано с тем, что именно они формируют наше отношение к социально-политической действительности, являясь мощнейшим инструментом манипуляции общественным сознанием.

Морфогенез единого информационного пространства и появление новых игроков на политическом поле (террористические и экстремистские объединения, блогеры) способствовали изменению схемы политической коммуникации России. Она стала рассматриваться не как одна из функций политической системы, а как самостоятельный и разнонаправленный процесс, способный не только противодействовать асинхронному характеру массовой коммуникации, который предполагает строго определённый и универсальный вектор передачи информации, но и создавать поливариантные, горизонтальные и альтернативные связи, существенным образом

¹⁶² Грачев М.Н. Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 1999. № 1. – С. 24 – 39.

препятствующие самопровозглашённой вседозволенности власти. В этой связи, государство понимает, что для развития демократии необходимы независимые и свободные СМИ, но потеря контроля своих позиций как основного субъекта политической коммуникации может привести к исключению возможности использования информационных потоков как одного из средств ненасильственного достижения своей легитимности.

Интернет, как канал политической коммуникации и проявления реальной информационной конкуренции, предоставляет равную для всех возможность потенциального влияния на политические процессы, а также обеспечивает более эффективное взаимодействие между субъектами и объектами политической коммуникации, чем традиционные институты. С другой стороны, неконтролируемость и вседозволенность online-пространства способствует разрастанию анонимных экстремистских и антигосударственных лозунгов, что ставит перед собой открытый вопрос о введении цензуры во «всемирной паутине» для обеспечения национальной безопасности.

Манипулятивная функция политической коммуникации, формируя «нужное» отношение населения к определённым событиям и создавая массовые предпочтения и образцы поведения, приводит не только к возникновению политических мифов и стереотипов, но и способствует установлению нового режима управления – медиакратии. Масс-медиа берут на себя роль неформального законодателя, предписывающего выполнять его правила поведения официально, носящие необязательный характер, но при не выполнении которых добиться успеха практически невозможно. Поэтому многим политикам приходится создавать свои блоги и сайты, регистрироваться в твиттере, чтобы казаться, быть «ближе к народу» и всегда оставаться «на волне».

Медийный характер политической коммуникации приводит, во-первых, к её краткосрочности, т. е. повестка дня формируется не столько на непродолжительный период, сколько она направлена на одномоментное и сиюминутное улучшение позиций политика. Во-вторых, к персонализации, проявляющейся в смещении акцента с идеологического и программно-политического противостояния оппозиционеров к спору между лидерами политических сил. В-третьих, к негативизму, который заставляет оппонентов «обливать друг друга грязью» и пользоваться услугами «спин-докторов»¹⁶³. В-четвёртых, к виртуализации, строящейся на значительном разрыве между заявлениями руководителей и реально осуществлёнными ими поставленными задачами. Последнее приводит к увеличению доли разочаровавшихся в политике, что напрямую влияет на электоральную активность населения и увеличение абсентеизма.

¹⁶³ Херманн Михаэль К. Политическая коммуникация: воздействие средств массовой информации на общество в современных государствах // Выступление на конференции в Московской школе политических наук. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nethistory.ru/biblio/1043179735.html>.

Подводя итог, следует отметить, что существующая интерпретационная политика СМИ, направленная, прежде всего, на передачи развлекательного характера, а не на серьезную аналитику политической реальности, приводит к «политической отчужденности» избирателя. Политика перестает быть самодостаточной и её участники вынуждены действовать по законам медиакратии, становясь её заложниками. Независимый и диверсификационный характер новых полюсов политической коммуникации усложняет условия ведения переговоров между властью и представителями Интернет-сообщества. Поэтому для обеспечения политической стабильности и информационной безопасности государству необходимо развивать коммуникационную инфраструктуру и активно использовать её в государственно-политическом управлении.

Список источников и литературы:

1. Грачев М.Н. Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 1999. № 1. – С. 24–39.
2. Херманн Михаэль К. Политическая коммуникация: воздействие средств массовой информации на общество в современных государствах // Выступление на конференции в Московской школе политических наук. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nethistory.ru/biblio/1043179735.html>.

Титерин О. О.

Российско-Грузинский информационный конфликт августа 2008 года в контексте современных исследований международных отношений

Грузино-Югоосетинский конфликт — политический конфликт между Республикой Грузия и Республикой Южная Осетия, который длится с конца 1980-х гг. по настоящее время. Вооружённый конфликт в Южной Осетии – военное противостояние в августе 2008 года между Грузией, с одной стороны, и непризнанными республиками Южная Осетия и Абхазия, с другой стороны. Россия, в рамках конфликта, выступала в качестве миротворческой силы.

По оценке большинства обозревателей и экспертов, Россия, имея полную поддержку населения внутри страны, одержав убедительную победу на поле боя, тем не менее, проиграла информационную войну Грузии (по крайней мере, в краткосрочной и среднесрочной перспективе). После конфликта непрерывно наращивается информационное давление на нашу страну, которая проявила себя в качестве миротворческой силы. По сути, в августе 2008 года против России была развернута информационная война.

На наш взгляд, необходимо дать четкий ответ на вопрос «Почему Россия потерпела поражение в информационном противостоянии с Грузией в ходе конфликта августа 2008 года». Данное исследование описывает основные тенденции в рассмотрении выше обозначенного вопроса, сложившиеся в научной и экспертной среде.

На данный момент есть несколько тенденций в научной среде по вопросу вероятных причин проигрыша Российской Федерации в информационном противостоянии с Грузией. Обозначим некоторые из них.

Сергей Михеев, вице-президент московского Центра политических технологий, говорит об исторических корнях постепенного нарастания напряженности, он считает, что сложно сказать, кто первым начал информационные атаки: «Информационная война началась задолго до этого конфликта. И даже еще до того, как к власти в Грузии пришел Михаил Саакашвили».

Существует точка зрения, что Россия проиграла информационное противостояние из-за острой тенденциозности и субъективности российского информационного поля.

Дэвид Саттер (David Satter), научный сотрудник вашингтонского Института Хадсона (Hudson Institute), в прошлом работавший московским корреспондентом газеты The Wall Street Journal, говорит, что четко видна тенденция к рассмотрению всех действий России на международной арене как пропагандистских.

Также существует тенденция рассмотрения конфликта в контексте разделения сфер влияния на информационном поле. Сергей Михеев считает, что на постсоветском пространстве больших успехов добилась российская пропаганда, на Западе – грузинская.

Также рассматриваются и причины, связанные с внешними факторами, в частности, недееспособность международных политических институтов.

Одной из причин проигрыша России в информационной войне многие исследователи называют отсутствие инструмента взаимодействия с западной аудиторией.

Еще одной тенденцией рассмотрения конфликта можно назвать разделение информационного противостояния на краткосрочное и долгосрочное.

Доктор социологических наук Козырев Г.И. в работе, посвященной «конструированию «жертвы» как способа создания управляемой конфликтной ситуации» пишет, что западные политики и подконтрольные им СМИ пытались представить Грузию «жертвой агрессии», подвергшейся нападению со стороны России.

Конфликт в Южной Осетии помог России приобрести значительный опыт ведения информационной войны, и, надеюсь, при освещении других событий (хотелось бы рассчитывать, что не военных) она воспользуется накопленными знаниями.

Анализируя все вышеизложенное, можно сделать вывод, что в среде экспертов, по проблеме поражения России в информационной войне

в августе 2008 года, не сложилось мнения, пользующегося поддержкой и имеющего признание у большинства исследователей. Во многом это говорит о неоднозначности и неоднородности информационного поля как в России, так и в Грузии. Несмотря на наличие определённой научной литературы, данный конфликт ещё недостаточно изучен. Все эти обстоятельства делают необходимым проведение специального исследования политико-идеологических и информационных факторов эволюции конфликта как в медийном пространстве, так и социальном, с привлечением широкого круга как теоретических, так и эмпирических источников.

Список источников и литературы:

1. Барабанов М. С., Лавров А. В., Целуйко В. А. Танки августа / под ред. – М. С. Барабанова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2009. – С. 144.
2. Лебедева Н., Яковлева Е. Победа слов // Российская газета. 20.08.2008. № 175.
3. Михайленко Т.А. «Особенности информационной войны в современном мире. На примере грузино-южноосетинского конфликта в августе 2008 года» Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 19. Июнь 2009 г.
4. Щербаков В. Спецпропаганда отсиделась в кустах // Независимая газета. 22.08.2008. № 29.

Гонцов К.В.

Сравнительный анализ политических коммуникаций КПРФ и ЛДПР в период избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы VI созыва (на примере теледебатов)

Изучение политической коммуникации в настоящее время является одним из наиболее актуальных направлений в современной политической науке. Эффективное использование коммуникативных техник в политической сфере в значительной степени способствует завоеванию и удержанию власти.

В настоящее время сложились различные подходы к определению политической коммуникации¹⁶⁴. В данном исследовании использовалось понятие, рассматривающее это явление как особую форму общения, заключающуюся в передаче политически значимой информации, которая порождает осмысленный ответ реципиента.

¹⁶⁴ Грачев, М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: Монография / М.Н. Грачев. – М.: Прометей, 2004. – С. 68.; Пушкирева, Г.В. Политическая коммуникация // Политическое обеспечение бизнеса: Учебное пособие. – М., 1995. – С. 54–55.; Соловьев, А.И. Политическая коммуникация: к проблеме политической идентификации // Полис. – 2002. – № 3. – С. 7.

Первые модели политической коммуникации носили линейный, однонаправленный характер. Политическая коммуникация представляла собой единичный акт, а в качестве основных ее переменных выступали коммуникатор, содержание сообщения, канал передачи, реципиент, результат (например, модель Г. Лассуэла)¹⁶⁵. В дальнейшем, с развитием политической коммуникативистики данная модель усложнялась, включив обратную связь, приобрела перманентный характер¹⁶⁶.

С увеличением влияния СМИ политическая коммуникация приобретает новые черты¹⁶⁷. Новый способ организации власти, при котором ключевую роль играют средства массовой информации, исследователи определяют понятием «медиакратия»¹⁶⁸. Среди исследователей сложилось два подхода к пониманию медиакратии и роли, которую играют СМИ¹⁶⁹. Первый рассматривает СМИ в качестве основного актора, второй – как посредника между аудиторией и политиками. В данном исследовании мы будем придерживаться второго подхода.

В качестве основных переменных политической коммуникации в избирательных кампаниях можно выделить: ожидаемый результат, наличие конкурирующей коммуникации, адресные группы, предмет коммуникации (макротема), содержание коммуникации, образ коммуникатора, достигаемый результат¹⁷⁰. Однако, анализируя политическую коммуникацию в условиях медиакратии, использовались и другие переменные: канал передачи информации¹⁷¹, наличие элементов шоу¹⁷², способ организации коммуникации¹⁷³.

С учетом специфики современной медиакратии мы провели сравнительный анализ политических коммуникаций партий КПРФ и ЛДПР на основе телевизионной передачи «Выборы-2011. Дебаты», транслируемой с 7 ноября по 2 декабря 2011 года на телеканале «Россия 1».

Во время политических теледебатов представители КПРФ выступали меньшее число раз, чем ЛДПР (4 и 6 выступлений, соответственно, или

¹⁶⁵ Грачев, М.Н. Указ. соч. – С. 116.

¹⁶⁶ Там же. – С. 117–144.

¹⁶⁷ Дьякова, Б.Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу / В.Г. Дьякова // Полис. – 2003. – №3. – С. 109.

¹⁶⁸ Соловьев, А.И. Указ. соч. – С. 124.

¹⁶⁹ Бодрунова, С.С. Медиакратия: атлантические подходы к определению термина / С.С. Бодрунова. - http://www.intelros.ru/pdf/mediafilosofia_2/13.pdf.

¹⁷⁰ Грачев, М.Н. Указ. соч. – С. 146–147

¹⁷¹ Пушкарева Г.В. Политическая коммуникация / Г.В. Пушкарева // Политическое обеспечение бизнеса: Учебное пособие / Под ред. Ю.С. Конопина. – М.: Изд-во МАИ, 1995. – С. 51.

¹⁷² Русакова О.Ф. Современная политическая философия: Учеб. пособие. – Екатеринбург, 2010. – http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=29%3A2010-06-09-04-49-11&catid=33%3A2010-06-09-04-45-31&Itemid=59&limitstart=18

¹⁷³ Соловьев, А.И. Политическая коммуникация: к проблеме политической идентификации / А.И. Соловьев // Полис. – 2002. - №3. – С. 16.

14,3 % и 21,42 % от числа появления участников). При этом чаще, чем у КПрФ, у ЛДПР отсутствовала конкурирующая коммуникация.

В целом речь представителей партий была направлена к той части адресных групп, которые являются типичными избирателями КПрФ (работники сельского хозяйства, специалисты-бюджетники) и ЛДПР (студенты, учащиеся) по данным ВЦИОМ¹⁷⁴. Были упомянуты и те группы избирателей, которые не определились с выбором партии¹⁷⁵. Большой объем сообщений в риторике лидера ЛДПР занимало обращение к русскому населению.

Общая тематика (макротемы), рассматриваемая партиями лишь незначительно, отражала проблемы, волнующие население, выявленные ВЦИОМ¹⁷⁶.

По данным проведенного контент-анализа, из проблем, рассматриваемых населением в качестве актуальных, в риторике партии ЛДПР чаще всего были упомянуты низкий уровень жизни населения (14,56 %), а также проблемы коррупции и бюрократии в России (19,41 %). В тоже время, половина рассматриваемых партией проблем не воспринимаются населением как политически значимые. КПрФ в своих выступлениях уделила гораздо больше внимания проблемам, волнующим население (около 64 %).

В выступлениях политические партии КПрФ и ЛДПР использовали персональный канал. В качестве представителей политических партий выступали их лидеры – Жириновский В.В. и Зюганов Г.А. В то же время КПрФ использовала разные образы коммуникаторов: кинорежиссер – Бортко В.В.¹⁷⁷, молодежный лидер – Афонина Ю.В.¹⁷⁸. Обе партии использовали элементы шоу, а также агитацию.

В целом, по результатам выборов КПрФ получила значительно больше мест в новой Государственной Думе, чем ЛДПР (92 и 56 мандатов, соответственно¹⁷⁹). Таким образом, политическая коммуникация КПрФ была в большей степени направлена на рассмотрение политически значимых для избирателей проблем, чем коммуникация ЛДПР, а поэтому была более эффективной.

Список источников и литературы:

1. Бодрунова С.С. Медиакратия: атлантические подходы к определению термина / С.С. Бодрунова. - http://www.intelros.ru/pdf/mediafilosofia_2/13.pdf.
2. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: Монография. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.

¹⁷⁴ Результаты опроса общественного мнения 17.07.2011 // ВЦИОМ. - <http://wciom.ru/index.php?id=1#>.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Уровень жизни и проблемы ЖКХ – главные проблемы страны / ВЦИОМ. - <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112177>.

¹⁷⁷ Дебаты «КПрФ» vs «Яблоко» Выборы 2011. - http://www.youtube.com/watch?v=sC10yD_U6F0.

¹⁷⁸ С.Миронов (СР) Ю.Афонин (КПрФ). - <http://www.youtube.com/watch?v=HAODxWjiExY>.

¹⁷⁹ Данные Протокола Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва / Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. - http://www.cikrf.ru/banners/duma_2011/itogi/result.html.

3. Данные Протокола ЦИК РФ о результатах выборов депутатов Государственной Думы ФС РФ VI созыва / ЦИК РФ. – http://www.cikrf.ru/banners/duma_2011/itogi/result.html.

4. Дебаты «КПРФ» vs «Яблоко» Выборы 2011. – http://www.youtube.com/watch?v=sC10yD_U6F0

5. Дьякова Б.Г. Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Полис. – 2003. - №3. – С. 109 – 119.

6. Миронов С. (СР)_Ю.Афонин (КПРФ). – <http://www.youtube.com/watch?v=HAODxWjiExY>.

7. Пушкарева Г.В. Политическая коммуникация / Г.В. Пушкарева // Политическое обеспечение бизнеса: Учебное пособие / Под ред. Ю.С. Конопина. – М.: Изд-во МАИ, 1995. – С. 45–54.

8. Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме политической идентификации / А.И. Соловьев // Полис. – 2002. – № 3. – С. 5–18.

9. Соловьев А.И. Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи» / А.И. Соловьев // Полис. – 2004. - № 2. – С. 124–132.

10. Русакова О.Ф. Современная политическая философия: Учеб. пособие / О.Ф. Русакова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2010. http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=29%3A2010-06-09-04-49-11&catid=33%3A2010-06-09-04-45-31&Itemid=59&limitstart=18.

Хаустов О.О.

Конкурентность коммуникаций и демократия

Как известно, в политической науке существует два фундаментальных подхода к пониманию демократии – классический и неоклассический [Дзоло, 2010. С. 194]. В рамках классического подхода главенствующим признаком или показателем демократии выступает вовлеченность общества в политические процессы. Подобной концепции придерживались такие политические философы, как Ж.-Ж. Руссо, Аристотель и А. де Токвиль. По другому демократию этого подхода можно назвать демократией участия.

Альтернативный, неоклассический, подход, начавшему которому положил Й. Шумпетер, выделяет как необходимый и достаточный признак демократии конкуренцию правящих элит [Шумпетер, 1995]. Шумпетеровский подход оказался прорывом в политической науке, поскольку его концепция не требует от граждан государства быть значительно политизированными, им достаточно принимать участие в выборах, тем самым определяя общий вектор развития. Дальнейшие политические решения, полагает Шумпетер, должны приниматься непосредственно конкурирующими политическими элитами. Иногда демократию шумпетеровского подхода именуют элитистской демократией.

Таким образом, суммируя вышесказанное, можно выделить два концептуальных признака демократии, выкристаллизованных за многие годы ее изучения. Справедливости ради стоит добавить, что данные концептуальные признаки были объединены в общую когнитивную модель демократии величайшим политологом Р. А. Далем [Даль, 2010]. В сокращенной версии его модель демократии (он именуется своей моделью полиархией) можно назвать как демократию «участия-и-оппозиции».

Однако с ростом технологической сложности нашего мира многие политические процессы и процесс демократизации в частности приобрели новые свойства и признаки. Очевиден тот факт, что современное постмодернистское общество все глубже и глубже погружается в мир коммуникационных сетей последнего поколения, скорость передачи информации в которых настолько высока, что порой становится практически невозможным оценить масштабы распространения и влияния данной информации. Именно об этом пишет итальянский политический исследователь Д. Дзоло в своей работе под названием «Демократия и сложность: реалистический подход» [Дзоло, 2010]. В своей работе политолог отводит главенствующую роль в вопросе демократии и демократизации именно коммуникационным сетям. По его мнению, современные политики и наиболее активные члены общества прежде всего обязаны заниматься обеспечением открытого, равного и бесконтрольного доступа к коммуникационным каналам и сетям. С практической точки зрения это означает обеспечение конкурентности рынка медиакоммуникаций, который включает в себя теле- и радиоконтент, всю печатную продукцию, Интернет и многое другое.

Со своей стороны хотел бы добавить, что особое внимание следует уделить социальным сетям и блогосфере, которые, как показывает опыт последних лет, оказываются под контролем либо власти, либо оппозиции. Поскольку социальные сети и блогосфера в последние годы занимают значительную часть коммуникационных сетей, диспропорциональность в данной сфере может оказаться роковой для конструирования демократического общества.

Исходя из посылов, обозначенных выше, считаю крайне важным оставить один глобальный вопрос открытым для дальнейшей дискуссии. Вопрос звучит следующим образом: какие фундаментальные институты и многомерные и нестандартные технологии следует разрабатывать современному обществу для достижения конкурентности в сфере медиакоммуникаций и, в частности, в пространстве социальных сетей и блогосферы?

Список источников и литературы:

1. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход. – М.: ВШЭ, 2010. – 320 с.
2. Даль Р. А. Полиархия: участие и оппозиция. – М.: ВШЭ, 2010. – С. 288.
3. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. – М.: ВШЭ, 1995. – С. 540.

Секция 9. ЛОКАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Тырина Е.И.

Эволюция института публичных слушаний в России

История развития института публичных слушаний началась в России еще с начала 90-х годов. Проведение публичных слушаний предусматривалось в целях реализации положений закона РФ от 19 декабря 1991 года «Об охране окружающей природной среды». Новый этап развития института начался с принятием 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Согласно российскому законодательству общественные слушания делятся на обязательные и факультативные. К обязательным относятся проекты уставов МО и проекты о внесении изменений и дополнений в данные уставы, вопросы о преобразовании МО, проекты местных бюджетов и отчетов об их исполнении, вопросы, связанные с градостроительной деятельностью, проекты планов и программ развития муниципального образования, вопросы установления публичных сервитутов и вопросы, связанные с размещением объектов, деятельность которых может причинить вред окружающей среде.

Однако, круг проблем вокруг данного института расширяется с каждым днем. Власть, сама навязавшая данный институт как обязательный, сейчас вынуждена режиссировать проведение слушаний и соблюдения федерального законодательства.

В Перми были внесены изменения в Устав МО города Перми (были отменены прямые выборы мэра), принят Генеральный план развития города и готова, но еще пока не рассмотрена на заседании Пермской городской Думы Стратегия социально-экономического развития Перми до 2020 года. По каждому вопросу, как того и требует федеральное законодательство, проводились публичные слушания, порядок проведения которых собирал

немало нареканий со стороны экспертного сообщества и гражданского общества. При этом однако публичные слушания все чаще превращаются в дискуссионную площадку между представителями власти и общественности, при этом и являясь во многом инструментом придания легитимности принимаемых решений.

Являясь институтом делиберативной демократии, институт должен решать важнейшие проблемы местного значения и выполнять при этом ряд функций: рассмотрение важнейших проектов муниципальных правовых актов, выявление предложений и рекомендаций по ним, осуществление общественной экспертизы проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения, осуществление населением муниципального контроля за реализацией решений представительного органа муниципального образования, выявление мнения населения, учет мнения общественности и информирование населения о принимаемых муниципальных правовых актах.

Рассмотрев с точки зрения этих функций публичные слушания, процедуру проведения слушаний по принимаемым стратегическим документам на примере города Перми можно сделать вывод об их «фиктивности» и неэффективности с точки зрения учета общественного мнения.

Зуйкина А.С.

Динамика институциональной политики Пермского края по вопросам межбюджетных отношений в 2005 – 2011 гг.

Межбюджетные отношения (МБО) между региональными и местными органами власти регулируются определенными правилами – институтами. Важнейшим фактором, влияющим на их динамику, выступает политика Центра. В свою очередь, правила МБО в субъекте Федерации представляют собой «рамки возможного» для конкретных политических акторов, в том числе и органов МСУ. Так, анализ динамики институциональной политики региона по вопросам МБО позволяет очертить не только финансово-экономическую, но и политическую составляющую взаимоотношений между регионом и местными органами власти.

Временный диапазон исследования охватывает период начала реализации 131-ФЗ по настоящее время. В результате изменений налогового и бюджетного законодательства в 2005 году местных налогов осталось 2: земельный налог и налог на имущество физических лиц. С 2005 г. из доходов МБ исключены налог на прибыль организаций, налог на имущество организаций, нормативы отчислений по акцизам и платежи за пользование недрами и природными ресурсами. Нормативы отчислений в местные бюджеты по НДФЛ – ключевом для МБ налоге – с 2005 г. уменьшены с 50 до

30 %. С 2012 года региональная доля НДФЛ увеличилась до 80 %, а муниципальная – уменьшилась до 20 %.

По федеральному законодательству ЕНВД полностью зачисляется в МБ. ЕСН распределялся между региональным и МБ в следующих долях: 30 % – регион, 60 % – МО. С 2010 года в муниципалитеты стало поступать на 10 % больше.

Таковы налоговые инициативы Центра в отношении МСУ. Перейдем к политике властей Пермского края. На протяжении 2006–2012 гг. краевые власти направляли в МБ как единые, так и дополнительные нормативы отчислений от разных собственных налогов. В 2006 году в местные бюджеты стала поступать региональная доля ЕСН и ряд госпошлин. Край делился с МБ и своей долей НДФЛ: в 2008 году – 5 %, в 2009 году – уже 15 %. Также с 2009 в МБ перечисляется региональный транспортный налог и 70 % налога на имущество организаций.

В 2011 г. Центр перераспределил расходные полномочия, что отразилось на доходах – из МБ исключен ряд госпошлин. В свою очередь, власти Пермского края прекратили отчисления в МБ налога на имущество организаций и 5 % региональной доли НДФЛ.

Тем не менее, следует сказать, что региональные власти активно делились с МО собственными налогами.

Вторая составляющая доходов МБ – трансферты. До федеральной реформы трансфертная политика находилась в ведении регионов, новая же редакция БК подробно регламентирует порядок предоставления МО межбюджетных трансфертов.

С 2006 года согласно БК РФ в бюджете Пермского края образованы 4 фонда. В ФК включены средства на покрытие полномочий федерального и регионального уровней власти. Из ФСР выделяются субсидии для реализации целевых программ и приоритетных региональных проектов. ФФПМР-ГО и ФФПП выполняют цели выравнивания уровня бюджетной обеспеченности (БО) территорий. В регионе в основу выравнивания положен принцип пропорционального подтягивания. Так задается некий уровень БО, до которого территориям необходимо дотянуть. Причем «дотягивают» все: независимо от профицитности/дефицитности МБ. В Прикамье таким способом распределяется 75 % фонда финансовой поддержки. Остальные 25 % поступают в МБ через дополнительные нормативы отчислений от НДФЛ.

Первоначально ФФПМР-ГО создавался из 2 источников – 18 % поступлений из доходов регионального бюджета и «отрицательных трансфертов» – отчислений из бюджетов наиболее обеспеченных МР (ГО). Практика «отрицательных трансфертов» – новый элемент в МБО. По сути, «отрицательные трансферты» хорошо вписываются в идеологию бюджетного выравнивания территорий и не способствуют стимулированию доходного потенциала МО.

В 2008 году региональные власти отказались от практики отрицательных трансфертов касаясь формирования ФФПМР-ГО. Аналогичный отказ по ФФПП произошел в 2010 г.

Фонды поддержки поселений могут создавать и МР. Такая «поступенчатая» система предоставления трансфертов формирует своеобразную бюджетную «вертикаль помощи». Укрепляет эту вертикаль принятая в 2007 году ст. 136 БК РФ, которая ставит в зависимость от объема трансфертов права МО определять расходы.

Своеобразным бюджетным ноу-хау региона стала схема распределения профицита краевого бюджета, запущенная в Пермском крае с 2006 года. Более половины своего профицита (60 %) край решил направлять в территории, из них большую часть (42 %) получали муниципалитеты с активной позицией «участвующего» в региональных инициативах. Это стало инструментом экономического стимулирования территорий решать проблемы развития. Другой вопрос – насколько значительны суммы профицита для целей регионального развития.

Так, в результате инициатив Центра доходы МО оказались поставлены в прямую зависимость от объема их расходных обязательств. При этом упор сделали отнюдь не на обеспечении экономической автономии муниципалитетов. В основе – обеспечение сбалансированности местных бюджетов за счет субсидий и дотаций.

Региональные власти Прикамья, не исключая трансфертную политику, активно делились с территориями собственными налогами. При этом наряду с действиями по выравниванию МО край стимулировал местные власти участвовать в бюджетных программах и проектах. Таким образом, достаточно сбалансированная политика властей Пермского края в институциональной бюджетной сфере не позволяет однозначно судить о повышении/ снижении фискальной автономии МСУ – с одной стороны, и муниципальной автономии МСУ – в целом. Дальнейшие исследования бюджетной статистики направлены на решение этих задач.

Список источников и литературы:

1. Бюджетный кодекс РФ.
2. Налоговый кодекс РФ.
3. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ.
4. Закон Пермского края от 12.10.2007 № 111-ПК «О бюджетном процессе в Пермском крае».
5. Закон Пермского края от 24.12.2007 № 165-ПК «О региональном фонде софинансирования расходов».
6. Закон Пермского края «О методиках распределения межбюджетных трансфертов в Пермского края».

7. О состоянии местного самоуправления и развития муниципальных образований в Пермском крае. Ежегодный доклад. 2010 год / Рук. И.В. Марасанова. – Пермь:, 2011.

8. Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Реформа местной власти в городах России, 1991-2006. – Санкт-Петербург: Норма, 2008.

9. Григоров В.Э. Анализ влияния реформы местного самоуправления и реформы межбюджетных отношений на финансовые основы местного самоуправления в Российской Федерации: аналит. доклад / В.Э. Григоров, Д.В. Жигалов, Л.В. Перцов; под общ. ред. Н.Б. Косаревой, А.С. Пузанова. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2009.

10. Зубаревич Н. Регионы и города России: сценарии-2020 // ProetContra. 2011. № 1.

11. Зубаревич Н. Стабилизация без модернизации // ProetContra. 2010. № 3.

12. Зуйкина А.С., Панов П.В. Муниципальная автономия: грани и противоречия // Власть и управление в современном российском городе. Материалы научной конференции (г. Пермь, март 2011 г.).

13. Коновалова Т.В., Кузьмина Н.А. Местный бюджет и налоговые льготы // Финансы и кредит. 2005. № 27.

14. Концепция повышения эффективности межбюджетных отношений и качества управления государственными и муниципальными финансами в РФ на 2006–2008 гг.

15. Панов П.В., Вотинова А.С. Динамика региональной политики по вопросам межбюджетных отношений в Пермской области в начале 2000-х гг. (в контексте проблемы «централизация versus децентрализация») // Политический альманах Прикамья. Вып. 6. – Пермь, 2006.

16. Силуанов А.Г. Повышение эффективности межбюджетных отношений и качества управления общественными финансами в 2006-2008 годах // Финансы. 2006. № 1.

17. Стародубцев А.В. Межбюджетные трансферты в России: политическая борьба или политический курс? // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2009. № 1.

18. Стародубровская И. Эволюция муниципальных финансов // Анализ доходных источников и расходных обязательств местных бюджетов. – М.: ИЭПП, 2003. – С. 16–24.

19. Стратегия 2020. Группа 12. Реальный федерализм, местное самоуправление, межбюджетная политика.

20. Швецов Ю. Эволюция российского бюджетного федерализма // Вопросы экономики. 2005. № 8.

21. Шириков А.С. Полномочия как ставка в политической игре: генезис законодательных правил в сфере регионального бюджетного процесса // Полис. 2006. № 5.

Эффективность деятельности органов местного самоуправления на примере анализа деятельности представительного органа г. Ярославля за 2006–2011 гг.

Под местным самоуправлением понимается право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения.

Местное самоуправление – это такой способ децентрализации власти, при котором ее нижний уровень, наиболее приближенный к населению, обладает значительной автономией и самостоятельностью в решении вопросов местной жизни, избирается жителями и несет ответственность перед ними.

Муниципалитет – орган территориального самоуправления в ряде стран, обладающий собственностью, имеющий право издавать юридические акты, устанавливать местные налоги, сборы за пользование различными благами и удобствами. Избрание руководящих органов муниципалитета осуществляется обычно демократическим путем, правом голоса обладают коренные жители, достигшие определенного возраста.

Муниципалитет – представительный орган местного самоуправления города Ярославля. В состав муниципалитета г. Ярославля V созыва входит 36 депутатов, из них:

1. 52,8 % – руководители малого и среднего бизнеса.
2. 27,8 % – руководители, заместители руководителей государственных учреждений.
3. 11,1 % – работники бюджетной сферы.
4. Руководители аппарата фракции «Единая Россия», ЯОД, помощников депутатов ЯОД.
5. 2,8 % – депутаты муниципалитета на постоянной основе.

Можно сказать, что присутствуют представители всех сфер. Перед каждым стоит задача: обеспечить нормальное функционирование сложного механизма городского хозяйства. Таким образом, муниципалитет решает наиболее приоритетные задачи и значимые вопросы жизнеобеспечения города.

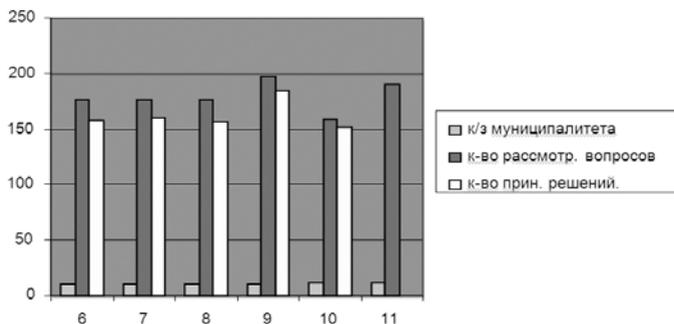
Для того чтобы проследить ход и интенсивность событий, с целью определения основных тенденций (количество заседаний, количество рассматриваемых вопросов, принятых решений), была использована методика ивент-анализ.

Необходимый шаг работы – составление базы данных. Для этого была собрана информация с официальных интернет-сайтов (<http://www.cityyar.ru/>, <http://yardeputat.ru/>).

На основании полученных данных были сделаны следующие выводы.

За последние (полные) пять лет деятельность муниципалитета осталась практически без изменений. Количество заседаний муниципалитета в большей степени стандартно – 1 в месяц, есть исключение: в 2010 и 2011 г. в 2-х месяцах прошло по 2 заседания (одно из которых было внеочередным и связано с обсуждением проекта бюджета города), и на 1 меньше в 2007 г. Количество рассмотренных вопросов в год не менее 159 и не более 197. Количество принятых решений муниципалитетом не менее 152 и не более 184. По этим показателям выделяется 2009 г. – ему соответствуют большие цифры (197/184). Представленный график 1 демонстрирует именно в этом году наивысшие точки. Низшие цифры относятся к 2010 г. (159/152), на том же графике 1 виден спад. Наблюдается тенденция цикличности: 2006 – спад, 2007 – подъем, 2008 – спад, 2009 – подъем, 2010 – спад, 2011 – подъем (волнообразный характер).

График 1. Количество заседаний муниципалитета, количество рассмотренных вопросов и принятых решений за период 2006 – 2011 г.

В составе муниципалитета действуют 4 постоянные комиссии, которые осуществляют подготовку и предварительное рассмотрение проектов решений муниципалитета, осуществляют функции контроля за реализацией решений муниципалитета.

В заседаниях постоянной комиссии 1 по бюджету, финансам и налоговой политике заметна тенденция роста количества заседаний в 2008–2010 г. (13,14,14). В 2006 их прошло 12. Количество рассмотренных вопросов остается на одном уровне – 60, за исключением 2009 г., по данному показателю он также лидирует – 66 (график 3). 2011 г. стал исключением – намечилось снижение количества заседаний – 12, а вот количество рассмотренных вопросов выросло до 70.

В постоянной комиссии 2 по экономике, муниципальной собственности и развитию города за последние два года (2010–2011 гг.) снизилось количество заседаний с 13 до 9, все предыдущие года было по 14. Также заметно снижение количества рассматриваемых вопросов с 70 (2008 г.) до 51 (2010 г.).

Комиссия 3 по социальной политике. Стабильно работала с 2006 по 2008 г. Наблюдается резкий спад в 2009г., скачек – в 2010 г., спад – в 2011 г. Крайние точки по количеству заседаний минимум 9 (2011), максимум 15 (2010); по количеству рассмотренных вопросов – минимум 27 (2009) , максимум 49 (2010). 2006–2008 гг. имеют равные показатели (41).

Комиссия 4 по вопросам городского самоуправления, законности и правопорядка. В отличие от предыдущей комиссии, можно заметить противоположную тенденцию – скачек в 2009 г. и спад в 2010 г., который продолжился и в 2011 г. Количество заседаний комиссии снизилось с 2009 по 2011 г. с 17 до 10. Количество рассмотренных вопросов было стабильно до 2008 г., после чего начались скачкообразные перепады: в 2009 г. – 75 вопросов, 2010 г. – 23, 2011 г. – 64 (график 3). Несмотря на то, что в 2011 году было наименьшее количество заседаний комиссии, он выдался одним из самых продуктивных за 6 лет. Положение комиссий на протяжении 2006–2008 гг. остается практически неизменным. На графике 2 отсутствуют скачкообразные перепады, наблюдается постепенный спад.

График 2. Количество заседаний четырех постоянных комиссий муниципалитета за 2006-2011 гг.

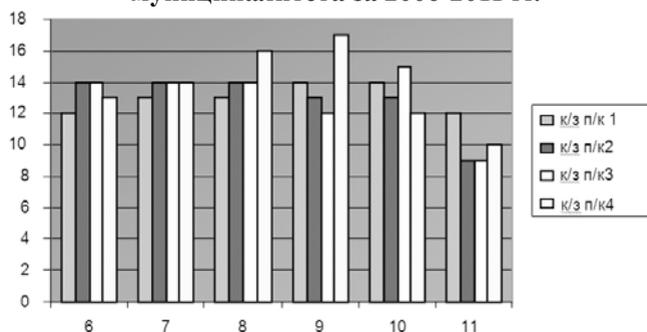
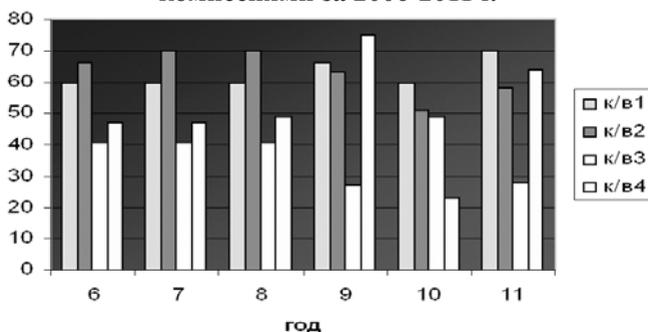

График 3. количество рассмотренных вопросов постоянными комиссиями за 2006-2011 г.

Период 2006–2011 гг. охватывает деятельность муниципалитета IV и V созывов. Проследив некоторые критерии, можно сделать вывод о том, что нет ярко выраженной тенденции роста деятельности. По ряду показателей она прослеживается, но сопровождается такими же несущественными спадами. Деятельность муниципалитета достаточно ровная, носит циклический характер. Существует ряд исключений по отдельным показателям, но они не достаточно весомы для того, чтобы полностью изменить сложившуюся ситуацию.

Список источников и литературы:

1. «Информация о деятельности муниципалитета города Ярославля пятого созыва за 2009 год» – Издательство МУ «Городской методический центр по вопросам развития городского самоуправления» – Ярославль 2010. – С. 3.
2. Халипов В.Ф. Кратология – наука о власти: Концепция», Рос. Муниц. академия. – М.: ЗАО Издательство «Экономика», 2002. – С. 128.
3. Система муниципального управления: Учебник для вузов, 3-е издание переработанное и дополненное под ред. Зотова Б.В., «Питер Пресс», 2007. – С. 19.
4. Европейская хартия местного самоуправления, статья 3, пункт 1.
5. Официальный сайт города Ярославля <http://www.city-yar.ru/home/government/municipality.html>

Каплина Ю.С.

Условия формирования локальных режимов в постсоветской России: историческая ретроспектива

Исследование института местной власти с позиций эффективности его функционирования, агентов, а также наличия / отсутствия между ними консенсуса стало возможным благодаря теории городских политических режимов и ее центральной категории «локальный режим». Автор теории К. Стоун отводит главную роль взаимодействию акторов в городском политическом пространстве и их способности к формированию коалиции. Кросс-секторальный характер взаимодействия и приоритет неформальных отношений, равнозначность участников коалиции и отстаиваемых ими интересов обеспечивают стабильность работы городской власти, несмотря на изменения в руководстве и лидерстве, которые могут происходить в каждой из отдельных сфер¹⁸⁰.

При этом стоит отметить, что данная коалиция является скорее идеальной конструкцией, поскольку на практике особое место в ней занимают экономические агенты.

¹⁸⁰ См.: Ледаев В.Г. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. – С. 45.

Цель данной статьи – рассмотреть динамику изменений политических возможностей формирования и функционирования городских политических режимов в постсоветской России.

Этот процесс условно можно разделить на два этапа – первый – до 2000-х годов и второй – после начала 2000-х годов, связанные с процессами децентрализации и рецентрализации власти соответственно. Исследователями отмечается, что, несмотря на разную направленность взаимоотношений между Центром и регионами, в эти периоды политика в отношении муниципалитетов имела значительную авторитарную составляющую и в целом препятствовала развитию демократических институтов и рыночной экономики. Разница заключалась лишь в том, что в 1990-е гг. основные политические ограничения муниципалитеты испытывали со стороны региональной власти¹⁸¹, тогда как с началом 2000-х г. доминирование над регионами и муниципалитетами сместилось в сторону федерального центра¹⁸².

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (1995 г.) заложил основы институционального строительства на местном уровне при переходе от советской политической системы. Но, в целом, эта реформа имела лишь частичный успех. Причинами этому были экономическое и финансовое ослабление государства, которое не способствовало формированию финансовой базы местного самоуправления, а также неустойчивость взаимоотношений Центра и регионов, при которой последние, обладая значительными полномочиями и ресурсами, могли достаточно произвольно толковать и исполнять федеральные законы¹⁸³. Принятие ФЗ «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации» (1997 г.) сделало процесс формирования местных бюджетов более предсказуемым, но в этот период началась практика передачи необеспеченных «федеральных мандатов», при которой на муниципальный уровень перекладывались социальные обязательства федерального центра без соответствующего финансирования данных расходов. Сокращение возможностей местных бюджетов было закреплено вступлением в силу Бюджетного и Налогового кодексов РФ в 1998 и 2000 гг. соответственно¹⁸⁴. Наконец, принятие Федерального закона № 131, а также внесение поправок в Налоговый и Бюджетный кодексы РФ способствовали усилению рецентрализации налоговых доходов и бюджетного давления федерального центра на муниципалитеты.

При этом политическая и финансовая централизация может быть рассмотрена как предпосылка формирования локальных режимов¹⁸⁵.

¹⁸¹ См., например: Zhuravskaya E.V. Incentives to provide local public goods: fiscal federalism, Russian style // *Journal of Public Economics*. 2000. №76. – P. 39.

¹⁸² См., например: Зубаревич Н. Стабилизация без модернизации // *Pro et contra*. 2010. № 3. – С. 87.

¹⁸³ См.: Гельман В. От местного самоуправления к вертикали власти // *Pro et contra*. 2007. № 1. – С. 6–7.

¹⁸⁴ См.: Чернявский А., Вартапетов К. Периодизация реформы муниципальных финансов // *Вопросы экономики*. 2003. № 10. – С. 95.

¹⁸⁵ См.: Ледяев В. Теория городских политических режимов // *Социологический журнал*. 2006. № 3–4. – С. 65.

Во-первых, потому что в этих условиях местная политическая элита часто заинтересована во взаимодействии с бизнесом и в его помощи при решении вопросов городского управления. Во-вторых, из-за естественного стремления местных элит к самостоятельности и отстаиванию собственных интересов перед региональными и федеральными властями.

В качестве другой предпосылки формирования городских политических режимов может выступить смещение политического влияния бизнеса с федерального на региональный и местный уровни. Данное смещение характеризуется исследователями как отношения «обмена» ресурсами, которые предполагают получение фирмами и компаниями поддержки от региональной и/или муниципальной власти в обмен на услуги со стороны бизнеса¹⁸⁶. Все это отражает готовность как политических акторов, так и экономических агентов к сотрудничеству, а, следовательно, и к кросс-секторальной кооперации.

Все это свидетельствует о наличии потенциала для формирования локальных режимов в современной России. Данное замечание актуально не только по отношению к городам с монофункциональной экономикой, где кооперация городских властей и руководителей градообразующего предприятия часто является необходимой, но и по отношению к городам с диверсифицированной экономикой. На это указывает и сохранение значимости неформальных взаимоотношений между тремя уровнями власти и между бизнесом и властью в локальном пространстве.

Список источников и литературы:

1. Гельман В. От местного самоуправления к вертикали власти // *Pro et contra*. – 2007. – № 1. – С. 6–18.
2. Зубаревич Н. Стабилизация без модернизации // *Pro et contra*. – 2010. – № 3. – С. 81–96.
3. Ледяев В. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // *Неприкосновенный запас*. – 2010. – № 2. – С. 23–48.
4. Ледяев В. Теория городских политических режимов // *Социологический журнал*. – 2006. – № 3–4. – С. 46–68.
5. Чернявский А. Периодизация реформы муниципальных финансов / А. Чернявский, К. Варгапетов // *Вопросы экономики*. – 2003. – № 10. – С. 94–107.
6. Яковлев А. Реформы в России глазами бизнеса / А. Яковлев, Т. Фрай // *Pro et contra*. – 2007. – № 4–5. – С. 118–133.
7. Zhuravskaya E.V. Incentives to provide local public goods: fiscal federalism, Russian style // *Journal of Public Economics*. – 2000. – № 76. – P. 337–368.

¹⁸⁶ См.: Яковлев А., Фрай Т. Реформы в России глазами бизнеса // *Pro et contra*. – 2007. № 4–5. – С. 118.

Секция 10. ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Булатова Д.К.

Итоги парламентских выборов 2011 года: региональный аспект

Тюменская область является сложносоставным субъектом, включающим два автономных округа – ХМАО и ЯНАО. В каждом из субъектов сформировались свои политические режимы, следовательно, в Тюменской области можно выделить несколько политических и электоральных пространств¹⁸⁷. Подобная картина региона делает необходимым рассмотрение электоральных процессов в каждом из субъектов по отдельности. Мы сосредоточим свое внимание на юге Тюменской области (без автономных округов).

Анализ электоральных предпочтений населения на юге области позволяет выделить несколько типов электората. Прежде всего, это связано с размежеванием по линии город-село. Зависимость электоральных предпочтений от уровня урбанизации территорий подчеркивается многими учеными, исследующими географию голосования. Так, на протяжении 1990-х годов Тюменская область относилась к регионам классического типа голосования: сельский электорат был преимущественно левым, а городской – правым¹⁸⁸. Но последние электоральные циклы демонстрируют наличие инверсионного типа голосования, когда город превращается в главную основу левой и либерально-патриотической оппозиции, а село становится главной электоральной основой центристской партии власти¹⁸⁹.

¹⁸⁷ Для сравнения, показатели партии «Единая Россия» на выборах в Государственную думу 4 февраля 2011 года в ЯНАО составляют 71,6 %, в ХМАО – 41 %, в Тюменской области – 62,2 %.

¹⁸⁸ Жидкин А.П. Электоральное поведение городских и сельских жителей России // Вестник Московского университета, сер. 5, 2002, № 1. – С. 47–54.

¹⁸⁹ Например, на выборах депутатов Государственной Думы в 2011 году в городах юга Тюменской области «Единая Россия» нашла поддержку около 50 % избирателей, в то время как на селе поддержка данной партии составила 81 %/

Существующее различие хорошо демонстрирует распределение участковых избирательных комиссий (УИК) в зависимости от явки. Для нашего случая распределение является нормальным, если график имеет только одну моду; 68 % случаев (количество УИК) распределяются вокруг среднего значения признака (средний показатель явки) и частота проявления признака (количество УИК) симметрично убывает по направлению к предельным значениям ряда (0 % и 100 % явка). Таким образом, график должен иметь вид холма¹⁹⁰.

На парламентских выборах 2011 года города в целом показали нормальное распределение, а сельские районы продемонстрировали его отсутствие (рис. 1). Таким образом, участие горожан в выборах отличается более независимым характером, в то время как село является зоной повышенного административного контроля.

Рисунок 1

Помимо традиционного для России размежевания город-село территорию Тюменской области можно поделить на разные зоны в зависимости от людности городов. Так, из 5 городов юга области 4 относятся к малым городам (Ишим, Тобольск, Ялуторовск, Заводоуковск) и 1 – к крупным (Тюмень). Сравним итоги выборов в Государственную Думу РФ в городе Тюмени, других городах области и селах области. Для сравнения будем использовать данные итоговых протоколов по выборам депутатов Государственной Думы 2007 и 2011 годов в Тюменской области¹⁹¹, коэффициент

¹⁹⁰ Попова О.В. Политический анализ и прогнозирование: Учебник / О. В. Попова. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 464 с.

¹⁹¹ Данные итогов выборов Депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва в Тюменской области. URL: http://www.tyumen.vybory.izbirkom.ru/region/region/tyumen?action=show&root=1000141&tvd=100100028713449&vrn=100100028713299®ion=72&global=1&sub_region=72&prver=0&pronetvd=null&vivid=100100028713449&type=233.

корреляции между голосованием за политические партии и явкой избирателей (R) (табл.1). В анализе представлены четыре политические партии как наиболее устойчивые в партийном пространстве на протяжении нескольких электоральных циклов.

Таблица 1

	«ЕР», %	«КПРФ», %	«ЛДПР», %	«СР», %	явка	R «ЕР»	R «КПРФ»	R «ЛДПР»	R «СР»	года
Сельские районы	86,5	3,8	4,6	1,9	93,5	0,58	-0,41	-0,49	-0,54	2007
	81,7	5,8	7,1	3,6	89,9	0,65	-0,63	-0,56	-0,44	2011
Малые города	67,8	9,7	12,2	4,8	71,5	0,2	-0,37	0,13	-0,28	2007
	50,8	15,6	19,1	9,8	61	0,68	-0,68	-0,57	-0,48	2011
Город Тюмень	63,3	8,3	13,8	5,7	76,5	0,27	-0,1	-0,37	-0,1	2007
	47	15,9	19,3	10,5	74,9	0,41	-0,34	-0,45	-0,2	2011

Из проведенного анализа можно сделать несколько выводов. Во-первых, в Тюменской области партия власти пользуется достаточно высоким уровнем поддержки: на парламентских выборах последних электоральных циклов процент голосов, полученных «Единой Россией» в области, выше, чем в среднем по России¹⁹². По оценкам исследователей партийного поля региона, «Единая Россия» располагает большим административным капиталом: она имеет беспрецедентный доступ к административным ресурсам и механизм принятия решений¹⁹³.

Во-вторых, тенденцией последних выборов депутатов Государственной Думы является падение уровня поддержки партии «Единая Россия» и, соответственно, роста уровня поддержки других партий. В этом свете обращает на себя внимания данные корреляционного анализа. Коэффициент корреляции находится в диапазоне от – 1 до 1 и оценивает близость двух независимых признаков – в нашем случае голосование за политические партии и явку избирателей. При естественном голосовании (без применения административного ресурса) не должно существовать зависимости между признаками. Соответственно, чем ближе коэффициент к 1, тем больше связь между ними. В 2007 году заметная положительная связь между

¹⁹² Так, в 2003, 2007 и 2011 гг. по России партия «Единая Россия» получила 37,57 %, 64,3 % и 49,32 %. В Тюменской области ее результаты составили 49,66 %, 73,57 % и 62,2 % соответственно.

¹⁹³ Семенов А.В. Эволюция межпартийной конкуренции в Тюменской области (2005-2008 гг.) // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах / Под ред. Ю.Г. Коргунока, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой – М., «КМК», 2010. – 212 с.

голосованием за партию «Единая Россия» и явкой и заметная отрицательная связь между голосованием за партии «ЛДПР», «Справедливая Россия», «КПРФ» и явкой наблюдалась только в сельских районах. Таким образом, еще раз подтверждается, что сельские районы области находятся в зоне высокого административного контроля, обеспечивая высокие результаты партии власти, не в последнюю очередь, за счет искусственного оттока голосов оппозиционных партий.

В 2011 году коэффициент корреляции между партией «Единая Россия» и явкой значительно возрос не только в селах, но и в городах. Также стала заметной отрицательной связь между оппозиционными партиями и явкой. Можно предположить, что за четыре года среди относительно лояльных городских избирателей снизился уровень поддержки партии власти, поэтому, для обеспечения 50%-го уровня поддержки «Единой России» властным структурам пришлось усилить административное воздействие на электоральный процесс в городах. В городе Тюмени коэффициент корреляции имеет умеренное значение, поэтому можно предположить, что в областном центре горожане более лояльно относятся к правящей партии, поэтому на них пришлось меньше давить.

Подведем итоги. Выборы 2011 года выявили важную тенденцию: в Тюменской области произошло снижение уровня поддержки «партии власти» (на 17 % в городах и на 5 % в селах). По сравнению со среднероссийскими показателями в области результаты «Единой России» оказались неплохими, но это было достигнуто в основном благодаря уже ставшему традиционным влиянию со стороны властных структур в селах и усилению административного влияния в городах. Если четыре года назад итоги выборов показывали относительно реальную поддержку партии власти среди горожан области (65 %), то в 2011 году (50 %) – это уже результат электоральной управляемости региона. Следовательно, падение уровня поддержки партии власти намного больше, чем следует из официальных данных.

Список источников и литературы:

1. Данные итогов выборов Депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации шестого созыва в Тюменской области. URL: http://www.tyumen.vybory.izbirkom.ru/region/region/tyumen?action=show&root=1000141&tvd=100100028713449&vrn=100100028713299®ion=72&global=1&sub_region=72&prver=0&pronetvd=null&vibid=100100028713449&type=233.

2. Жидкин А.П. Электоральное поведение городских и сельских жителей России // Вестник Московского университета, сер. 5, 2002, № 1. – С. 47–54.

3. Попова О.В. Политический анализ и прогнозирование: Учебник / О.В. Попова. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 464 с.

4. Семенов А.В. Эволюция межпартийной конкуренции в Тюменской области (2005–2008 гг.) // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах / Под ред. Ю.Г. Коргунока, Е.Ю. Мелешкиной, Г.М. Михалевой – М., «КМК», 2010. – 212 с.

Петрова Р.И.

Российские праймериз в зеркале американской электоральной политики

В современной российской политической практике всё чаще начинают использовать такую процедуру как праймериз. Праймериз – тип предварительного голосования, в котором избираются кандидаты от партии или политического движения для участия в основных выборах¹⁹⁴. Нужно отметить, что праймериз является механизмом американской демократии, которые впервые были проведены в 1842 году.

В России еще не накоплено такой практической основы проведения праймериз как в США, но, тем не менее, последняя парламентская электоральная кампания свидетельствует о том, что вполне вероятны закрепление и институционализация праймериз в политической системе.

Для того чтобы, лучше понять принципы и механизмы работы праймериз в России, следует обратиться к истории и причинам появления предварительных выборов в США, а также рассмотреть возможные виды и способы функционирования института праймериз.

Как уже было написано выше, первичные выборы или праймериз – процедура предварительного голосования, возникшая в США, в ходе которой выбирают кандидатов на основные выборы. Первые первичные выборы были проведены в 1842 году в штате Пенсильвания. В дальнейшем, это переросло в масштабную реформу в американской политике, которая была разработана в «страстных демократических дебатах»¹⁹⁵. Целью этой реформы было забрать власть у партийных боссов и отдать её народу.

Первый закон о праймериз был принят в штате Флорида в 1901 году, а в 1905 – в штате Висконсин, где были предусмотрены прямые выборы делегатов на национальных съездах партии. Штат Орегон в 1910 г. был первым, который принял закон о «льготном» праймериз, где избиратели голосовали за своих кандидатов и за делегатов съезда отдельно. К 1912 году в 21 штате

¹⁹⁴ Nelson W. Polsby, Aaron Wildavsky, Steven Schier, David Hopkins. Presidential Elections: Strategies and Structures of American Politics. – Maryland, 2010. – P. 24.

¹⁹⁵ Kendall, Kathleen E. Communication in the Presidential Primaries: Candidates and the Media, 1912-2000. – Westport, 2000. – P. 4.

работал закон о праймериз¹⁹⁶. Однако, уже после окончания первой мировой войны партийные лидеры, увидев в предварительных выборах угрозу своей власти, убедили законодательную власть штатов отменить эти выборы из-за того, что они обходились слишком дорого и что число участвующих в них людей было невелико. По оценке А. Варе (A. Ware), к 1936 году приблизительно лишь в десяти штатах проводились предварительные выборы¹⁹⁷.

Демократические тенденции возобновились после окончания Второй мировой войны, из-за возросших коммуникационных технологий. Проведенные впоследствии Демократической политической партией реформы положили начало процессу демократизации порядка выдвижения политическими партиями своих кандидатов на пост президента. В 1968 г. национальный съезд Демократической партии решительно потребовал увеличить количество праймериз. Примеру демократов последовала и Республиканская партия. В последующие десятилетия, как пишет В. Согрин, праймериз утвердились в подавляющем большинстве штатов, так что волеизъявление рядовых избирателей стало предопределять выдвижение кандидатов в президенты¹⁹⁸.

Система праймериз предполагает широкое участие избирателей в выражении своего мнения о том, кто должен представлять партию на следующих выборах. Важно отметить, что многие штаты достаточно часто меняют способ, которым они проводят свои праймериз. Но в основном выделяют: открытые и закрытые праймериз, полужакрытые и «топ-два» (двое лучших).

В открытых праймериз любой избиратель может проголосовать за любого понравившегося ему кандидата. Некоторые из штатов, проводящие открытые праймериз, не требуют регистрации в партии, однако открытые праймериз запрещают избирателям голосовать сначала в одном месте, потом в другом. Хотя, по оценке наблюдателей, за этим нередко трудно проследить¹⁹⁹.

Формально, принимать участие в закрытых праймериз могут только избиратели, зарегистрированные в данной партии. Но, как отмечают эксперты, есть нюансы²⁰⁰. Так, партии имеют возможность пригласить беспартийных избирателей. Однако, как правило, независимые избиратели полностью исключены из процесса.

¹⁹⁶ Kendall, Kathleen E. *Communication in the Presidential Primaries: Candidates and the Media, 1912-2000*. – Westport, 2000. – P. 5.

¹⁹⁷ Alan Ware *The American direct primary: party institutionalization and transformation*. – Cambridge, 2002. – P. 116.

¹⁹⁸ В.В. Согрин *Политическая власть в США: характер и исторические этапы*// Новая и новейшая история. – М., 2004. – Вып. № 2.

¹⁹⁹ Сайт The Center for Voting and Democracy. *Congressional Primaries: Open, Closed, Semi-Closed, and “Top Two”* [электронный ресурс] URL: <http://www.fairvote.org/congressional-and-presidential-primaries-open-closed-semi-closed-and-top-two> (дата обращения 10.02.2012).

²⁰⁰ Сайт The Center for Voting and Democracy. *Congressional Primaries: Open, Closed, Semi-Closed, and “Top Two”* [электронный ресурс] URL: <http://www.fairvote.org/congressional-and-presidential-primaries-open-closed-semi-closed-and-top-two> (дата обращения 10.02.2012).

В полузакрытых праймериз независимые избиратели могут самостоятельно определять, за кого из партии голосовать, но избиратели, зарегистрированные в партии, могут голосовать только за кандидатов из этой партии. Фактически полузакрытые праймериз – это компромисс между исключением независимых избирателей из голосования и абсолютно свободными открытыми праймериз.

Еще один тип предварительного голосования называется «двое лучших» (toptwo) или беспартийные праймериз. Этот метод ставит всех кандидатов независимо от их партийной принадлежности в один избирательный бюллетень. Двое лучших кандидатов, набравших большинство голосов, будут уже соревноваться на всеобщих выборах. Таким образом, праймериз прочно укоренились в американской политической системе и стали одним из её демократических механизмов.

Отличие от США, где история проведения праймериз насчитывает более ста лет, в Российской политической практике эта процедура является новой и только начинает проходить этап институционализации. Впервые предварительные выборы провела партия «Единая Россия» в 2007 году накануне выборов депутатов Государственной Думы пятого созыва. Второй раз внутрипартийные праймериз на парламентских выборах «партия власти» провела в 2011 г. Последние праймериз были более масштабными, при этом ситуация отличалась от 2007 г. еще и тем, что участником праймериз стал формируемый в целях электоральной мобилизации избирателей Общероссийский народный фронт.

Проводя параллели между американскими и российскими праймериз следует подчеркнуть, что вероятно, рано говорить об успешном функционировании и полной институционализации российских праймериз. Взять, к примеру, инициативу создания новой процедуры. В Америке эта инициатива шла «снизу», от регионалов мэра штата. И праймериз в США тесным образом связаны с функционированием институтов федерализма и демократии. В России инициатива принадлежала федералам, а лидер правящей партии, один из дуумвиратов, премьер В.В. Путин, даже грозился сделать эту процедуру обязательной. Очевидно, что инициатива «Единой России» не получила поддержки в других партиях.

Организация праймериз летом 2011 в регионах России, в частности в Пермском крае, была крайне непрозрачной и далеко не демократичной²⁰¹. Общественные оценки праймериз ставили под сомнение демократичность всей их процедуры. Американские праймериз предполагают широкий спектр видов проведения праймериз, где каждый штат определяет, какой

²⁰¹ Описание процедур праймериз и составления электоральных списков в Пермском крае в 2011 г.: Борисова Н.В. Пермский край и июле-августе 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: http://monitoring.carnegie.ru/2011/09/perm/borisova-7_8-2011/ (дата обращения 15.03.2012).

тип выбрать. В России на данный момент есть только один вариант проведения праймериз, по сути, это закрытые праймериз. Такое единообразие не способствует плюральности партийной политики, а также не является ресурсом для «оживления» институтов федерализма.

Список источников и литературы.

1. Nelson W. Polsby, Aaron Wildavsky, Steven Schier, David Hopkins. Presidential Elections: Strategies and Structures of American Politics. – Maryland, 2010.
2. Alan Ware. The American direct primary: party institutionalization and transformation in the North.- Cambridge, 2002.
3. Congressional Primaries: Open, Closed, Semi-Closed, and “Top Two” Analysis [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fairvote.org/congressional-primaries-open-closed-semi-closed-and-top-two> (дата обращения 05.02.2012).
4. Kendall, Kathleen E. Communication in the Presidential Primaries: Candidates and the Media, 1912-2000. – Westport, 2000.
5. The Primaries [Электронный ресурс] URL: <http://www.historylearningsite.co.uk/primaries.htm> (дата обращения 10.03.2012).
6. C. Edward Merriam Primary election: A study of the history and tendencies of primary election legislation. – Chicago, 1909.
7. Сайт The Center for Voting and Democracy. Congressional Primaries: Open, Closed, Semi-Closed, and “Top Two” [электронный ресурс] URL: <http://www.fairvote.org/congressional-and-presidential-primaries-open-closed-semi-closed-and-top-two> (дата обращения 10.02.2012).
8. Описание процедур праймериз и составления электоральных списков в Пермском крае в 2011 г.: Борисова Н.В. Пермский край и июле-августе 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: http://monitoring.carnegie.ru/2011/09/perm/borisova-7_8-2011/ (дата обращения 15.03.2012).
9. Согрин В.В. Политическая власть в США: характер и исторические этапы// Новая и новейшая история. – М., 2004. – Вып. № 2.

Шарова Е.А.

Географические особенности поведения электората Пермского края

Выборы как наиболее адекватный способ выражения политической воли граждан играют все большую роль в жизни нашего общества. В связи с этим встает вопрос об изучении поведения избирателей как на федеральном, так и на региональном уровнях.

По Сергеевой И. Н., электоральное поведение – это обусловленная особенностями политической культуры общества деятельность отдельных избирате-

лей и электората в целом по определению и осуществлению электорального выбора, посредством которого осуществляется принцип народовластия²⁰².

В настоящее время изучение особенностей электорального поведения позволяет многое узнать о сущности политической системы и процессах социальных и политических изменений, а также выявить в каждом субъекте Российской Федерации какие-либо особенности поведения избирателей на выборах.

Пермский край можно назвать уникальным регионом, потому что находится на стыке Европы и Азии, следовательно, на пересечении транспортных и религиозных путей. Прикамье развито во многих сферах деятельности, в том числе политической.

Как отмечает С.В. Неганов, первым, что бросается в глаза при рассмотрении политического портрета Пермского края, является высокий уровень демократичности регионального политического режима²⁰³. Для региона характерна политическая стабильность. Пермский край, как самодостаточный регион, живет без громких политических баталий²⁰⁴.

С точки зрения А.М. Коробейникова, оценку политической структуры можно дать путем анализа поддержки избирателями основных идеологических систем, представляемых на выборах, как правило, несколькими политическими партиями или блоками. В тезисах доклада по политическому атласу Пермского края на основе кластерного анализа совокупности политических объединений, принимавших участие в выборах в Государственную Думу России в течение 1993–2007 годов, он выделил следующие группы, отражающее принадлежность участников выборов к определенной идеологической системе:

- 1) демократические (либеральные, правые);
- 2) коммунистические (левые);
- 3) национал-популистские;
- 4) парацентристские политические партии, объединения и избирательные блоки;
- 5) в пятую группу вошли мелкие партии и блоки (названные маргинальными), которые не имеют своего политического лица и мало кому известны.

Поддержка избирателями Пермского края этих основных групп политических партий и объединений, характеризует реально сложившуюся политическую структуру электората²⁰⁵.

²⁰² Сергеева И.Н. Экономические и социально-демографические факторы, влияющие на электоральное поведение граждан в субъектах Российской Федерации. Автореф. дис. на соиск. учен. ст. к. полит. н. – Чита, 2004. – С. 11.

²⁰³ Неганов С. В. Пермская область: политический портрет региона и развитие политической науки // ПОЛИС. 2005. № 5. – С. 41.

²⁰⁴ Пермь политическая /Отв. ред. Л.А. Фадеева. – Пермь: Издательство «Пушка», 2004. – С. 65.

²⁰⁵ Коробейников А.М. Особенности региональной политической ситуации в Пермском крае. Тезисы доклада Президиуме ПНЦ УрО РАН, 30 сентября 2009 г.

В диссертационной работе Ю.В. Семеновой²⁰⁶ и в тезисах доклада А.М. Коробейникова²⁰⁷ представлена электоральная типология муниципальных образований Пермского края, согласно которой они подразделены на 7 типов, которые отличаются политическими особенностями электората.

Первый тип – *демо-центристский* – включает город Пермь и Добрянский и Краснокамский районы. Это занимающие центральное географическое положение, высокоразвитые в экономическом и социальном отношении высокоурбанизированные территориальные системы, выполняющие многообразные функции, с хорошо образованным населением. Наибольший политический вес в этих муниципальных образованиях имеют парацентристы – 42 %. Среднее число голосов, отданных за партии демократической направленности, составляет около 24 %. Число сторонников национал-популистов и коммунистов составляет 18 и 12 % соответственно. Именно городское население голосует за те партии и движения, которые ставят своей целью защищать социально-экономические интересы и демократические свободы граждан, обеспечивать достойный уровень жизни и самореализацию граждан. Демократические партии акцентируют свое внимание на поддержке среднего класса и привлечении молодежи, посредством проведения различных мероприятий.

Второй тип – *демо-национал-центристский* – образовали семь муниципалитетов: города Кудымкар и Соликамск, а также Гремячинский, Губахинский, Ильинский, Нытвенский и Пермский районы. Данные муниципальные образования являются ближайшими соседями регионального центра или сами выступают в качестве центров второго порядка. Это, как правило (за исключением аграрного Ильинского района), среднеразвитые в социально-экономическом плане высокоурбанизированные индустриальные территории, выполняющие довольно разнообразные функции, с достаточно образованным населением. Наибольший политический интерес у местного электората вызван партиями и блоками парацентристского толка – 48 %. Это говорит о том, что достигнутый результат является, в большей степени, следствием высокого рейтинга президента РФ, открыто поддерживающего парацентристов. Среднее число голосов отдано за партии и блоки национал-популистов – около 18 % – в основном это недовольный маргинальный электорат – и за демократические партии – более 17 % – образованное население, стремящееся к новым тенденциям в развитии районов и края в целом.

Третий тип – *национал-демо-центристский*. К данному типу принадлежат семь муниципальных образований: город Березники, Горнозаводский, Осинский, Соликамский, Усольский, Чердынский и Гайнский районы. Это

²⁰⁶ Семенова Ю. В. Электорально-географическая динамика в Пермском крае в период становления и укрепления «вертикали власти». Дис. на соиск. учен. ст. магистра географии. – Пермь, 2009.

²⁰⁷ Коробейников А.М. Особенности региональной политической ситуации в Пермском крае. Тезисы доклада Президиуме ПНЦ УрО РАН, 30 сентября 2009 г.

преимущественно северные лесопромышленные территории, среди которых выделяются город Березники с довольно диверсифицированной промышленностью и Осинский нефтедобывающий район. Это, по большей части (за исключением относительно высокоразвитого города Березники), территории со средним или несколько ниже среднего уровнем социального и экономического развития, повышенным или средним уровнем урбанизации, индустриальные, выполняющие довольно широкий набор функций, преимущественно со среднеобразованным населением. У данной территории также существует тенденция голосования за парацентристов, однако именно в таких условиях формируется протестный электорат. Избиратели либо еще не определились в своих политических предпочтениях, либо недовольны социально-экономическими условиями жизни. Они находят отклик в программах, лозунгах и призывах национал-популистских партий и блоков. Электорат с более высоким уровнем образования и доходов, на данных территориях, предпочитает демократические партии и блоки.

Четвертый тип – *национал-центристский* – представляют восемь муниципальных образований: город Кунгур, Александровский, Еловский, Кизеловский, Красновишерский, Лысьвенский, Чайковский и Чусовской районы. К этому типу принадлежат территориальные системы со средним или ниже среднего уровнем социально-экономического развития, индустриальные или индустриально-аграрные, с относительно небольшим числом выполняемых функций, со среднеобразованным (за исключением Чайковского района) населением. Основную долю голосов получает партия власти – почти 48 %. В качестве электората национал-популистов в данных районах могут выступать жители депрессивных районов с высоким уровнем безработицы, сложной социально-экономической ситуацией и миграционным оттоком квалифицированных кадров. Или оппозиционно-настроенное население небольших городов – центров легкой и пищевой промышленности.

Пятый тип – *центристский* – включает всего два муниципальных района – Берёзовский и Частинский. Это территории с пониженным уровнем социального и экономического развития, аграрно-индустриальные, с незначительным набором выполняемых функций. Уровень образования населения, проживающего в этих районах, сравнительно низкий. Основное население отдает предпочтение парацентристским партиям и блокам – 60 % голосов избирателей. Это типичные районы поддержки партии власти и сильного влияния административного ресурса.

Шестой тип – *национал-коммуно-центристский* – образовали 19 муниципалитетов: ЗАТО Звёздный, а также Большесосновский, Верещагинский, Карагайский, Кишертский, Кудинский, Кунгурский, Октябрьский, Ординский, Оханский, Очёрский, Сивинский, Суксунский, Уинский, Чернушинский, Косинский, Кочёвский, Юрлинский и Юсьвинский районы. Территориальные системы этого типа (исключая ЗАТО Звёздный) характеризуются по

большей части пониженным или низким уровнем социально-экономического развития, это слабоурбанизированные, аграрные или аграрно-индустриальные районы с малым числом выполняемых функций (кроме Верещагинского и Чернушинского районов). Уровень образования населения ниже среднего или низкий. Население этой территории также отдает предпочтение парацентристским партиям. Население, не согласное с этой тенденцией, отдает предпочтение национал-популистам. В условиях сохранения явной сельскохозяйственной направленности территорий, электорат в силу советского воспитания и традиционализма в голосовании (отголоски «Красного пояса» в Пермском крае) сохраняет приверженность к коммунистическим партиям.

Седьмой тип – *коммуно-центристский*. Сюда входят два национальных района: Бардымский и Кудымкарский. Это слабообразованные в экономическом и социальном отношении районы, без городского населения, аграрные, с незначительным набором выполняемых функций. Уровень образования населения низкий. В электоральных предпочтениях высока доля голосов за парацентристские партии – 58 %. Кроме того, местное население этих районов более традиционно и консервативно, охотно отдает свои голоса за коммунистические партии и движения, которые отстаивают интересы сельской местности и продвигают реформы в области сельского хозяйства. Низка доля электората национал-популистских партий.

Таким образом, изучение поведения избирателей позволяет выделить электоральные группы «типичных» сторонников политических объединений, программ, конкретных кандидатов и выявить их территориальную дифференциацию. Электоральное поведение как некая форма взаимодействия человека с политической реальностью позволяет дать оценку политической структуре как на федеральном, так и на региональном уровнях. Это понятие крайне важно при прогнозировании и анализе результатов выборов.

Список источников и литературы:

1. Коробейников А.М. Особенности региональной политической ситуации в Пермском крае. Тезисы доклада на Президиуме ПНЦ УрО РАН, 30 сентября 2009 г.
2. Неганов С.В. Пермская область: политический портрет региона и развитие политической науки // ПОЛИС.2005. № 5. – С. 41–47.
3. Пермь политическая /Отв. ред. Л.А. Фадеева. – Пермь: Издательство «Пушка», 2004. – 237 с.
4. Семенова Ю.В. Электорально-географическая динамика в Пермском крае в период становления и укрепления «вертикали власти». Дис. на соиск. учен. ст. магистра географии. – Пермь, 2009. – 83 с.
5. Сергеева И.Н. Экономические и социально-демографические факторы, влияющие на электоральное поведение граждан в субъектах Российской Федерации. Автореф. дис. на соиск. учен. ст. к. полит. н. – Чита, 2004. – 28 с.

Европейское видение российских выборов 2011-2012

Недавно завершившийся электоральный цикл в России стал самым об-суждаемым событием этого года. Нарастание оппозиционных настроений накануне выборов депутатов в Государственную Думу V созыва способство-вало появлению интриги, которой не наблюдалось в РФ с 90-х годов. Надеж-ды на перемены оправдались – впервые за последнее десятилетие «правящая партия» не получила ожидаемых голосов, и как следствие желаемых мест в парламенте. Но в ходе выборного процесса обнаружилась масса нарушений и фальсификаций, поставивших под сомнение его итоги. Это способствовало усилению протестных настроений и активизировало гражданскую активность, которая была направлена на организацию механизмов контроля на предстоя-щих выборах Президента РФ. Тем не менее, административный ресурс и дру-гие элементы воздействия на электорат обеспечили победу кандидату Кремля.

Предвыборная кампания освещалась известнейшими мировыми изда-ниями, а также центральными телеканалами западных стран. Европейские публицисты писали, что в России просыпается гражданское общество, и власти придется идти ему на уступки.

4 декабря Запад увидел, что российская элита не собирается считаться с мнением народа: серверы свободных СМИ и ЖЖ подверглись массовым DOS-атакам, фальсифицированные выборы признали честными и спра-ведливыми, а митинг против властей выдали за фестиваль ложек. Выборы Президента не изменили сложившейся ситуации: электорат практически отстранили от формирования судьбы государства.

В Великобритании российскую демократию похоронили сразу же²⁰⁸. Остальная Европа в негодовании обращалась к русским политологам, оп-позиции и наблюдала за митингами в тридцатиградусный мороз. Непони-мание ситуации и неспособность принять ее как таковую вылилось во мно-жество публикаций в СМИ и ЖЖ. К

В докладе будет рассмотрено, какие же еще надежды на демократию в РФ возлагала Европа, как она приняла итоги выборов в России, и в каком свете ей теперь видится государство-партнер.

Список источников и литературы:

1. Гельман В.Я. Трещины в стене // ProetContra. – 2012. – т. 16. – № 1–2. – С. 94–115.
2. Голосов Г.В. Электоральный авторитаризм в России // ProetContra. – 2008. – № 1. – С. 22–35.
3. Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволуция. – М., 2011.

²⁰⁸ Похороны российской демократии. <http://www.youtube.com/watch?v=p6pRuAX8dNc>

Секция 11. СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Ефремова В.Н.

Этапы трансформации символической политики государственных праздников в современной России

Поскольку любая символическая политика является частью деятельности политических акторов и основана на «символической борьбе за навязывание легитимного видения мира»²⁰⁹, ее генезис, в первую очередь, связан с изменениями проводимого политического курса. Иными словами, в каком ключе господствующим группам удастся воспроизвести собственные привилегированные позиции, а также конфликтный потенциал тех, кто пытается изменить сложившееся *status quo*.

С другой стороны, сохранение и укрепление существующих институтов (в широком смысле) определяется «характером социальной инерции (*общества – В.Е.*), поддерживаемый сознательно передаваемой традицией»²¹⁰, которая претендует на символическое основание (в т. ч. *выживаемость*) для существующего политического режима. Такой традицией является государственный праздник.

В трансформации символической политики государственных праздников современной России в целом можно выделить три этапа. Первый этап, *постперестроечный или либеральный (1991–1999 годы)*, связан с фактическим распадом одного государства и возникновением другого в новых границах и с новым политическим режимом. Для него было характерно

²⁰⁹ Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; – СПб.: Алетейя, 2005. – С. 27.

²¹⁰ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко, пред. и науч. ред В.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С. 38.

утверждение новых политических символов-ориентиров и либеральных ценностей, что нашло отражение в учреждении государственных праздников День принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации (12 июня) и День Конституции (12 декабря). Произошло восстановление религиозного праздника – Рождества Христова. Однако на этом этапе не произошел отказ от государственных праздников Советского Союза (8 Марта, 1 и 2 Мая, 9 Мая, 7 ноября), что было связано с отсутствием разделяемых большинством россиян национальных символов и доверия к новым политическим институтам, продолжающимся влиянием коммунистической партии, а также проблемами сепаратизма, преемственности и универсализма.

Второй этап связан с идеей *нациестроительства (2000 – 2008 годы)*, можно считать символической попыткой «возрождения» России, которая характеризуется стремлением наделить ценностным содержанием государственные праздники. Отправной точкой стала так называемая идеология «консерватизма» партии власти и ее лидера В. Путина. В этот период (в 2004 году) происходит пересмотр существующих государственных праздников: статус таковых теряют День Конституции и годовщина Октябрьской революции (затем переименован в День проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в 1941 году). Новое название получает 12 июня – День России, что окончательно размыло его смысл и ценностное содержание. А символическое использование его смыслов («сильное государство», «держава», «свобода слова» и т. д.) было направлено на международную арену для демонстрации якобы укоренившихся демократических ценностей *новой России*²¹¹. Поздравительные выступления Президента были трансляторами дискурса политической моды, что характеризовалось излишним употреблением и навязыванием концептов «консервативная модернизация» и «суверенная демократия», которые вскоре потеряли свою популярность.

Значимым событием стало утверждение нового праздника – 4 ноября, Дня народного единства, праздника, который был придуман *для* формирования *сверху* новой внутренней идентичности российскому сообществу, его *единения*. Однако отсутствие четкого ценностного обоснования праздника, его слабость привели к тому, что его смысловое поле практически сразу после начала его празднования в 2005 году было оккупировано крайне правым движением «Русский марш», что можно расценивать как обратный эффект «единения» общества.

Мы также склонны выделять отдельно третий этап символической политики государственных праздников, который условно обозначен как *модернизаторский (2008-2012 годы)* и связан с президентством Д. Медведева.

²¹¹ Ефремова В. Новые государственные праздники России и их осмысление в официальном политическом дискурсе / Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2011. № 3 (15). – С. 56.

В тот период при условии внешней преемственности с предыдущим этапом была предпринята слабая попытка реанимировать символическую политику и выстроить «символическое ядро» российской государственности. Им должна была стать категория «Русский мир» (с широким значением – история, русский язык, российская культура, целостность и многообразие), которая использовалась для пояснения смыслового содержания государственных праздников новой России – 12 июня и 4 ноября. Однако эта категория оказалась ценностно слабой, как и предыдущие.

Как мы видим, российская символическая политика государственных праздников является нелинейной, а также сопряжена с преодолением ценностного раскола в российском обществе относительно общих символов-ориентиров и отношением к историческому прошлому. Такое противоречие находит отражение в почитании либеральных (День России, День Конституции РФ), коммунистических (День Победы, День защитника Отечества, Международный женский день, Праздник весны и труда) и религиозных (День народного единства, совпадающий с Днем Казанской иконы Божьей матери) традиций одновременно. Государство в символической борьбе за доминирование смыслов в этой связи оказывается в ситуации жесткой конкуренции с другими политическими акторами, вынуждено корректировать свою позицию и по возможности манипулировать позициями других. Символическая политика в силу борьбы разных политических акторов не является чем-то неизменным: ее трансформация будет продолжаться по мере институционализации одних государственных праздников и постепенного забывания других.

Список источников и литературы:

1. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; – СПб.: Алетейя, 2005. – 288 с.

2. Ефремова В. Новые государственные праздники России и их осмысление в официальном политическом дискурсе / Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2011. № 3 (15). – С. 53–65.

3. Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под ред. О.Ю. Малиновой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 285 с.

4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко, пред. и науч. ред. В.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.

5. Флигстин Н. Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // Экономическая социология: Но-

вые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; Пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2002. – С. 119–156.

6. The Invention of Tradition. Edited by Eric Hobsbawm and Terence Ranger. Cambridge University Press, 1983. – 320 p.

Машина М.В.

«Четыре И» (институты, инфраструктура, инновации, инвестиции) по-тюменски: символическая политика региона в период президентства Дмитрия Медведева

Символическая политика – это особый род политической коммуникации, нацеленный на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов. Символическая политика – это прежде всего действие, выступающие как символ²¹².

А символ, в свою очередь, – это предмет, действие, служащее условным обозначением какого-либо образа, значения, знак, вызывающий одинаковую социальную реакцию, важное средство социального взаимодействия²¹³.

Таким образом, символическая политика – это один из важнейших способов легитимации власти, ее признания народом. Поэтому любая смена политической власти, даже если она происходит в рамках полной преемственности курса, как в случае с В. Путиным и Д. Медведевым (который был провозглашен преемником В. Путина), сопровождается сменой приоритетов символической политики.

Так, при В. Путине главными понятиями, вокруг которых выстраивалась символическая политика, были «суверенная демократия», «нефтяная держава», «стабильность» и т. д. В основу символического позиционирования Д. Медведева легли, так называемые, «Четыре И: институты, инновации, инфраструктура, инвестиции». Главным посылом «Четырех И» стала либерализация как политической, так и экономической сфер. Понимание «либерализации» прежде всего сводилось к созданию «умной экономики», сокращению бюрократического аппарата и введение его подотчетности, развитие образования, внедрение новых образовательных технологий, развитие конкурентоспособности экономики, усовершенствование налогового законодательства и тем самым создание благоприятной для инвестиций среды²¹⁴.

²¹² С.П. Поцелуев. Символическая политика: конселляция понятий для подхода к проблеме // URL: http://personnel.uapa.ru/courses/014_polit_analiz/%CF%E0%E5%EB%F3%E5%E2%20%D1%E8%EC%E2%EE%EB%E8%F7%E5%F1%EA%E0%FF%20%EF%E0%EB%E8%F2%E8%EA%E0.htm.

²¹³ Большой социологический словарь под ред. Г. Осипова // <http://voluntary.ru/dictionary/662/word/simvol>.

²¹⁴ Н. Огай «Четыре «И» Дмитрия Медведева // Портал «RB.RU – российский бизнес». URL: <http://www.rb.ru/article/chetyre-i-dmitriya-medvedeva/5077687.html>.

Все эти меры, с одной стороны, позволили Д. Медведеву действовать в тех институциональных рамках, которые задал В. Путин, сохранить политический курс и тем самым полностью подтвердить свое звание «преемника», которое из номинального стало реальным, а с другой стороны, позволили Д. Медведеву продемонстрировать собственную риторику, которая и стала основой символической политики.

В условиях укрепления федерализма и усиления централизации власти, которые наблюдались в России на протяжении 2000-х гг., политика регионов в той или иной сфере проводилась в точном соответствии с линией, осуществляемой федеральной властью. Все инициативы, принятые в центре, с точностью повторялись на местах. «Принцип зеркала» во многом коснулся и символической политики.

Тюменская область не стала исключением в этом процессе, и символическая политика в период президентства Д. Медведева – это воплощение «Принципа четырех И» на региональном уровне.

1) Институты. В рамках программы «Электронное правительство» в Тюмени увеличилось число государственных и муниципальных услуг, которые можно получить по Интернету. В частности, по Интернету теперь можно участвовать в таких программах, как «Молодая семья» и «Предоставление жилья работникам бюджетной сферы»²¹⁵.

2) Инфраструктура. Главными достижениями в отношении улучшения региональной инфраструктуры стали «Комплексная программа по энергосбережению на 2010–2020 гг.»²¹⁶, «Программа по строительству и реконструкции дорог Тюменской области», в рамках которой была существенно улучшена дорожная инфраструктура города и области²¹⁷, «Программа по развитию Интернет-технологий на территории области», призванная оснастить каждый населенный пункт области публичной точкой доступа в Интернет²¹⁸. Тюмень вообще была объявлена «городом бесплатного Интернета». Суть этого громкого заявления сводится к тому, что центр города, основные туристические места и высшие учебные заведения оснащаются бесплатным Wi-Fi²¹⁹. Кроме того, точками Wi-Fi оснащаются городские автобусы²²⁰.

²¹⁵ Встать в очередь молодые семьи могут теперь через Интернет // Официальный портал администрации г. Тюмени. URL: <http://www.tyumen-city.ru/sobitii/yr2012/mn1/am/14781/>.

²¹⁶ Доклад губернатора В. Якушева на Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России 26.10.2010 // Портал «Портал энергоэффективное энергосбережение». URL: <http://portal-energo.ru/articles/details/id/275>.

²¹⁷ Тюменская область: 10 миллиардов потратят на дороги // Портал «Интернет – издание NewsProm.ru». URL: <http://www.newsprom.ru/news/132221182106288.shtml>.

²¹⁸ Пункты коллективного доступа в сеть Интернет на территории Тюменской области // Сайт областной Программы «Расширяя горизонты». URL: http://gorizont.admtyumen.ru/rg/rus/info/Internet_access_points.htm.

²¹⁹ Послание губернатора В. Якушева Тюменской областной думе // ИА «Vsluh.ru. Новости Тюмени и региона». URL: <http://www.vsluh.ru/news/politics/238047>.

²²⁰ В автобусах № 30 появился бесплатный Интернет // Портал «Tumix.ru». URL: <http://www.tumix.ru/news/?page=45221>.

3) Инновации. Инновации прежде всего коснулись научных центров Тюменской области. Именно в период с 2008 по 2012 года свою активную деятельность начали Технопарк ТюмГУ²²¹, Технопарк ТюмГНГУ²²² и Западно-Сибирский Инновационный Центр²²³. Вообще «инновационность» в некотором роде стала трендом региональной политики. Так, в одном из интервью в 2010 г. губернатор Тюменской области В. Якушев назвал инновационность в нефтегазовой сфере приоритетом развития экономики Тюменской области²²⁴.

4) Инвестиции. Главными площадками для привлечения инвестиций в область стали спорт и туризм. Именно в этот период в Тюмени стали строиться и вводиться спортивные центры международного уровня: Тюменский центр дзюдо, Центр зимних видов спорта «Жемчужина Сибири» и т. д. Главным достижением инвестиционной политики в сфере туризма стала реконструкция культурных памятников на территории области, в частности, Тобольского кремля, Абалакского монастыря, в сферу обслуживания которых были привлечены частные инвестиции. Вообще главной заслугой инвесторов стало не столько участие в строительстве и восстановлении объектов, сколько в создании инфраструктуры вокруг них. Так, например, рядом с Абалакским монастырем на деньги частных инвесторов был построен для туристов гостиничный комплекс, в который вошли гостиница, трактир и детский городок²²⁵.

Таким образом, мы видим, что при всей своей кажущейся индивидуальности и свободе самовыражения региональная символическая политика напрямую зависит от линии, которой придерживается федеральная власть, и призвана лавировать именно в ее рамках.

Список источников и литературы:

1. Большой социологический словарь под ред. Г. Осипова // <http://voluntary.ru/dictionary/662/word/simvol>.

2. «Будущее Тюменской области – это инновации, ориентированные на нефтегазовый сервис». Из интервью с В. Якушевым, губернатором Тюменс-

²²¹ Сайт технопарка Тюменского государственного университета. URL: <http://www.technopark.utmn.ru/index.php>.

²²² С. Вараш Фабрика мысли: инновации как путь самовыражения. Репортаж о технопарке ТюмГНГУ //Портал «NationalBusiness – портал для руководителей нового поколения». URL: <http://www.fimip.ru/present/regions/1252694577/1277373633/guber/>.

²²³ Сайт Западно-Сибирского инновационного центра. URL: <http://www.tyumen-technopark.ru/>.

²²⁴ Будущее Тюменской области — это инновации, ориентированные на нефтегазовый сервис. Из интервью с В. Якушевым, губернатором Тюменской области //Форум инвесторов и международных инвестиционных проектов. URL: <http://www.fimip.ru/present/regions/1252694577/1277373633/guber/>.

²²⁵ Туристический комплекс «Абалак». URL: <http://abalak.su/>.

кой области // Форум инвесторов и международных инвестиционных проектов. URL: <http://www.fimip.ru/present/regions/1252694577/1277373633/guber/>.

3. В автобусах № 30 появился бесплатный Интернет // Портал «Tumix.ru». URL: <http://www.tumix.ru/news/?page=45221>.

4. Встать в очередь молодые семьи могут теперь через Интернет // Официальный портал администрации г. Тюмени. URL: <http://www.tyumen-city.ru/sobitii/yr2012/mn1/am/14781/>.

5. Доклад губернатора В. Якушева на Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России 26.10.2010 // Портал «Портал энергоэффективное энергосбережение». URL: <http://portal-energo.ru/articles/details/id/275>.

6. Н. Огай «Четыре «И» Дмитрия Медведва // Портал «RB.RU — российский бизнес». URL: <http://www.rb.ru/article/chetyre-i-dmitriya-medvedeva/5077687.html>.

7. Послание губернатора В. Якушева Тюменской областной думе // ИА «Vsluh.ru. Новости Тюмени и региона». URL: <http://www.vsluh.ru/news/politics/238047>.

8. Пункты коллективного доступа в сеть Интернет на территории Тюменской области // Сайт областной Программы «Расширяя горизонты». URL: http://gorizont.admtyumen.ru/rg/rus/info/Internet_access_points.htm.

9. Сайт Западно-Сибирского инновационного центра. URL: <http://www.tyumen-technopark.ru/>.

10. Сайт технопарка Тюменского государственного университета. URL: <http://www.technopark.utmn.ru/index.php>.

11. С. Вараш «Фабрика мысли»: инновации как путь самовыражения». Репортаж о технопарке ТюмГНГУ // Портал «NationalBusiness – портал для руководителей нового поколения». URL: <http://www.fimip.ru/present/regions/1252694577/1277373633/guber/>.

12. С.П. Поцелуев. Символическая политика: конселляция понятий для подхода к проблеме. // URL: http://personnel.uapa.ru/courses/014_polit_analiz/%CF%E6%E5%EB%F3%E5%E2.%20%D1%E8%EC%E2%E6%E8%F7%E5%F1%EA%E0%FF%20%EF%E6%EB%E8%F2%E8%EA%E0.htm.

13. Туристический комплекс «Абалак». URL: <http://abalak.su/>.

14. Тюменская область: 10 миллиардов потратят на дороги // Портал «Интернет-издание NewsProm.ru». URL: <http://www.newsprom.ru/news/132221182106288.shtml>.

Панель: «ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ: GRASSROOTS DEMOCRACY»

Бабинцева Е.В.

Местное сообщество и местное самоуправление: к чему движемся?

Экономические и политические трансформации начала 1990-х годов (повлекшие за собой кризис агропромышленного комплекса, который стал причиной банкротства множества градообразующих предприятий, как производственных, так и сельскохозяйственных) привели к формированию новой системы взаимоотношений на различных уровнях власти. Передача на местный уровень управления объектов социальной сферы, принадлежавших ранее градообразующим предприятиям, в условиях хронического недофинансирования важнейших расходов муниципалитетов явилось условиями формирования нового политико-экономического управления. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», принятый в 2003 году, был призван установить общие правовые, территориальные, организационные и экономические принципы организации местного самоуправления²²⁶. В настоящее время мы можем говорить о том, что реформа местного самоуправления закончилась. Однако для простого населения, никак не связанного непосредственно с управлением поселением, или, например, не занимающим управляющие должности бюджетных учреждений, как директора школ, заведующие детских садов, руководители домов культуры, данный закон так и остался чем-то непонятным.

²²⁶ Местное самоуправление – форма осуществления народом своей власти, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения (из № 131-ФЗ).

В настоящее время много говорят и пишут о гражданском обществе, проблемах его формирования. Интересно посмотреть на гражданскую и политическую активность в разрезе муниципального образования, на примере участия или неучастия местного населения в функционировании местной власти. Рассмотрение муниципального уровня власти, как самого близкого к населению, помогает нам сделать вывод о том, насколько население поселений активно как в отношении гражданской позиции, так и его участие в непосредственном управлении поселением.

Исследование базируется на серию интервью, записанных осенью 2011 года, и включает в себя беседы с разными группами населения Кабанского района республики Бурятия (всего одиннадцать нарративов), а также включенного наблюдения.

На уровне муниципального образования основным «рычагом управления» поселением со стороны местного сообщества является сход граждан. На сходе, при непосредственном участии главы поселения, работников местных администраций и населения, предоставляется информация о состоянии дел в поселении, включая такие важные вопросы, как бюджет поселения (отчет о доходах и расходовании средств, планах на следующий финансовый год), и другие вопросы, входящие в круг компетенций местной власти²²⁷. Интерес к подобного рода отчетностям местной власти очень низкий, приходят только заинтересованные лица, число участников сходов очень мало, и, таким образом, сход – как своего рода публичное пространство для диалога власти и населения – не выполняет своей функции. Иногда численность тех, кто отчитывается за работу Администрации, превышает число слушающих. Однако есть ряд поселений, где местные жители проявляют интерес к работе местной власти (интерес вызван либо усилиями Главы поселения, либо под влиянием авторитета местного духовного лидера).

Жители поселения сами отмечают низкую гражданскую активность населения, очень красочно и точно характеризует это отношение выражение одного из информаторов: *Вам как надо, так вы и делаете!*

Сельское сообщество не политично²²⁸. Население не стремится к участию в жизни и управлении поселением. Местное население практически не связывает состояние различных сфер жизнедеятельности (социальная сфера, образование, жилищно-коммунальное хозяйство) с местным самоуправлением.

Важно отметить, что население не знает законодательства и своих прав, нет точного понимания вертикали власти и возможности прямого или косвенного управления поселением, институт депутатства не развит, сессии

²²⁷ Здесь имеются в виду вопросы местного значения, прописанные в № 131-ФЗ.

²²⁸ Гололобов И.В. Деревня как неполитическое сообщество: социальная (дис)организация мира собственных имен // *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2005. Т. 8. – № 2. – С. 40–49.

проходят номинально, в основном по инициативе Администрации с целью соблюдения всех предписанных законодательством правил.

Эту проблему нужно развивать, необходимо донести для местного общества доступным языком принципы работы муниципальной власти и тем самым показать их возможность политического и гражданского участия в жизни своих сел и деревень.

Список источников и литературы:

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации (Федеральный закон): Правовая библиотека. Вып. № 26. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 96 с. от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ.

2. Гололобов И.В. Деревня как неполитическое сообщество: социальная (дис)организация мира собственных имен // Журнал социологии и социальной антропологии, 2005. – Т. 8. – № 2. – С. 40–49.

Сонич А.М.

Проблемы непосредственного участия граждан в осуществлении местного самоуправления на примере работы территориальных общественных самоуправлений г. Тюмени

С начала 90-х годов XX века система местного самоуправления в России показывает свою институциональную важность для современного общества и государства в целом. Значимость местного самоуправления (МСУ) для сегодняшней России подтверждается, например, тем фактом, что Совет при Президенте Российской Федерации по развитию МСУ возглавляет сам Президент РФ, а его заместителем и одновременно председателем президиума Совета является Председатель Правительства РФ²²⁹. Федеральный закон № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» («О МСУ») обозначает местное самоуправление как форму осуществления народом своей власти, обеспечивающую (...) самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций²³⁰.

²²⁹ См.: Шуба К. Местное самоуправление в современной России: достижения и проблемы // *Власть*. – 2010. – № 8. – С. 65.

²³⁰ ФЗ-131 от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Право на осуществление местного самоуправления является одной из основ конституционного строя России и важным политическим правом каждого гражданина РФ. Закон «О МСУ» представляет ряд форм непосредственного участия граждан в решении вопросов местного значения. Можно выделить две основные группы форм участия населения в МСУ: электоральные и неэлекторальные. Если электоральные формы предполагают участие граждан на время выборов и референдумов, то неэлекторальные (публичные слушания, сход граждан, правотворческая инициатива и т. д.) формы предоставляют населению участвовать в жизни города или иного муниципального образования постоянно, независимо от политического сезона и работы местной легислатуры.

Из ряда форм неэлекторального непосредственного участия граждан в осуществлении МСУ хочется выделить институт территориального местного самоуправления (ТОС). Такая организация граждан является одним из вариантов проявления политической активности и социальной ответственности населения. В соответствии с Федеральным законом «О МСУ» под ТОС понимается «самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения²³¹». Также ТОС можно рассматривать как группу активистов, работающих на общественных началах, в интересах изменения городской среды или отдельного района. Отметим, что ТОС выполняют функции: «посредника» между обществом и государством; активного участника в процессе формирования и развития гражданского общества; представителя инициатив «снизу».

В настоящее время на территории Тюмени функционируют 44 территориальных общественных объединения. Важной особенностью является то, что ТОСы организовываются в основном в отдаленных районах, имеющих недостаточный уровень развития инфраструктуры. В данном случае, целесообразно говорить о местном самоуправлении как об инструменте решения вопросов благоустройства района, чем о проявлении активной политической позиции населения.

Функционирование института ТОС на территории Тюмени имеет определенные особенности как в работе с населением, так и в процессе взаимодействия с органами местного самоуправления. Важно заметить, что ТОСы представляют ряд возможностей в сфере взаимодействия с властью. Например, председатели ТОС учувствуют в работе постоянных комиссий Тюменской городской Думы с правом совещательного голоса, проводят встречи с главой города и другими должностными лицами, участие в конкурсах на получение муниципальных грантов, в работе земельно-градо-

²³¹ ФЗ-131 от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

строительной комиссии города²³². Кроме того, ТОС могут осуществлять хозяйственную деятельность по благоустройству территории, иную хозяйственную деятельность, направленную на удовлетворение социально-бытовых потребностей граждан, проживающих на соответствующей территории²³³.

Рассматривая сферу взаимоотношений муниципальной власти с территориальными организациями граждан, можно обозначить основную проблему так: ТОСы частично не отвечают институциональным основам муниципального самоуправления. Участие граждан в МСУ, как субъектов процесса, подразумевает определенную самостоятельность в действиях и решениях. На практике работа ТОС представляет собой подотчетный процесс перед муниципальными органами власти, проявляющийся как в финансовой зависимости (расходование бюджетных средств и выигранных грандов), так и в основной годовой отчетности о деятельности. Независимость и самостоятельность ТОС проявляется во внутренней работе коллектива ТОС. Следовательно, сделаем вывод, что ТОС, являясь институтом гражданского общества, представляют собой подотчетные структуры муниципальной власти. Не ограничивая в сфере деятельности, органы МСУ жестко обозначили рамки финансовых взаимоотношений с общественными самоуправлениями (целевые гранды), тем самым сформировав основные направления их деятельности.

Заметим, что система ТОС за семнадцать лет существования не смогла привлечь к общественной деятельности значительные массы горожан. Хотя на утвержденных для деятельности органов ТОС территориях проживает около 300 тысяч человек, что составляет более 40 % от всего населения города. Работа самоуправлений остается сферой работы групп заинтересованных и инициативных граждан.

По данным городской администрации, в 2011 году силами ТОС были организованы 300 мероприятий и приняты к финансированию 22 проекта. Основными направлениями деятельности стали мероприятия гражданско-патриотического воспитания, поддержка инвалидов и организация общественных мест отдыха²³⁴.

Несмотря на признание муниципальной властью необходимости работы территориальных самоуправлений, большинство горожан проявляют незаинтересованность в их работе. По данным «Мониторинга общественного мнения», граждане Российской Федерации относятся к непосредственному

²³² Бобров И.В. Территориальные органы самоуправления в системе гражданского общества // Налоги. Инвестиции. Капитал. – 2006. – № 1–3. – С. 195.

²³³ Положение о территориальном общественном самоуправлении в городе Тюмени от 25.11.2005.

²³⁴ Информация Администрации города Тюмени о деятельности органов территориального общественного самоуправления в городе Тюмени в 2011 году.

участию в МСУ с «благожелательным скептицизмом», когда вера в идеалы демократии, востребованность базовых прав и свобод сочетаются с низкой оценкой инструментальных возможностей демократических институтов, их способности обеспечить законность и правопорядок, реализацию социально-экономических прав граждан²³⁵. Другими словами, 68 %²³⁶ россиян не рассматривают местное самоуправление, в частности ТОС, как вариант активного соучастия в жизни района и города.

Таким образом, мы видим, что территориальное общественное самоуправление представляет собой социально-политический институт реализации гражданских инициатив, существующий на добровольной основе жильцов района, при этом не имеющий необходимой поддержки со стороны общества, представителем которого является. Основываясь на выводах, мы можем обозначить проблему, характерную для муниципального уровня власти. При существовании развитых институтов непосредственного участия в самоуправлении, населения проявляет равнодушие к решению территориальных вопросов.

В заключении хочется подвести итог вышесказанному, по своей природе ТОС призваны удовлетворять первичные потребности населения города в безопасной и комфортной среде обитания²³⁷. За время существования гражданского института ТОС доказали свою эффективность и необходимость, но существуют проблемы, решив которые, непосредственное участие граждан в осуществлении МСУ может перейти на новый уровень развития.

Во-первых, проблема взаимодействия с органами муниципальной власти ограничивает ТОС в свободе деятельности, подвергая под сомнения основной принцип МСУ – самостоятельность в решении вопросов местного и территориального значения. На наш взгляд, тюменские общественные самоуправления нуждаются в расширении своих полномочий и рамок доверия со стороны городской администрации, что позволит повысить политический статус членов ТОС.

Во-вторых, проблема недоверия населения к любым формам участия в МСУ и нежелание проявить собственную инициативу в решении территориальных вопросов чревата для Тюмени и для России, в целом, повсеместным снижением уровня гражданской активности. В данном случае, органам муниципальной власти, необходимо проводить ряд мероприятий, направленных на повышение интереса и уровня доверия горожан к подобным самоорганизациям граждан, в частности, за счет широкого освещения успехов их деятельности через средства массовой информации.

²³⁵ Петухов В.В. Местное самоуправление и гражданское участие // Мониторинг общественного мнения. – 2009. – № 2 (90). – С. 26.

²³⁶ Петухов В.В. Там же. – С. 38.

²³⁷ Бобров И.В. Указ.соч. – С. 195.

Поддержка и развитие непосредственной демократии. Опыт Перми, сравнение с другими муниципальными образованиями Российской Федерации

Мной были проведены исследования одной из форм непосредственной демократии. Объектом изучения стал институт территориального общественного самоуправления. Территориальное общественное самоуправление изучалось мной на примере ТОС города Перми. Вторая часть работы заключалась в сравнении полномочий ТОС города Перми с полномочиями ТОС муниципальных образований РФ, численность населения которых близка к численности населения Перми и в которых территориальному общественному самоуправлению уделяется немалое внимание.

На сегодняшний день одно из приоритетных направлений в деятельности городских органов самоуправления – привлечение жителей Перми к активному участию в жизни города, совместному решению городских проблем. Одной из таких форм привлечения жителей является территориальное общественное самоуправление.

Статья 27 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ предусматривает право граждан на самоорганизацию по месту их жительства для самостоятельного осуществления собственных инициатив – создания территориального общественного самоуправления. Статья 12.4 Устава города Перми также предусматривает право граждан на самоорганизацию в форме ТОС. Пермской городской Думой утверждено Положение о территориальном общественном самоуправлении в городе Перми.

Территориальному общественному самоуправлению в Перми 20 лет. Первый ТОС в городе Перми был создан 17 мая 1990 года, ТОС «Вышка 1». У истоков создания ТОС стояли депутаты Пермской городской Думы. Опыт создания системы ТОС на территории города Перми был одним из первых в России. С 1990 по 2000 год активно шел процесс создания ТОС. За этот период в Перми было зарегистрировано 40 организаций (юридические лица). С 2000 года появилось еще 56 ТОС. В настоящее время в Перми 96 ТОС²³⁸.

ТОС в Перми существуют в границах микрорайонов, как в местах частного жилого сектора, так и в местах многоэтажной застройки. Количество жителей в пределах ТОС разное: до 5 000 человек, в 50 % случаев – от 5 000 до 20 000 человек; в редких случаях – более 20 000. Большое число жителей в границах ТОС характерно для многоэтажных жилых

²³⁸ <http://www.glava.perm.ru/news/2011/09/53114/>

массивов. Меньшее количество жителей приходится на ТОСы в частном секторе (здесь стоит отметить, что территориальное общественное самоуправление по Положению осуществляется в пределах следующих территорий проживания граждан: микрорайонов, жилых комплексов; улиц, кварталов, дворов, домов; иных территорий).

В Перми разработаны и применяются меры поддержки территориального общественного самоуправления. Это субсидии из местного бюджета, поддержка в рамках городских целевых программ, решение вопроса с помещениями для работы ТОС.

Выделение субсидий ТОС из бюджета города осуществляется в соответствии с действующим законодательством – Постановление администрации города Перми от 11 июня 2008 года № 534 «Об утверждении порядка предоставления субсидий за счет средств бюджета города Перми общественным организациям». (2007 год – 13.634.800 рублей, 2008 – 15.723.200 рублей, 2009 – 17.216.800 рублей, 2010 – 17.940.900 рублей, 2011 – 20.410.300).

Одной из современных и актуальных задач является эффективное участие жителей в деятельности общественного самоуправления. Главное добиться расширения непосредственного участия граждан во всех сферах местной жизни. Активная гражданская позиция жителей способствует улучшению ситуации в микрорайонах города.

С учетом того, что ТОС – это выборные органы, легитимность принимаемых ими решений и рекомендаций достаточно высока.

Являясь прообразом представительного органа местного самоуправления, система ТОС оказывает серьезную помощь и поддержку депутатскому корпусу и в целом Пермской городской Думе в части осуществления ими своих полномочий и уставных задач.

Проведенные мной исследования дали понять, что ТОС достаточно проблематичное явление. Основные проблемы ТОС города Перми связаны, в первую очередь, с недостаточной активностью жителей, низкой активностью молодежи. О недостаточной активности молодежи говорят проведенные исследования кадрового состава ТОС Перми, в результате которых была получена информация о том, что средний возраст председателя ТОС составляет 52 года, а средний возраст заместителей председателей ТОС – 55 лет.

Сравнительный анализ полномочий ТОС города Перми и других муниципальных образований РФ, проведенный мной, дал понять, что ТОС города Перми наделены большим количеством полномочий, и эти полномочия в большинстве случаев являются рамочными, что дает возможность для более разнонаправленной деятельности ТОС города Перми.

Панель: ИТОГИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЦИКЛА 2011–2012 ГГ.

Кайгородова А.Ф.

Выборы 4 декабря 2011 года: электоральная активность и политические предпочтения избирателей юга Тюменской области

Выборы декабря 2011 г. представляют для исследователей особый интерес в связи с тем, что наметились определенные изменения в голосовании российских избирателей.

При исследовании электоральных процессов важно не забывать о том, что Россия является федерацией, состоящей из отдельных субъектов. В связи с этим, особый интерес представляет юг Тюменской области со своими территориальными, историческими, культурными социально-экономическими и политическими особенностями.

Исследование строилось на основе анализа данных электоральной статистики, представленной на сайте ЦИК РФ и Избирательной комиссии Тюменской области.

В начале необходимо обратить внимание на электоральную активность, которая характеризуется таким показателем, как явка избирателей на выборы. 4 декабря 2011 г. на избирательные участки юга Тюменской области пришло 76,2 % избирателей. Не смотря на то, что на данных выборах Тюменская область была одним из регионов лидеров по явке (в среднем по России данный показатель составил 60,1 %), все же данный показатель ниже, чем на предыдущих выборах депутатов Государственной Думы 2007 г., когда явка избирателей составила 80,5 %.

Не последнее место занимают политические предпочтения в системе электорального участия. По оценке Р.Ф. Туровского, Тюменская область относится к группе регионов-«среднячков», под которыми он понимает

«сравнительно благоприятные» для партии власти регионы», т. е. это те регионы, где электорат лояльно настроен по отношению к партии и политическим лидерам, ассоциируемым с официальным правительственным курсом²³⁹. Данные положения подтверждаются результатами последних выборов. За «Единую Россию» свой голос на выборах в Государственную Думу отдали 62,2 % и на выборах в Тюменскую областную Думу – 54,5 %, что значительно меньше, чем на предыдущих выборах 2007 г.: соответственно 73,6 % и 65,9 %. Данный факт согласуется с общероссийской тенденцией ослабления позиций партии власти. Но, в то же время, данный показатель значительно выше, чем в среднем по России (49,3 %).

На втором месте в регионе находится ЛДПР – за нее было отдано 14,1%, по сравнению с 9,6 % в 2007 г., голосов на федеральных и 18,24 %, по сравнению с 10,8 %, на региональных выборах (данный показатель также выше общероссийского – 11,7 %). Данное положение партии объясняется благоприятной экономической обстановкой в регионе: А. Шишорина отмечает, что при голосовании за ЛДПР значимыми факторами являются социально-экономические, когда занятые избиратели предпочитают отдавать голоса за партию (коэффициент корреляции поддержки ЛДПР и безработицы = -0,43). Помимо этого, важное значение имеет этническое размежевание, соответствующее идеологической платформе партии, когда предпочтение партии отдают русские²⁴⁰.

На третьем месте по электоральному рейтингу КПРФ. В 2011 г. на федеральных выборах рейтинг партии составил 11,7 % против 8,4 % в 2007 г. Необходимо отметить, что рейтинг КПРФ как в 2011, так и в 2007 гг. был ниже общероссийского (в 2011 г. он составил 19,2 %). Что касается выборов в региональное законодательное собрание, то здесь мы также можем отметить тенденцию повышения уровня голосования за КПРФ, причем практически в два раза (13,1 % против 6,7 %).

«Справедливая Россия» получила на выборах в Государственную Думу в 2011 г. 7,4 % (что ниже общероссийского показателя практически в два раза – 13,2 %), в отличие от выборов 2007 г., когда свои голоса отдали лишь 4,1 % избирателя. На выборах в областную Думу партия получила 10,1 %, по сравнению с 2007 – 8,7 %.

Голосование за «Правое дело» и «Патриотов России» на федеральных выборах совпадает с общероссийской тенденцией и составляет 0,6 % и около 1 % соответственно. На выборах в Тюменскую областную Думу данные

²³⁹ Туровский Р.Ф. Политическая география. – М. – Смоленск, 1999. – С. 188.

²⁴⁰ Шишорина А. Анализ результатов парламентских выборов 4 декабря 2011 года в России. URL: http://www.regional-science.ru/wp-content/uploads/2012/01/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F__2011_%D0%A8%D0%B8%D1%88%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3-1_.pdf. С. 12.

партии получили больше голосов избирателей, но данные показатели незначительно выше («Правое дело» – 1 %, «Патриоты России» – 1,5 %). Что касается «Яблока», то его поддержка в регионе ниже, чем в среднем по России: если в Тюменской области данную партию поддерживают только 2 %, то по России таких избирателей 3,4 %. Важно отметить повышение уровня голосования за данную партию по сравнению с 2007 г., когда она не набрала и 1 %. Партия «Яблоко» не принимала участие в выборах в Тюменскую областную Думу.

В заключении можно сказать, что явку на выборы на юге Тюменской области можно охарактеризовать как средневысокую. Несмотря на то, что партия власти сдает свои позиции, в данном регионе они все же остаются достаточно сильными. На втором месте в области располагается ЛДПР. Левые партии имеют меньшее влияние, чем в целом по стране. Но, не смотря на довольно прочные позиции «Единой России», можно наблюдать тенденцию повышения уровня голосования за оппозиционные партии.

Список источников и литературы:

1. Туровский Р.Ф. Политическая география. – М. – Смоленск, 1999.
2. Шишорина А. Анализ результатов парламентских выборов 4 декабря 2011 года в России. URL: <http://www.regional-science.ru/wp-content/uploads/2012/01/%>.
3. Сайт Центральной избирательной комиссии РФ. URL: <http://www.cikrf.ru/>.
4. Сайт Избирательной комиссии Тюменской области. URL: <http://tyumen.izbirkom.ru/way/927536.html>.

Кулапина А.В.

Институт обращений граждан в органы государственной власти в период избирательного процесса: уровень развития в Республике Татарстан

Политическая активность – один из главных механизмов развития правового демократического государства и гражданского общества в Российской Федерации. Происходящие в последние десятилетия социальные преобразования в России вызвали существенную трансформацию ее политической системы. Расширился круг субъектов политической деятельности, изменилась система их отношений. Реализация политических прав и свобод, декларируемых законодательством и Конституцией, была облегчена появлением новых организационных форм, в частности, созданием многопартийной системы в стране, что дало возможность ее гражданам

активно участвовать в политической жизни общества в соответствии с собственными ориентирами. Спектр возможных форм проявления политической активности граждан расширился от институциональных (осуществляемых в рамках законодательства) до неинституциональных.

Политическая активность личности – один из базовых типов социальной активности личности. В соответствии с энциклопедическим политологическим словарем: «Политическая активность – деятельность социальных групп или индивидов, связанная со стремлением усовершенствовать или изменить социально-экономический или политический порядок, социально-экономические или политические институты...»²⁴¹.

Одной из форм проявления политической активности граждан является институт обращений граждан «в государственные органы, органы местного самоуправления и должностным лицам».

Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» определяет обращение через отдельные его виды: «обращение гражданина (далее – обращение), направленное в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу, письменное предложение, заявление или жалоба, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления»²⁴². С точки зрения политологии обращение также можно рассматривать как элемент системы обратной связи в политической системе и как форму влияния гражданина на власть.

Обращения граждан в органы государственной власти являются не самой распространенной формой политической активности среди граждан Российской Федерации. Причиной такого положения вещей является высокий уровень недоверия населения к власти. Источником данной проблемы считается неэффективность и чрезмерная закрытость системы власти. Данные недостатки властной системы России приводят к отсутствию эффективного механизма «обратной связи», что мешает вовремя скорректировать политическую тактику и переориентировать политический курс.

Обращения граждан в органы государственной власти в рамках периода подготовки, проведения и после выборов как конкретная форма политической активности в целом может служить показателем уровня политической активности в регионе.

На основе анализа материалов Центральной избирательной комиссии Республики Татарстан и Центральной избирательной комиссии Российской Федерации были сделаны следующие выводы об интенсивности использования такой формы политической активности, как обращения

²⁴¹ Политология: энциклопедический словарь. – М., 1993. – С. 259.

²⁴² Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Ст. 2. Ч. 1. // СПС «КонсультантПлюс»: Высшая школа. – Выпуск 12. Осень 2009.

в органы государственной власти в рамках периода подготовки, проведения и после выборов в Республике Татарстан.

Во-первых, основную массу обращений составляют жалобы и заявления, такой тип обращений граждан, как предложение, практически не встречается.

Во-вторых, на основе анализа содержания обращений можно выяснить, по каким причинам чаще всего заявители обращаются в избирательные комиссии разного уровня. По статистике за период 2003–2004 годов наиболее распространенными поводами для обращений стали: предвыборная агитация (147 обращений) и организационные вопросы (71 обращение).

В-третьих, в период 2003–2004 годов проводились выборы разных уровней: на пост Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и депутатов Государственного Совета Республики Татарстан. В рамках данного периода при сравнении количества обращений со статусом проводимых выборов прослеживается тенденция снижения количества жалоб и заявлений с повышением уровня выборов.

Таким образом, такая форма политического участия, как обращения граждан в органы государственной власти (в частности, в избирательные комиссии разного уровня), достаточно развита на территории Республики Татарстан и используется ее гражданами с целью реализации и защиты своих прав и интересов. Однако стоит отметить, что более активное участие в реализации данной формы политического участия принимают не избиратели, а либо лично заинтересованные в результатах выборов лица (кандидаты), либо лица, несущие личную ответственность за порядок подготовки и проведения выборов.

Список источников и литературы:

1. Федеральный Закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»: Высшая школа. – Выпуск 12. Осень 2009.

2. Федеральный Закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»: Высшая школа. – Выпуск 12. Осень 2009.

3. Зырянов С. Г. Выборы в Государственную Думу пятого созыва: оценка кампании // Власть. – 2008. – № 5. – С. 86 – 91.

4. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: Сборник учебных материалов / под редакцией Мелешкиной Е. Ю. – М.: Издательство «Весь мир», 2001. – 304 с.

5. Политология: энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. – М.: Publisher, 1993. – 431 с.

6. Подъячев К. В. Обращения граждан в органы государственной власти и местного самоуправления как форма гражданского участия: автореф. дис. ... канд-та полит. наук: 23.00.02 / К. В. Подъячев; Гос ун-т – Высш. шк. эк-ки. – Москва, 2007. – 25 с.

7. Поступившие в Центральную избирательную комиссию обращения. [Электронный ресурс] / Работа с обращениями граждан // Центральная избирательная комиссия республики Татарстан: [информ. сервер]. – Режим доступа: <http://www.tatarstan.izbirkom.ru/way/936657/html>, свободный. Проверено (25.02.2012).

8. Работа с обращениями граждан. [Электронный ресурс] / Центральная избирательная комиссия республики Татарстан: [информ. сервер]. – Режим доступа: <http://www.tatarstan.izbirkom.ru/way/936657/html>, свободный. Проверено (25.02.2012).

Руденкин Д.В.

Участие российской молодежи в выборах органов государственной власти: основные тенденции

Ярко выраженный абсентеизм российской молодежи стал едва ли не общепризнанным фактом среди российских исследователей и политиков. Низкая явка молодежи часто воспринимается как постоянное и неизбежное обстоятельство, сопровождающее выборы любого уровня в России. По-видимому, сложилась даже определенная система ожиданий, исходящая из того, что молодые люди все равно в большинстве своем не придут на избирательные участки в день выборов, и с этим невозможно ничего сделать. О существовании такой системы красноречиво свидетельствуют, например, рассуждения генерального директора ВЦИОМ В.В. Федорова, который, отмечая в целом неожиданно высокий процент явки в молодежной среде на выборы 4 декабря 2011 г., говорил о нем крайне осторожно и предполагал, что объяснение у такой явки может быть чисто случайным²⁴³.

Безусловно, аргументы в пользу таких предположений очень весомы. На протяжении двух десятилетий современной истории России исследования показывают, что молодежь наименее активно принимает участие в выборах органов власти различного уровня. Так, по данным исследований Института социологии РАН за 2009 г., среди россиян среднего и старшего возраста усредненный показатель явки на выборы составляет 48 %, а среди молодых – только 36 %²⁴⁴. К тем же выводам приходили в ходе специальных исследова-

²⁴³ См.: Федоров В.В. Средний класс выходит из окопов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=195&uid=112310>

²⁴⁴ См.: Молодежь новой России: ценностные приоритеты. Доклад ИС РАН. Раздел 5. «Молодежь и политика». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_5_1.html

ний в молодежной среде О.Ю. Дембицкая²⁴⁵, М.К. Горшков и В.Ф. Шереги²⁴⁶, Ю.Р. Вишневецкий и В.Т. Шапко²⁴⁷ и другие авторы. Тем не менее, абсентеизм российской молодежи – довольно сложное явление. Его невозможно выразить простым утверждением, что молодежь страны старается уклониться от участия в выборах. С социологической точки зрения, возможно говорить о нескольких тенденциях, связанных с данной проблемой.

Во-первых, заметно, что показатели явки молодежи на выборы разного уровня принципиально различны. Как и у населения в целом, выборы Президента РФ и депутатов Государственной Думы РФ вызывают в молодежной среде гораздо больший интерес, чем выборы локального значения. Социолог Р.А. Захаркин, сопоставляя данные электоральной статистики за 1995–2008 гг., замечает, что явка на выборах Президента РФ всегда была выше, чем на выборах в Государственную Думу РФ. Причем это характерно и для населения в целом, и для российской молодежи в частности. Пики повышенного и пониженного интереса к тем или иным выборам и в молодежной среде, и среди населения полностью совпадают²⁴⁸.

Во-вторых, сопоставление данных за разные годы показывает, что мотивация для неявки на выборы у молодых россиян с течением времени эволюционировала. Молодежь начала и середины 1990-х гг. часто была склонна объяснять нежелание участвовать в выборах своей неопытностью, неготовностью делать серьезный выбор²⁴⁹. Молодые россияне конца 1990-х гг. и начала 2000-х гг. объясняли свою позицию уже принципиальным недоверием к институту выборов²⁵⁰. В конце 2000-х гг. одной из наиболее важных причин неявки на избирательный участок молодые россияне называли уже простое безразличие к политической жизни страны и относительную незначительность ее для себя лично²⁵¹.

В-третьих, на разных этапах современной истории России разными были и политические силы, которые имели определенную поддержку в молодежной среде, а потому теряли голоса за счет ее неявки на избирательные участки. Исследование социологов Уральского государственного

²⁴⁵ См.: Дембицкая О.Ю. Электоральная активность молодежи // Социологические исследования. 1996. № 12. – С. 116–118.

²⁴⁶ См.: Горшков М.К., Шереги В.Ф. Молодежь России: социологический портрет. – М., 2010. – С. 134.

²⁴⁷ См.: Вишневецкий Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодежи: Учебник. Екатеринбург, 2006 г. – С. 343–344.

²⁴⁸ См.: Захаркин Р.А. Молодежный абсентеизм в России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем востоке. 2010. № 4. С. 112–113.

²⁴⁹ См.: Дембицкая О.Ю. Электоральная активность молодежи // Социологические исследования. 1996. № 12. – С. 117.

²⁵⁰ См.: Якурнова Л.С. Политическая культура студенческой молодежи // Политическая культура и политические процессы в современном мире: методология, опыт эмпирического анализа. Материалы 8-й Международной конференции памяти Л.Н. Когана. Ч. II. – Екатеринбург, 2005. – С. 141–144.

²⁵¹ См.: Молодежь новой России: ценностные приоритеты. Доклад ИС РАН. Раздел 5. «Молодежь и политика». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_5_1.html.

университета показало, что в молодежной среде фактически отсутствовала наиболее популярная политическая сила: примерно равное количество молодых людей были готовы отдать свой голос за экологическое движение (22,8 % поддерживающих), за движение «Демократическая Россия» (22,4 %), за Демократическую партию России (15,8 %) и за движение демократических реформ (14,4 %) ²⁵². Ближе к концу 2000-х гг. партия, которая поддерживается большинством молодежи, появилась. Рейтинги показывают, что ей, как ни странно, стала «Единая Россия» – согласно данным опроса фонда «Общественное мнение» за осень 2010 г., за нее готовы проголосовать сразу 60 % молодых россиян (при том, что средний рейтинг партии составлял в том же опросе только 49 %) ²⁵³.

Таким образом, можно отметить, что сама по себе проблема неявки многих представителей молодежи на избирательные участки остается серьезной на протяжении всей новейшей истории страны. Однако процессы, которые стоят за этой проблемой, отличаются. Если в начале 1990-х гг. молодые россияне часто не приходили на избирательные участки потому, что скептически относились к своей компетентности, то ближе к концу 2000-х гг. многие из них стали просто безразличны к политике. Если в начале 1990-х гг. у молодежи не было доминирующих симпатий к той или иной политической силе и от их неявки на выборы теряли голоса сразу многие партии, то в конце 2000-х гг. основные потери голосов от молодежного абсентеизма, видимо, несет партия «Единая Россия». Наконец, заметно, что колебания явки молодежи на выборы идентичны таким же колебаниям в более старших возрастных группах, хотя в целом молодежь все равно ходит на избирательные участки заметно реже.

Список источников и литературы:

1. Багиров Б.Б., Генин Л.В., Попов В.Г., Руденкин В.Н. Молодежь в условиях российских реформ: эволюция экономических, политических и духовных ориентаций. – Екатеринбург. 1993. – С. 122.
2. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Социология молодежи: Учебник. – Екатеринбург, 2006 г. – С. 430.
3. Горшков М.К., Шереги В.Ф. Молодежь России: социологический портрет. – М., 2010. – С. 592.
4. Дембицкая О.Ю. Электоральная активность молодежи // Социологические исследования. 1996. № 12. – С. 116–118.

²⁵² См.: Багиров Б.Б., Генин Л.В., Попов В.Г., Руденкин В.Н. Молодежь в условиях российских реформ: эволюция экономических, политических и духовных ориентаций. – Екатеринбург. 1993. – С. 58–59.

²⁵³ См.: Социальные настроения российской молодежи: осень 2010 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/d43snrm10.pdf>.

5. Захаркин Р.А. Молодежный абсентеизм в России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 4. – С. 111–114.
6. Молодежь новой России: ценностные приоритеты. Доклад ИС РАН. Раздел 5. «Молодежь и политика». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_5_1.html.
7. Социальные настроения российской молодежи: осень 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bd.fom.ru/pdf/d43snrm10.pdf>.
8. Федоров В.В. Средний класс выходит из окопов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=195&uid=112310>.
9. Якурнова Л. С. Политическая культура студенческой молодежи // Политическая культура и политические процессы в современном мире: методология, опыт эмпирического анализа. Материалы 8-й Международной конференции памяти Л.Н. Когана. Ч. II. – Екатеринбург, 2005. – С. 141–144.

Щанкина Т.М.

Представления и стратегии действий тюменской оппозиции

Вопросы фальсификации результатов парламентских выборов вызвали большой общественный резонанс, переместившись из виртуальных дискуссионных площадок на улицы города. В связи с предстоящими президентскими выборами у оппозиции появились новые возможности и альтернативы по изменению сложившегося статус-кво. Исследовательский интерес вызывает тема подготовки к выборам главы государства тюменской оппозиции, в частности, их дискурсивные практики и выбранная стратегия действий.

Позиция тюменских анархистов ясна и понятна. По их мнению, у власти фактически стоит группа крупных капиталистов-чиновников, интересы которых противоречат интересам 99 % процентов населения страны. Население устало от того, что их постоянно кто-то пытается «представлять», при этом, абсолютно не защищая их интересы. Институт представительной демократии исчерпал себя, а институт прямой демократии становится все более популярным. Они считают, что предстоящие выборы безальтернативные, так как при регистрации кандидатов использовался заградительный барьер. Для того, чтобы выборы президента не вылились в просто назначение нового диктатора, анархисты планируют строить сети народного самоуправления, поддерживать низовые инициативы. Тюменские анархисты и участники «Автономного действия» заявляют, что будут принимать участие в следующих акциях протеста, которые пройдут в городе, «потому

что это и есть пример той самой самоорганизации, о которой мы вечно говорим²⁵⁴». Так же анархисты призывают к забастовкам на производстве, по месту учебы, забастовкам с политическими требованиями и к бойкоту выборов Президента Российской Федерации. Анархисты ставят перед собой задачу сохранения протестной энергии народа для того, что бы общество стало эгалитарным и демократичным. По их мнению, необходимо добиваться отмены итогов парламентских выборов, отмены поста президента, запрета тайных голосований в думах и введения возможности отзыва депутата любого уровня в любой момент в случае потери доверия его избирателей (невыполнения их требований), принятия важных решений на электронных референдумах и облегчённой процедуры проведения таких референдумов и др.²⁵⁵.

РКРП-РПК так же активно высказываются о предстоящих президентских выборах: «буржуазная власть наметила на 4 марта очередной обман избирателей с помощью самих избирателей... В ноябре 2011 г. Медведев Д.А. назначил «новым президентом» Путина В.В. Так что «выборы президента» уже состоялись. Избирателям осталось лишь освятить своим голосованием путинско-медведевские «выборы». Секретарь Тюменского обкома РКРП-РПК А.К. Черепанов говорит о преступности власти, у нее единственный путь – это нечестные выборы. Также он говорит о том, что народ уничтожают через наркотики, некачественные продукты, подчеркивает гиблое положение страны и винит в этом путинско-медведевскую власть, которую пора убрать. Активисты РКРП призывают не голосовать 4 марта за Путина и его ставленников. Но затем официально Тюменский обком РКРП-РПК заявляет, что в создавшейся ситуации все сторонники партии, все честные люди вправе отказаться от участия в выборах президента РФ, пока не будет зарегистрирована политическая партия «Российский Объединенный Трудовой Фронт», пока не уйдут в отставку председатель Центральной избирательной комиссии РФ Чуров В.Е. и председатель Избирательной комиссии Тюменской области Халин И.Н., пока не будут признаны незаконными выборы депутата Тюменской областной Думы в Центральном г. Тюмени одномандатном избирательном округе № 17 4 декабря 2011 г., пока не будут расформированы все избирательные комиссии этого избирательного округа, допустившие нарушение законодательства о выборах и фальсификацию итогов голосования, пока не откажется от депутатского мандата ректор Нефтегазового университета Новоселов В.В. Мы требуем провести 4 марта 2012 г. повторные выборы депутата Тюменской

²⁵⁴ Сайт «Автономное действие» URL: <http://avtonom.org/news/10-dekabrya-v-tyumeni-vlast-razgovarivala-s-narodom-pri-pomoshchi-megafona-i-omona>.

²⁵⁵ Сайт «Golosa.info» URL: <http://golosa.info/node/6200>.

областной Думы по Центральному г. Тюмени одномандатному избирательному округу № 17²⁵⁶. Ну и, естественно, их главной целью остается социалистическая революция, которая может быть мирной.

Тюменское отделение КПРФ. Секретари и депутаты партии так же негативно оценивает общую ситуацию в России, говоря о том, что митинги – это отражение внутрикремлевской борьбы и народного мнения. Отмечается непрофессиональность и коррумпированность существующей власти, которая сама ведет себя к разрушению. Члены партии ждут от выборов массовых фальсификаций, и для предотвращения их начали обучать наблюдателей. В.Н. Тетёкин отмечает, что члены Бюро комитета Тюменского обкома КПРФ должны персонально отвечать за конкретные районы и за результаты в них. Также он говорит о необходимости проведения агитационных мероприятий, пикетов в поддержку Г.А. Зюганова и личных встреч депутатов с избирателями. Свое отношение к кандидатам они выражают через ссылки на компрометирующие ролики.

Националисты же, наоборот, стараются не вмешиваться в предвыборный дискурс, многие из них негативно относятся к тем, кто участвовал в акциях протеста. «У нас, патриотов-националистов, свой, третий путь. Против коммунистов, анархистов, против либералов. Нам не стоит размениваться на какие-то невнятные требования “вернуть голос” – сегодня вашими голосами воспользовались другие жулики и воры. Лишний человек на их митинге – это лишний плюстик им в копилку. Этот день можно было провести гораздо более продуктивнее – устроить внеочередную тренировку, провести пропагандистское мероприятие, да хотя бы просто прочитать полезную книгу²⁵⁷». Единственная тема, которая обсуждается в социальных сетях – это, какому кандидату каждый из них предпочитает отдать свой голос. И здесь их мнения разделяются, но согласны они в одном, что никогда не проголосуют за Путина. Главной их целью является пропаганда националистических взглядов и самосовершенствование.

Список источников и литературы:

1. Сайт «Автономное действие»: <http://avtonom.org/taxonomy/term/1761>.
2. Сайт тюменского отделения РКПП-ППК: <http://rkrp72.ru/>.
3. Группы ВКонтакте: http://vk.com/slavyane_tyumen; <http://vk.com/rotyumen>; <http://vk.com/rusgorod72>.
4. Сайт «Golosa.info»: <http://golosa.info/>.
5. Сайт «Цветной бульвар»: <http://tapki.org/>.
6. Сайт «Провинция.РУ»: <http://www.province.ru/tyumen/>.

²⁵⁶ Сайт тюменского отделения РКПП – ППК URL: <http://rkrp72.ru/index.php>.

²⁵⁷ Группа ВКонтакте «Русский Городь» <http://vk.com/rusgorod72>.

**Панель:
ВОЗМОЖНА ЛИ РЕВОЛЮЦИЯ
КРЕАТИВНОГО КЛАССА РОССИИ?
ПРАВЯЩИЙ КЛАСС VS КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС**

Калабина Е. В.

Креативный класс: теория и реальность

Теория креативного класса известного американского экономиста перевернула понимание о талантливых людях. Инновации, технологии и идеи – ключ к успеху во всех сферах деятельности людей. Однако зачастую реальные условия современного мира становятся преградой для полноценного развития творческого потенциала.

На пороге нового тысячелетия произошли серьезные перемены во всех сферах человеческой деятельности. Следствием изменений стала возросшая популярность креативного класса, перевернувшего понимание о талантливых людях. Еще американский экономист и социолог Йозеф Шумпетер (1883–1950) отмечал в своей теории «эффективной конкуренции» положительные моменты возникновения творческих идей.

В XXI веке происходит смена политических и экономических ориентиров. Общество встает на новую ступень развития, представителей креативного класса становится все больше. Креативность становится основным инструментом создания новых проектов, качественно улучшающих все сферы деятельности.

Йозеф Шумпетер в работе «Капитализм, социализм, демократия» (1942) описывает индивида, который способен создавать идеи и продавать их.

В настоящее время проблема существования креативного класса исследуется на разных уровнях. Экономисты и социологи изучают проблему распространения креативности. Идея роста креативности и инноваций уже проникла в Россию и постепенно набирает обороты. Многие российские исследователи занимаются проблемами распространения

креативности. В основном в их работах рассматривается возникновение креативного класса в России и дальнейшие перспективы его развития.

- Методология изучения «Креативного класса». Использование теоретического концепта в изучении развивающегося креативного слоя общества.

- Исторический опыт возникновения идей развития общества. Влияние хода истории на формирование творческого потенциала общества.

- Современные исследования креативного развития²⁵⁸. В настоящее время развитие креативного класса мало изучено. Основные теоретики: Ричард Флорида «Креативный класс: люди, которые меняют будущее», Чарльз Лэндри «Креативный город».

- Влияние глобализации на развитие российского креативного класса. Изучение влияния процесса глобализации на формирование творческого слоя в современной России.

Политическая элита России с точки зрения теории Ричарда Флориды недостаточно сильна для внесения коренных изменений в систему управления. Созданный государством проект по модернизации должен повысить уровень креативных профессионалов в политической и экономической сферах. Государственные проекты по поддержке развития креативных идей уже созданы и только начинают функционировать.

Креативный класс должен стать опорой для современной России, поднять уровень развития страны, максимально приблизив его к развитым странам. При этом эпоха индустриализации должна закончиться для всего государства, а не только для отдельных регионов. Целью для креативных профессионалов становится и улучшение уровня жизни для всего общества, а не только отдельных его представителей.

Список источников и литературы:

1. Флорида Р. «Креативный класс: люди, которые меняют будущее». Издательский дом «Классика-XXI». – М., 2007 г.

2. Лэндри Ч. «Креативный город». Издательский дом «Классика-XXI». – М., 2011 г.

3. Высоковский А. «Креативность как ресурс». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=25&article=1105>.

4. Ильницкий А. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/dossie/2010/06/15/edro.html>.

5. «Территория идей». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.terraidea.ru/karta-kreativnogo-klassa/>.

6. Зеленин Д. «Время креативного класса». [Электронный ресурс]. URL: http://www.ideologiya.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=5379.

²⁵⁸ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М., 2007.

7. Долгополов А. Формирование элит в системе городского сообщества. [Электронный ресурс].

8. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=907&level1=main&level2=articles>.

9. Безформата.ру. [Электронный ресурс].

10. URL:<http://perm.bezformata.ru/listnews/obsudyat-voprosi-formirovaniya-grazhdanskogo/657790/>.

11. Д.Г. Красильников, Е.А. Троицкая. Новый государственный менеджмент и административная реформа в Пермском крае [Электронный ресурс].

12. URL: http://ars-administrandi.com/article/Krasilnikov_Troickaya_2009_1.pdf.

13. Подберезкин А. Креативный класс и элита в условиях кризиса. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/org/hse/science/news/571364.html>.

Беляев А. Ю.

Факторы деятельности «технических» фабрик мысли в Санкт-Петербурге

«Фабрики мысли» можно обозначить как «Мозговые центры, получающие поддержку от государства, либо частные группы профессионалов, которые проводят исследования по некоторым или по всем дисциплинам, сообщают (передают) результаты своих исследований широкой общественности или целевой аудитории, на чье мнение они хотят повлиять»²⁵⁹. Данная трактовка очень близка к трактовке понятия «технических» фабрик мысли, однако не в полной мере ей соответствует. Обычно «технические» фабрики мысли работают или получают поддержку на конкретные целевые программы, а не на собственно функционирование организации.

Таким образом, в условиях ещё не консолидировавшейся демократии уместно было бы рассмотреть 2 формы участия фабрик мысли в процессе принятия решений. Первый, «когда власть не использует научных ресурсов или использует их в ограниченном объеме, полагаясь преимущественно на свои собственные ресурсы»²⁶⁰. Второй, когда экспертное сообщество частично (или полностью) берет на себя функции по мониторингу, анализу, прогнозированию информации, предлагает варианты по принятию тех или иных политических решений.

²⁵⁹ Bernardo M. Villegas. A Think Tank in Democratic Society. Economic Reform Today. Ideas into Action: Think Tanks and Democracy. Number 3, 1996, http://www.cipe.org/publications/ert/e21/E21_07.pdf.

²⁶⁰ Мадатов А.С. Демократизация: особенности ее современной волны // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Политология. – 2001. – № 3. – С. 45–56.

Вполне адекватным было бы сравнение отношений «фабрики мысли» – заказчики с отношениями производитель – потребитель. Соответствующим образом можно было бы обозначить существенные факторы, влияющие на спрос и предложение. Естественно, подкорректированные в соответствии с интересующими нас особенностями этого рынка.

По мнению автора, можно предположить, что поведение на рынке технических фабрик мысли детерминировано преимущественно факторами спроса, тогда как «Центры публичной политики», ориентируясь на свою миссию, уделяют им значительно меньше внимания. Также это может пояснить не только количественную разницу между, например, городами Москва и Санкт-Петербург, но и качественную направленность проектов.

Если проследивать путь становление фабрик мысли в РФ, то можно обнаружить факт развития «автономных аналитических центров в условиях демократизации политического режима и уменьшение роли аналитических центров в условиях консолидации «гибридного» политического режима»²⁶¹. Однако, технические и афелированные с госструктурами и бизнес-сектором могут существовать в таких условиях, пожертвовав значительной долей автономии.

Например, Центр стратегических разработок «Северо-Запад» занимается в основном Пространственным развитием региона²⁶². В фокусе их разработок оказываются в основном проблемы расселения, инфраструктуры, энергетики и рынка труда. Однако, не смотря на наличие спроса, обусловленного преимущественно ориентацией на предпочтения региональных администраций, «собственных доходов исследовательскому центру не хватает — помогают учредители, в том числе и «Россия». Без денег Ковальчука ЦСР было бы, например, не на что изучать перспективы развития северных регионов или слияние Москвы и Санкт-Петербурга с образованием гигантского «мегалополиса» – у этих проектов не было внешних коммерческих заказчиков»²⁶³.

Другой пример – Леонтьевский центр. В фокусе исследовательских проектов этой организации – региональная экономика, территориальное стратегическое планирование, поддержка предпринимательства и пространственное развитие в регионе Балтийского моря²⁶⁴. Практически идентичные направления исследований легко объясняются идентичными «стратегиями выживания» в данных условиях. Единственное, что его отли-

²⁶¹ Зайцев Д.Г. Аналитические центры как субъекты политического процесса// Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Москва, 2009.

²⁶² Сайт Центра стратегических разработок «Северо-Запад»: <http://www.csr-nw.ru/research>.

²⁶³ <http://www.forbes.ru/forbes/issue/2008-05/11152-strategii-kovalchuka>.

²⁶⁴ Официальный сайт Леонтьевского центра // Данные по исследованиям, проводившимся после 2008 года. <http://www.leontief-centre.ru/projects/>.

чает значительно, это, в добавок к своим основным функциям, деятельность в качестве посредника между другими некоммерческими организациями, а также дискуссионного центра, на базе которого постоянно проводятся семинары, тренинги и конференции, наибольшую известность из которых имеют «Леонтьевские чтения».

Однако «гражданская активность и общественные деятели уже поставлены в институциональные и правовые рамки, которые как ограничивают, так и обосновывают их возможности и не в последнюю очередь определяют способы, с помощью которых активные граждане могут повлиять на жизнь общества»²⁶⁵. Особенно важную роль играет степень институционализации политического процесса и уровень допустимой политической конкуренции и плюрализма, доступ международных акторов (таких как, например, фонды и прочие грантодающие организации), без средств которых сам факт активного существования, в частности, «Центров публичной политики» крайне сомнителен.

Из вышеобозначенного можно сделать вывод, что в силу ограниченных институциональных и финансовых ресурсов региона фабрик мысли в Санкт-Петербурге и других регионах всегда будет меньше, чем в Москве, а спрос на иные направления исследований расширяться не будет до тех пор, пока не изменятся институциональные рамки функционирования основных акторов (как заказчиков, так и фабрик мысли). Причем в силу особенности функционирования «технических» фабрик мысли преимущественным фактором являются именно факторы функционирования основных заказчиков и аффилиантов.

²⁶⁵ С. Ларг, А. Хэргель, М. Борш. Гражданское общество и гражданская активность в России. 2010 г.

Новикова С.А.
Председатель Пермского отделения МО РАПН

V Всероссийская Ассамблея молодых политологов: как это было

В Пермском государственном национальном исследовательском университете 23-24 апреля состоялась юбилейная V Всероссийская Ассамблея молодых политологов. Ассамблея организована кафедрой политических наук историко-политологического факультета ПГНИУ и научно-образовательным центром по европейской интеграции при финансовой поддержке фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, Европейской Комиссии по программе Жана Монне и Департамента внутренней политики Администрации губернатора Пермского края. Её участниками стали свыше 80 молодых исследователей со всей страны – это студенты, аспиранты и молодые учёные из Москвы, Санкт-Петербурга, Перми, Казани, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Челябинска, Тюмени, Новосибирска, Саранска, Саратова, Томска, Улан-Уде, Барнаула, Ростова-на-Дону и других городов России.

В очередной раз Пермская Ассамблея подтвердила свой статус «визитной карточки» пермской политологической школы и знакового события для молодёжной политической науки России в целом, объединив в себе формат интересной дискуссионной площадки и научной конференции по широкому кругу вопросов, стоящих перед современным гражданином.

На торжественной церемонии открытия с приветственным словом к участникам ассамблеи обратились проректор по стратегическому развитию, экономике и правовым вопросам, доктор политических наук Дмитрий Георгиевич Красильников, заведующая кафедрой политических наук ПГНИУ, профессор Любовь Александровна Фадеева, приглашённые эксперты, представители Молодёжного отделения РАПН.

В этом году в качестве приглашённых экспертов Ассамблеи выступили доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ Александр Юрьевич Сунгуров, приглашённый профессор университета г. Тарту (Эс-

тония) Фред Эйдлин, кандидат технических наук, доцент Государственного инженерного университета Армении Геворг Иванович Маргаров, кандидат политических наук, начальник научно-исследовательского отдела Екатеринбургской академии современного искусства Дмитрий Евгеньевич Москвин, кандидат политических наук, преподаватель МГИМО (У) МИД РФ Игорь Юрьевич Окунев, кандидат политических наук, старший преподаватель Тюменского государственного университета Андрей Владимирович Семёнов.

Начало Ассамблеи было ознаменовано презентацией «Сборника тезисов по итогам IV Всероссийской Ассамблеи молодых политологов» (25-26 апреля 2011 г.). Александр Юрьевич Сунгуров дал свою экспертную оценку сборника, подчеркнув качество и разнообразие представленных в нём тезисов.

В рамках Ассамблеи состоялась ставшая традиционной VI Всероссийская конференция «Современные политические реалии: взгляд молодых исследователей». В рамках конференции была организована работа 11 секций, участники которых презентовали результаты своих исследований по широкому кругу вопросов:

- Политические институты в сравнительной перспективе
- Политическая дискурология и мифология
- Региональные политические исследования
- Международные отношения и мировая политика
- Европейские исследования
- Вопросы государственной политики и управления
- Политическая идентичность
- Политические коммуникации
- Локальная политика
- Электоральная политика
- Символическая политика

Высокий уровень докладов на секциях, качественную работу модераторов, а также культуру ведения дискуссии отметили все участники.

Во второй половине дня участники Ассамблеи смогли принять участие в дискуссии «Гендерные вызовы в государственно-политическом пространстве современной России», которую модерировал старший преподаватель кафедры Алексей Сергеевич Горшков, а также мастер-классе преподавателя кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ Игоря Юрьевича Окунева «Международные образовательные программы и профессиональные стажировки для молодых политологов».

Участники проходившей в тот же день политико-философской дискуссии «Суверенная свобода в пространстве политического бытия» затронули множество аспектов различных трактовок этого понятия, согласились, что абсолютная свобода невозможна, а степень свободы каждого зависит от уровня несвободы в обществе в целом. Сперва дискуссия касалась общеполитического уровня понимания свободы, потом сосредоточилась на свободе политической и способах её обеспечения в различных обществах.

Одним из центральных событий первого дня Ассамблеи стал семинар по программе Жана Монне «Уникальное пространство. Европейская идентичность сквозь призму культуры и образования», ведущей которого выступила Любовь Александровна Фадеева. Геворг Иванович Маргаров посвятил своё выступление технической стороне современного образования в Европе, России и странах СНГ. Александр Юрьевич Сунгуров изложил своё видение места России в европейском образовательном пространстве и импорте образовательных инноваций. Специализирующийся на советской и российской политике Фред Эйдлин сравнил существующие образовательные практики с советскими и рассказал о месте России в европейской образовательной системе. Участники обсудили роль культуры и образования в формировании идентичности как национальной и региональной, так и общеевропейской, а также сочетание национальных традиций образования в странах Европы с единым образовательным пространством.

Программа Ассамблеи была столь насыщенной и интересной, что участникам приходилось выбирать между несколькими действующими параллельно площадками, и нередко этот выбор был тяжёлым. Однако регулярные встречи в перерывах между секциями и дискуссиями позволяли быстро делиться информацией и эмоциями.

Очень живо и непосредственно прошла «визуальная мастерская» аспиранта Южного Федерального университета Ильи Николаева «Протестная символика в современной России». Участникам было предложено создать новые символы (логотип, слоган) для трёх политических направлений – либералов, националистов или, так называемых, «сетевых хомячков».

После напряжённого дня состоялось заседание Правления МО РАПН, на котором присутствовали Президент МО РАПН Дарья Кислицына, вице-президент Дмитрий Руденкин, председатель Правления МО РАПН Валентина Ефремова, члены Правления и представители региональных отделений. Члены Правления обсудили работу Научного Совета МО РАПН, перспективы развития сайта МО РАПН, организацию Форума молодых политологов в рамках Конгресса РАПН, который состоится в ноябре 2012 года в Москве.

Во второй день состоялся семинар с элементами мастер-класса «Информационные технологии как преграда и условие развития политолога в образовательном и исследовательском процессе», ведущими которого стали молодые преподаватели из Москвы и Тюмени Константин Кокарев и Андрей Семёнов и аспирантка ИНИОН РАН Валентина Ефремова. Участники семинара обсудили множество вопросов – от использования политологами информационных технологий (для образовательных, исследовательских и прикладных проектов) до качества работы с информацией в целом, обменялись опытом различных вузов по внедрению специальных курсов, которые прививают навыки работы с программным обеспечением и интернет-сервисами, и наметили пути и способы улучшения качества преподавания в этой области. В результате семинара участники договорились о

создании инициативной группы по разработке экспериментального учебно-методического комплекса по информационным технологиям и работе с информацией для политологов.

В этом году Ассамблея была насыщена мероприятиями дискуссионного и интерактивного формата: часть докладов участников были представлены на панельных дискуссиях, посвященных, в частности, конструированию пространственной идентичности, национальному вопросу в современной России, развитию российского креативного класса, гражданскому участию на низовом уровне и итогам электорального цикла 2011–2012 годов.

Интерес участников Ассамблеи вызвала дискуссия «Формирование региональной идентичности в России в пространственном отношении: основные элементы, инструменты, механизмы». Её ведущий, профессор Олег Борисович Подвинцев, начал с краткого вступления о значении региональной идентичности для сохранения единства России. В роли дискутантов выступили Алексей Гончарик с докладом о пространственной организации регионов и конструировании региональной идентичности и Всеволод Бедерсон с докладом о символических героях и их роли в конструировании идентичности региона. Олег Борисович Подвинцев привёл примеры формирования идентичности различных территорий. Дискуссия прошла очень живо и насыщено, участники поделились опытом своих регионов в конструировании идентичности места, рассказав о символических героях и пространственной организации в Свердловской области, Санкт-Петербурге, Пермском крае, Марий Эл, Мордовии, Нижегородской обл. и других субъектах. Обмен опытом из жизни различных регионов позволил участникам представить множественность векторов развития региональных идентичностей.

На параллельной дискуссии «Гражданское участие на местном уровне: grassroots democracy», которую провёл Александр Юрьевич Сунгуров, участникам предстояло обсудить опыт и проблемы местных сообществ и их активности как в Перми, так и в городах Сибири.

Панель «Итоги избирательного цикла 2011–2012 гг.» получилась не менее оживлённой. Вместе с доцентом кафедры политических наук Петром Вячеславовичем Пановым участники подошли к заявленной теме весьма основательно и поделились соображениями, а также собственными наблюдениями о состоявшихся выборах Государственной Думы и Президента РФ, их восприятию в обществе, отличиях в восприятии, причинах этих отличий, корнях этих причин и т. д.

На панельной дискуссии «Национальный вопрос в современной России», модератором которого выступила доцент кафедры Галина Александровна Данилова, был поднят целый пласт вопросов: о месте «русскости» и «русских» в России как смысловом поле в конструировании идентичности, о дискурсивных и символических особенностях русских националистов, влиянии событий на Манежной площади в Москве на национальный вопрос, влиянии националистических организаций и кризиса националь-

ной идентичности на кризис федеративной модели в России. В качестве дискуссионных выступили студент 5 курса Санкт-Петербургского государственного университета Всеволод Герасимов, аспирант ПГНИУ Светлана Новикова и младший научный сотрудник Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН Олеся Лобанова. А студенты открытого в этом году направления «Международные отношения» дебютировали с докладом о националистической риторике в предвыборных кампаниях Владимира Путина и Владимира Жириновского.

Дискуссия «Возможна ли революция креативного класса России? Правящий класс vs креативный класс», которой руководил начальник научно-исследовательского отдела Екатеринбургской академии современного искусства Дмитрий Евгеньевич Москвин, также получилась весьма напряжённой. Выслушав доклады студентки ПГНИУ Елены Калабиной (о креативном классе в пермском контексте) и студента СПбГУ Александра Беляева (о «фабриках мысли» в Санкт-Петербурге), участники дискуссии пытались оспорить само применение концептов для российских случаев. В качестве итога дискуссии было предложено рассматривать «креативный класс» как сегмент общества, который может мобилизоваться по вопросам городского управления, но не является непосредственным участником борьбы за власть, тогда как идея «революции креативного класса» является скорее пропагандистским клише с не определившимися до настоящего времени коннотациями.

Наконец, самым оригинальным среди мероприятий Ассамблеи стала стратегическая ролевая игра «Революция», которая состоялась в рамках проекта «Университет и сообщество». Задачей игроков было попытаться изменить существующую расстановку сил, используя те ресурсы, которые были выданы им модераторами игры. Результаты оказались совершенно непрогнозируемыми: группа «Власть» не смогла сохранить позиции, несмотря на неожиданную поддержку со стороны части оппозиционеров. Победа досталась контр-элитному триумвирату духовного лидера, генералитета и авторитетной олигархии, которые объединили вокруг себя широкие слои рабочих, бизнесменов, военнослужащих, часть интеллигенции, верующих и собрали большую часть ресурсов.

«Гостевую лекцию» на тему «Постсоветские страны-члены Европейского союза: от советских сателлитов к европейской интеграции» (на английском языке) провел приглашённый профессор университетов г. Тарту и Праги Фред Эйдлин. Профессор подробно осветил проблемы тернистого пути восточно-европейских государств к современным ценностям европейской наднациональной модели. Слушателям, несомненно, запомнился открывавший лекцию яркий видеоролик.

В финале Ассамблеи состоялась «Презентационный вернисаж», на котором были представлены текущие научные проекты кафедры, прошла презентация Вестника Пермского университета и журнала МО РАПН «Первая

степень», а также магистерских программ кафедры политических наук и Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ.

Затем состоялось торжественное закрытие V Всероссийской Ассамблеи молодых политологов. Эксперты и организаторы Ассамблеи сказали заключительные слова и поделились впечатлениями от двухдневного мероприятия.

Закрытие включало ещё одно важное событие – подведение итогов и награждение победителей конкурса эссе по электоральной проблематике. Этот конкурс посвящён памяти Александры Хайдаровой, он проводится уже в третий раз. Поддержку в организации конкурса с момента его основания оказывает депутат Пермской городской Думы, к. полит. н. Мария Фёдоровна Батуева. В этом году участники представили работы, посвященные отражению темы выборов в СМИ и сети Интернет, анализу предвыборной агитации в ходе президентской и парламентской кампаний и другим проблемам. Мария Фёдоровна отметила, что «работы были одна лучше другой, и выбрать победителя было непросто». Победителем конкурса эссе стала студентка 3 курса Елена Копысова с работой «Европейское видение российских выборов 2011–2012 гг.».

Руководитель Пермского отделения МО РАПН Светлана Новикова вручила участникам специальные сертификаты в благодарность за два дня интенсивной работы. Старший преподаватель Тюменского государственного университета Андрей Семёнов сказал ответное слово со стороны участников, отметив, что Ассамблея постоянно меняется, но при этом остается интересной.

Высказанные в интервью впечатления участников и экспертов отражают атмосферу Ассамблеи:

Игорь Окунев, кандидат политических наук, преподаватель МГИМО (У) МИД РФ: «Мне очень понравилось. Мне кажется, лучшая формула удачных периодических мероприятий это «традиция формы плюс новизна содержания». И у вас это отлично получается, вы сохраняете общие контуры Ассамблеи, принцип её формирования, сохраняете и так важную для молодёжного отделения среду для общения и формирования новых проектов. Но при этом у вас есть динамика в содержательном плане, новые темы, новые проекты, наконец, новые форматы, как игра в этот раз».

Дмитрий Руденкин, вице-президент МО РАПН: «Крайне позитивное впечатление осталось. Пятый год к Вам ездю – и каждый раз это другой формат, другие впечатления. Это говорит о том, что в Перми политология явно не стоит на месте. О том, что Вы всё время ищете, как бы сделать лучше тот формат, который и сам по себе уже очень хорош. Меня очень порадовало обилие новых участников в этом году. Может быть, это говорит о том, что наше поколение уже уходит в другие сферы, а его сменяют новые... Огромнейший плюс, который есть у Ассамблеи – Вам удалось создать и поддерживать отличную атмосферу творчества и доброжелательного общения, ради которой хочется снова и снова приезжать. За столько лет

менялось много людей, которые непосредственно организуют Ассамблею, а все равно получается эту неуловимую атмосферу сохранять».

Алёна Кулапина, студентка Казанского федерального университета: «Сказать, что мне понравилось, значит, ничего не сказать. Это было здорово! И я, и мои коллеги выражают огромную благодарность всем ребятам и преподавателям, кто организовал это мероприятие! Нас очень радушно встретили и в общежитии, где мы жили, и в самом университете! Очень порадовала насыщенная программа Ассамблеи! До этого была на «Ломоносове-2012», было, если честно, скучновато. А у вас и секции, и мастер-классы, и панельные дискуссии! В общем, я осталась довольна мероприятиями!

Совсем не хочется критиковать! У вас замечательный город, замечательные ребята, замечательный университет, и Ассамблея вызвала лишь бурю положительных эмоций. Я побывала на всех мероприятиях, на которые смогла попасть в связи с совпадением их по времени! Очень надеюсь приехать к Вам в следующем году!»

Алексей Владимирович Гилёв, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политических наук: «Сегодня Ассамблея, если говорить на нашем с вами политологическом языке, институционализировалась. Отраднo осознавать, что теперь наступление Ассамблеи так же естественно, как наступление весны. Ведь российскому сообществу молодых политологов необходимы такие институты, позволяющие студентам и аспирантам представить себя и свои исследования, получить комментарии в «заинтересованной» обстановке, поговорить на интересующую тему в плодотворном формате, когда дискуссия – это способ поделиться интересными соображениями, а не просто ораторская схватка ради схватки».

Роман Андреев, ассистент кафедры политических наук: «Интересная и насыщенная программа, как по количеству докладов и выступлений, так и по качеству. Очень понравился ход с разделением по дням на секции и панельные мероприятия. Ролевая игра, прошедшая в течение Ассамблеи, принесла море позитива».

Михаил Мухин, студент кафедры государственного и муниципального управления: «За последние 2 месяца моей жизни участие в панельной дискуссии «Гражданское участие на местном уровне» стало одним из самых увлекательных и полезных мероприятий. Эта панельная дискуссия и вообще вся Ассамблея дает идеальную возможность обменяться мнениями, получить информацию о происходящем в стране и ее “глубинке”, обсудить проблемы и возможные пути их решения, в очном режиме получить мнение авторитетных экспертов и таких же молодых исследователей, как я. Благодаря обсуждению в рамках этой площадки, я получил новый взгляд на проблему своего исследования с точки зрения профессора из Санкт-Петербурга и аспиранта из Улан-Уде (а когда и где я смог бы получить все это?). Огромное спасибо организаторам, экспертам и участникам V Ассамблеи молодых политологов. Бегу вступать в МО РАПН».

Сведения об авторах

Андреев Роман Владимирович, аспирант Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Артемов Антон Викторович, аспирант Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).

Бабинцева Елена Александровна, студентка Бурятского государственного университета (г. Улан-Уде).

Бедерсон Всеволод Дмитриевич, аспирант Пермского филиала Института философии и права Уральского отделения РАН (г. Пермь).

Беляев Александр Юрьевич, Санкт-Петербургский филиал НИУ ВШЭ (г. Санкт-Петербург).

Булатова Диана Кутузовна, преподаватель Тюменского государственного университета (г. Тюмень).

Вагизов Роман Романович, студент Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Герасимов Всеволод Кирович, студент Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ (г. Санкт-Петербург).

Гончарик Алексей, выпускник аспирантуры ИНИОН РАН (г. Москва)

Гонцов Кирилл Викторович, студент Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).

Гранатова Юлия Валерьевна, магистрант Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Григорьев Нургун Афанасьевич, студент Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Якутск).

Григорян Астхик Мнацакановна, студентка Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань).

Гуляева Анастасия Геннадьевна, магистрант Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Давыдов Дмитрий Александрович, студент Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Демин Евгений Николаевич, студент Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Егошина Елена Геннадьевна, аспирант Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Нижний Новгород).

Ефремова Валентина Николаевна, аспирант ИНИОН РАН (г. Москва).

Залева Анна Руслановна, студентка Тюменского государственного университета (г. Тюмень).

Зуйкина Анна Сергеевна, аспирант Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Кайгородова Анастасия Федоровна, студентка Тюменского государственного университета (г. Тюмень).

Калабина Елена Владимировна, студентка Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Каплина Юлия Сергеевна, аспирант Томского государственного университета (г. Томск).

Кашапова Дарья Рашидовна, студентка Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань).

Копысова Елена Александровна, студентка Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Косович Станислав Борисович, аспирант Тюменского государственного университета (г. Тюмень).

Краева Софья Аркадьевна, магистрант Тюменского государственного университета (г. Тюмень).

Крылов Дмитрий Сергеевич, студент Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Кулапина Алена Владимировна, студентка Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань).

Кулеш Елена Александровна, аспирант Томского государственного университета (г. Томск).

Лаврентьева Нина Сергеевна, студентка Тюменского государственного университета (г. Тюмень).

Лобанова Олеся Юрьевна, м.н.с. Института проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН (г. Тюмень).

Лукашкина Анна Андреевна, магистрант Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Мамаева Полина Александровна, студентка Тюменского государственного университета (г. Тюмень).

Машнина Мария Владимировна, студентка Тюменского государственного университета (г. Тюмень).

Михайлов Александр Юрьевич, студент Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань).

Мозжегоров Сергей Владимирович, аспирант НИУ ВШЭ (г. Москва).

Мухин Михаил Александрович, студент Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Новикова Светлана Александровна, аспирант Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Окунева Елизавета Сергеевна, студентка НИУ ВШЭ (г. Москва).

Падерина Дарья Сергеевна, студентка Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Петрова Регина Игоревна, студентка Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Платонова Елизавета Сергеевна, студентка Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань).

Плотников Артур Николаевич, студент Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Постникова Кристина Александровна, студентка Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Руденкин Дмитрий Владимирович, аспирант Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Семенов Андрей Владимирович, преподаватель Тюменского государственного университета (г. Тюмень).

Семериков Максим Андреевич, студент Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Сивинцева Ольга Владимировна, соискатель Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Сизикова Екатерина Сергеевна, студентка Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск).

Сирюкова Яна Алексеевна, студентка Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань).

Солдатова Анна Сергеевна, аспирант Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (г. Саранск).

Сонина Валентина Владимировна, студентка Южно-Уральского государственного Университета (г. Челябинск).

Сониц Алиса Михайловна, студентка Тюменского государственного университета (г. Тюмень).

Стеблинская Алиса Олеговна, студентка Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань).

Теплоухов Олег Михайлович, студент Тюменского государственного университета (г. Тюмень).

Титерин Олег Олегович, студент Саратовского государственного университета (г. Саратов).

Тырина Елена Игоревна, аспирант Пермского филиала Института философии и права Уральского отделения РАН (г. Пермь).

Фахразеева Светлана Раиловна, магистрант Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Филиппова Мария Владимировна, студентка Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова (г. Ярославль).

Хаустов Олег Олегович, студент НИУ ВШЭ (г. Москва).

Церетели Ламара Александровна, студентка Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).

Цумарова Елена Юрьевна, аспирант Петрозаводского государственного университета (г. Петрозаводск).

Черкасов Антон Александрович, аспирант Пермского филиала Института философии и права Уральского отделения РАН (г. Пермь).

Шакирова Полина Наилевна, студентка Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Шарова Екатерина Александровна, студентка Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Щанкина Татьяна, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)

Якимова Мария Алексеевна, студентка Пермского государственного национального исследовательского университета (г. Пермь).

Научное издание

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ПО ИТОГАМ V ВСЕРОССИЙСКОЙ АССАМБЛЕИ
МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ
(23-24 апреля 2012 года, Пермь)

Компьютерное исполнение

О. А. Чилеевой

Корректор

Т.Н. Назукина

Подписано в печать ____ .04.2013 г. Формат 60х90^{1/16}
Усл. печ. л. 11,16. Бумага ВХИ. Гарнитура Times New Roman.
Заказ № 11371, тираж 200 экз.

Сверстано и отпечатано в ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова»,
г. Пермь, ул. Пушкина, 27, тел.: 8(342) 212-44-53, 294-11-40
e-mail: domtarasova@inbox.ru